

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

3/2023

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Домашенко**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиушенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **V.A. Domašenko**, Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliušenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел:** +7 (856) 302-92-33. **E-mail:** vi.terkulov@mail.ru, s.vildgrube@mail.ru, v.korobova-latyntseva@mail.ru. **URL:** <http://donnu.ru/vestnikD>.

Печатается по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

Протокол № 12 от 22.12.23 г.

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2023

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 3/2023

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Слышкин Г.Г., Смирнова Е.Д.</i> Словообразовательная модель «Яжмать»: новый способ вербализации раздражения	6
<i>Головачева О.В., Капшуклова Т.В.</i> Лексико-стилистические особенности произведений М. Денисовой	15
<i>Дабержа В.В.</i> Обзор научно-исследовательских и лексикографических источников по этнической ономастике приднестровского региона	21
<i>Желябова И.В., Милославская В.В., Белоусова Л.С.</i> Вербализация диалектной картины мира на материале тематической группы «растительный мир»	34
<i>Лиханова Н.А.</i> Лингвистический ландшафт г. Новосибирска как источник формирования региональной культуры (на материале китайской эргонимической лексики)	42
<i>Матвеева И.В.</i> Проблемы пересечения регионально окрашенной лексики (на примере анализа пересечений регионализмов Новосибирской области с другими регионами)	48
<i>Мозговой В.И.</i> О роли межъязыковых соответствий при передаче правового смысла собственных имён в региональной ономастике	59
<i>Полежаева С.С.</i> Городское культурно-семиотическое пространство: вербальная и невербальная аспектация	68
<i>Пантелеев И.В.</i> Сакральная микротопонимия Тульской области	83
<i>Смирнова Г.Ю.</i> Языковая атмосфера юного ленинградца: дом – двор – район	91
<i>Акулович И.А., Романин Е.В.</i> Особенности региональных вариантов русского языка в странах СНГ как средство создания комизма на материале интернет-мемов (кейс республики Беларусь и республики Молдова)	97

<i>Власкина Т. Ю.</i> Метафорический перенос обстрел – ненастная погода в региолекте современного Донбасса	111
<i>Чекина А. А.</i> «Дедушко-домовеюшко, полюби мою семеюшку»: обрядово-этикетные формулы обращения к домовым в регионах Русского Севера	119

Слово молодому учёному

<i>Ягловская А. В.</i> Мотивировочные признаки в обрядовой лексике (на материале украинских говоров Воронежской области)	126
--	-----

Психология

<i>Ангелина Э. А.</i> Сравнительный анализ подходов отечественных и зарубежных ученых к феномену жизнестойкости	133
<i>Вильдгрубе С. А., Rogozina М. Ю.</i> Гендерные различия манипулятивного поведения студентов психолого-педагогических специальностей	139
<i>Руденко С. В.</i> Проявление макиавеллизма у лиц с разным уровнем эмоционального интеллекта	148
Правила для авторов	161

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 3/2023

CONTENTS

Philology

<i>Slyskin G.G., Smirnova E.D.</i> Word-formation model «Яжмать»: new way of verbalizing annoyance	6
<i>Golovacheva O.V., Kapshukova T.V.</i> Lexical and stylistic features of works by M. Denisova	15
<i>Dabezha V.V.</i> Review of research and lexicographic sources about ethnic onomastics of the pridnestrovian region	21
<i>Zhelyabova I.V., Miloslavskaya V.V., Belousova L.S.</i> Thematic group “Plants” in dialect picture of the world	34
<i>Lihanova N.A.</i> Linguistic landscape of Novosibirsk as source of regional culture formation (based on Chinese ergonymic vocabulary)	42
<i>Matveeva I.V.</i> Problems in intersection of regionalized vocabulary (on the example of Novosibirsk region regionalisms’ intersection with regionalisms in other regions)	48
<i>Mozgovoy V.I.</i> On the role of interlanguage correspondences in transmitting legal meaning of proper names in regional onomastics	59
<i>Polezhaeva S.S.</i> Urban cultural and semiotic space: verbal and non-verbal aspects	68
<i>Panteleev I.V.</i> Sacred microtoponymy of Tula region	83
<i>Smirnova G.Yu.</i> Linguistic atmosphere of young inhabitant of Leningrad: house – yard – district	91
<i>Akulovich I.A., Romanin E.V.</i> The specifics of regional variants of the Russian language in the CIS countries as a means of creating comicality based on internet memes (case of the republic of Belarus and the republic of Moldova)	97
<i>Vlaskina T.Y.</i> Metaphorical transference “SHELLING is NASTY WEATHER” in regiolect of modern Donbass	111
<i>Chekina A.A.</i> "Dedushko-domoveyushko, love my family": ritual and etiquette	119

formulas for addressing house goblins in regions of Russian North

Commencing scholars, have your say!

Yaglovskaya A.V. Motivational features in rituals vocabulary of Ukrainian dialects of Voronezh region 126

Psychology

Angelina E.A. Comparative analysis of approaches by domestic and foreign scientists to phenomenon of resilience 133

Wildgrube S.A., Rogozina M.Yu. Gender differences in manipulative behaviour of students of psychological and pedagogical specialities 139

Rudenko S.V. Manifestations of Machiavellianism in persons with different level of emotional intelligence 148

Guidelines for authors 161

29 сентября 2023 года исполнилось 75 лет прекрасному человеку, учёному, преподавателю, постоянному автору нашего журнала, кандидату филологических наук, доценту кафедры русского языка Донецкого государственного университета Владимиру Ивановичу Мозговому.

Владимир Иванович закончил Донецкий государственный университет в далёком 1976 году. По распределению с 1976 по 2017 гг. работал в Донецком политехническом институте, Донецком национальном техническом университете на должностях ассистента, доцента кафедры русского языка, заместителя и секретаря парткома Донецкого политехнического института, профессора кафедры менеджмента и хозяйственного права ДонНТУ. В 1982–1985 годах был командирован в Афганистан для работы в Кабульском политехническом институте. Как участник боевых действий награждён пятью медалями, а в 1991 г. – Почётным знаком Государственного комитета СССР по

народному образованию «За отличные успехи в работе. В 1994 г. избирается депутатом Донецкого городского Совета народных депутатов XXII созыва. В 1996-97 гг. работает в должности первого проректора, а затем ректора Донецкого института социального образования. В 2010 г. становится лауреатом Всеукраинского конкурса «Лучший преподаватель украинского языка высшего учебного заведения Украины».

С 2017 года Владимир Иванович работает на кафедре русского языка ДонГУ.

Владимир Иванович – известный учёный, основатель научного направления «Правовая ономастика». Им опубликовано более 260-ти работ, из них три учебных пособия с грифом Министерства образования и науки Украины, пять книг-монографий по истории Донбасса, ставших победителями Региональных фестивалей «Книга Донбасса» в номинации «Гуманитарные науки». Он является членом Научно-методического совета Гильдии лингвистов-экспертов Российской Федерации, членом Ассоциации преподавателей русского языка и литературы («РОПРЯЛ»), членом редколлегии научного журнала «Новые горизонты русистики».

Дорогой Владимир Иванович! За плечами у Вас много свершений, подвигов, достижений и открытий. Никогда не останавливайтесь, идите дальше к своим целям и мечтам. Желаем Вам неугасаемой энергии, благополучия, чтобы здоровье не подводило, а близкие не разочаровывали. Пускай в Вашей жизни все будет спокойно, хорошо и душевно. Долгожданного мира Вам и новых свершений!

**Редколлегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Д. Филология и психология»**

ФИЛОЛОГИЯ

УДК: 81:271

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ «ЯЖМАТЬ»: НОВЫЙ СПОСОБ ВЕРБАЛИЗАЦИИ РАЗДРАЖЕНИЯ

© 2023 Г.Г. Слышкин¹, Е.Д. Смирнова²

¹ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко

²ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

В статье рассматривается лексическое сращение «личное местоимение в именительном падеже + дискурсивная частица же/ж + существительное в именительном падеже со значением социального статуса». Анализируются его семантические характеристики (обозначение различных типов нарушения социальных норм), прагматические функции (выражение раздражения). Прослеживается развитие конструкции от единичной лексемы «яжмать» к продуктивной словообразовательной модели. Определяются факторы, детерминирующие соответствие «языковому вкусу эпохи». Материалом исследования стали интернет-тексты различной жанровой принадлежности (публикации и комментарии на развлекательных порталах, в социальных сетях, новости). В процессе исследования авторами использовались методы семантического, компонентного, интерпретационного анализа.

Ключевые слова: словообразование, словообразовательная модель, раздражение, социальный статус, пейоратив, лексическое сращение.

Введение. Принципиальным отличием лингвокультуры от культуры является повышенное внимание к негативным ценностям. Язык, будучи утилитарной сущностью, ориентирован на обеспечение выживания человека в среде, полной вызовов и угроз, и стремится как можно более детально и кратко обозначить эти вызовы и угрозы. Позитивная сущность может быть репрезентирована в коммуникации описательно, негативная же нуждается в однословном обозначении. Именно поэтому в словарном составе любого языка пейоративная лексика преобладает над мелиоративной и ее состав непрерывно пополняется.

Меняющиеся социокультурные условия, типичное для современного человека состояние коммуникативного перенасыщения и невозможности уклониться от нежелательной коммуникации провоцируют чувство постоянного раздражения. Раздражение – это негативное эмоциональное состояние, вызываемое несоответствием событий или ситуаций внешнего мира ожиданиям индивида. Среди факторов, способных вызвать раздражение, наиболее значимое место занимают другие люди [12, с. 495]. Интенсификация вынужденной коммуникации порождает потребность в номинации все новых и новых лингвокультурных типажей, вызывающих раздражение. В рамках данной статьи будет рассмотрена новая для русского языка продуктивная словообразовательная модель «личное местоимение в именительном падеже + дискурсивная частица же/ж + существительное в именительном падеже со значением социального статуса», служащая для обозначения целого комплекса разноплановых раздражающих ситуаций и их

участников. Первым шагом в развитии данной модели стало возникновение в интернет-коммуникации лексемы *яжмать*.

***Яжмать*: от интернет-нарратива к узуальной лексеме**

Материнство – один из самых позитивных элементов концептосферы любого социума. Современные исследователи [3, 5, 8, 9 и др.] отмечают, что ценностная составляющая концепта *материнство* свойственна всем народам, а отношение варьируется в рамках особенностей менталитета и частных ценностных доминант. Исследователи, проводя анализ лексемы *мать*, выделяют, помимо очевидных материнских функций, ее способность вступать в противопоставительные отношения:

- *мать* – *мачеха* [6, с. 18],
- *мать* – *теща* [14],

где *мать* – однозначно позитивный элемент, а *мачеха/теща* – негативный. Позитивному образу, согласно мнению ученых [6, там же; 8, с. 114], свойственна жертвенность, роль защитницы, хранительницы традиций, воспитательницы. В русской лингвокультуре номинативная плотность концепта «мать» сравнительно невелика, синонимический ряд формируется в основном однокоренными ласкательными диминутивами: *мама, мамуля, мамочка, матушка* и т.п. При этом концепт, обладая обширной метафорической диффузностью, служит средством апелляции к иным позитивным концептам: *родина, природа, земля* и т.д.

Однако в начале XXI века общественное отношение к материнству претерпело определенные изменения: наряду с традиционным позитивным концептом стала формироваться его негативная альтернатива. Причинами этого стали, с одной стороны, растущие агрессивность и нетерпимость в обществе, с другой – наблюдающаяся тенденция к фетишизации детства и устранению из системы функций родителя обязанностей по полноценной социализации ребенка. Исследователи отмечают, что одним из проявлений кризиса семейных ценностей в современном обществе стало «возведение ребенка в ранг «божества» и как результат формирование несамостоятельной личности, думающей, что ей можно все и общество обязано выполнять его прихоти» [11, с. 271]. Результатом влияния этих факторов стал генезис в общественном сознании стереотипизированного образа безответственной и агрессивной матери.

Раздражение от безответственного материнства постепенно генерировалось в лингвокультуре и прошло несколько этапов концептуализации:

Этап 1. Формульные нарративы. Трансформация оценочного знака концепта начинается с появления новых сюжетных формул развлекательных жанров массовой культуры [16, с. 27–28]. Так, с середины 2010 гг. в сети Интернет становятся популярны повествования бытовой тематики, в которых главными героями являются стереотипизированные персонажи:

Мать (М) – нарушитель социальных норм или защитник права ребенка на нарушение социальных норм;

Ребенок (Р) – нарушитель норм или жертва их нарушения со стороны М;

Повествователь (П) – свидетель / жертва / противник нарушения социальных норм.

Основные сюжетные формулы, по которым строится подобное повествование:

• Р на глазах П совершает антисоциальный поступок, М оправдывает этот поступок особым детским статусом и своим монопольным правом на оценку поступков Р;

• М на глазах П совершает антисоциальный поступок и оправдывает его своим особым материнским статусом;

• М на глазах П совершает деструктивный поступок по отношению к Р и оправдывает его своим особым материнским статусом и монопольным правом на принятие решения относительно Р. [13, с. 92].

Этап 2. Единица метаязыка интернет-поиска. Сформировавшийся массив формульных нарративов, размещаемых на популярных ресурсах в сети Интернет, привлек значительную читательскую аудиторию. Появилась потребность в тематическом маркировании данных нарративов для обеспечения возможности их поиска. Функцию подобного маркера в интернете выполняют так называемые теги или дескрипторы. Как правило, для реализации поисковой/сортировочной функции достаточно уже существующих лексических единиц. Однако для рассматриваемого типа нарратива подобное было бы невозможно: использование лексемы *мать* включило бы в поисковый запрос все истории, ее содержащие, т.е. все существующие повествования о материнстве, включая позитивные рассказы, научные исследования, информацию о беременности, форумы матерей и пр. Именно поэтому для маркирования нарративов об антисоциальной матери был создан тег-неологизм – *#яжмать*.

Основанием для возникновения тега стало восклицательное предложение *Я же мать!* (вариант – *Я ж мать!*), часто употребляемое в нарративах для оправдания антисоциальных действий, совершаемых матерью или её ребенком. Путем сращения трех частей, предложение «Я же мать!» подверглось лексикализации и превратилось в тег. Специфика подобных сращений, типичных для современного интернет-дискурса, проанализирована в работе О.А. Башкирцевой и Д.М. Дедковской. Для их обозначения авторами предложен термин «синтезированные лексические единицы» [3, с. 135–136].

Отметим, что данная словообразовательная формула нехарактерна для русского языка, поэтому исследователи рассматривают образование лексем типа *Яжмать* с разных точек зрения [1, 3, 15], однако для языка социальных сетей она является продуктивной.

Этап 3. Полноценная лексема. Следующим этапом эволюции концепта становится выход за пределы метаязыка интернет-поиска и превращение тега в полноценную нарицательную лексему с негативной коннотацией, употребляемую не только в рамках развлекательного нарратива, но и иных речевых жанров (в том числе в устной речи), и обладающую грамматическими категориями рода, падежа и числа. Приведем несколько примеров (*прим.: здесь и далее пунктуация сохранена*):

- *Машина на мойке моется. Яжмать звонит своему мужу, спрашивает, долго ли он. Муж приезжает ровно к 9. Идем смотреть машину. <...>* (Портал Drive.ru, 03.05.2017);
- *Сестра превратилась в яжмать – как с ней общаться?* (Форум lady.mail.ru, 28.03.2017 г.);
- *Потом такие яжматери рассказывают всем, что люди вокруг злые, а они все такие белые и пушистые.* (Портал ЯплакалЪ, комментарий пользователя averse, 2017 г.).

Анализ собранного корпуса словоупотреблений показывает, что пейоратив *яжмать* полисемичен, хотя значения довольно близки и основаны на семе «асоциальная женщина с ребенком». Можно выделить следующие значения лексемы: 1) женщина с ребенком, нарушающая общественный порядок; 2) женщина, неспособная контролировать ребенка; 3) женщина с ребенком, злоупотребляющая

своими правами; 4) женщина с ребенком, неспособная взаимодействовать с окружающими в рамках вежливого общения.

Превращаясь в полноценную лексему, *яжмать* приобретает способность к деривации. Самыми частотными дериватами становятся прилагательное *яжмамский* и существительное *яжмамка*, в котором путем добавления уничижительно-пренебрежительного суффикса *-к* негативная семантика усиливается:

- *Яжмамке плевать, что у сестер и подруг могут быть другие планы (обида на них будет до конца жизни, если откажут)* (Сетевое издание «WOMAN.RU», 2023 г.);
- *... честно, ощущение, что читаю не любимый форум, а какой-то яжмамский ресурс* (Сайт Domidog.ru, комментарий пользователя, 2019 г.).

В чем же причина столь значительной языковой и коммуникативной экспансии, аналогов которой мы не наблюдаем у прочих синтезированных единиц интернет-происхождения (например, *яплакаль* или *многобукв*)? На наш взгляд, причина кроется в очень удачной внутренней форме единицы, сочетающей экспрессивность, иронию и довольно сложную языковую игру.

Важным элементом производящего высказывания *Я ж мать!* является частица *же/ж* [2, с. 381–443]. Основное значение частицы *же* – «настаивание, усиление». В предложении *же* примыкает к предшествующему акцентированному слову. При употреблении в ответной реплике диалога частица указывает на факт, очевидный для говорящего, но не принятый во внимание адресатом, и придает высказыванию эмоциональные оттенки раздражения, возмущения, упрека, подчеркивания непреложности факта и недопустимости иной трактовки ситуации. В случае с предложением «Я же мать!» *же* используется для подчеркивания значения слова *мать*, наделяя его функцией аргумента и тем самым избавляя от необходимости расширения предикативной части высказывания (*Я знаю лучше, потому что я – мать!* или *Я имею на это право, потому что я – мать!*). Таким образом, сложная языковая игра, реализуемая в рассматриваемой лексеме заключается в следующем: выражение раздражения от асоциальной модели поведения осуществляется путем иронического использования лексикализованной фразы-аргумента, которым объект раздражения сам выражает раздражение от социума. Раздражение говорящего (нарратора) накладывается на раздражение персонажа («яжматери»), и экспрессивность лексемы многократно возрастает.

Соответствие лексемы «языковому вкусу эпохи» [10] привело к тому, что она оказалась востребована не только как единичное языковое явление. Словообразовательная модель «личное местоимение в именительном падеже + дискурсивная частица *же/ж* + существительное в именительном падеже со значением социального статуса» из окказиональной превратилась в продуктивную, расширив арсенал средств выражения раздражения. При этом продолжает сохраняться двойная функциональность единиц: они используются и как стандартные субстантивы, и как теги.

Конструкции с местоимением 1 лица (*яж.../яже...*)

Первоначально словообразовательная модель развивалась в рамках той же нарративной традиции, с которой связан генезис понятия и лексемы *яжмать*. В историях о социально неприемлемом детском поведении и оправдывающих его взрослых или о неадекватно ведущих себя взрослых, оправдывающих свое поведение интересами ребенка, стали появляться новые персонажи. Наиболее частотными

оказались конструкции с терминами кровного родства *отец / батя, дед, бабка / бабушка*:

- *Яжотец из Комсомольска-на-Амуре разобрался с обидчиком сына в весьма жёсткой форме* (Развлекательно-публицистический проект Unews.Pro, 2018 г.);
- *Яжбатя из Белгородской области избил 12-летнего мальчишку. Неадекват применил физическую силу по отношению к ребёнку потому, что тот не захотел уступить качели его 9-летнему отпрыску* (новость на портале LiveInternet.Ru, 2021 г.);
- *Отмечу также, как зло реагируют яжмать или яждед на замечания не затаскивать на лед грязь* (статья «Семейный вандализм» на портале Волжский.ру, 2023 г.);
- *Яжбабка не ограничилась соком. Видя что детишки уплетают сыр (сырная тарелка), она заявляет – сыр не трогать это детям! Но гости не послушали и кто-то взял кусочек сыра. Что делает яжбабка? Правильно – она берет сырную тарелку и весь сыр и все что было в этой тарелке пересыпает себе в тарелку* (Портал ЯЖЕМАТЬ, отрывок поста, 2018 г.).

Дальнейшее распространение конструкции выразилось в появлении лексем, финальным компонентом которых является обозначение иных (неродственных) статусов. При этом сохранилась как семантика асоциальности / иррациональности поведения, оправдываемого социальным статусом, так и прагматика раздражения.

Наиболее обширными тематическими группами стали:

1. Обозначения гендерной роли:

Странный муж какой-то. То ли инфантил, то ли [Ой!] то ли зазвездившийся “яжмужик” (блог «Записки Злючки», комментарий пользователя, 2022 г.);

Очередная яжедевочка? Это вообще лечится? (Антибабский форум, тема обсуждения, 2023 г.);

2. Обозначения профессий:

Яжеучитель довела до слез школьницу (Одноклассники, видео группы Китай-сан, 2018 г.)

А есть такие яжврачи, которые самые умные во всех специализациях, а все остальные врачи у них тупые (ВКонтакте, 2017 г.).

Как и в предыдущих примерах, данные роднит эмоция раздражения. Кроме того, лексема может быть использована как по отношению к себе, так и по отношению к другому человеку. Значение лексемы меняется в зависимости от того, находится повествователь внутри или снаружи упоминаемой группы: *яжврач-внутри* группы – человек, который раздражен предписываемыми обществом стереотипами и обязанностями, *яжеврач-снаружи* группы – человек, который ничего не умеет, но думает, что наоборот. То же касается остальных профессий: говорящие об учителях подразумевают неадекватное поведение и самооценку последних, сами учителя – полагают, что на них возложены излишние требования и т.д.

- **социальный статус (достигнутый или предписанный, реальный или мнимый):**

- *Парковка в встиле “яжцарь” возмущает жителей Саратова* (Новостной портал Взгляд-инфо, заголовок поста, 2018 г.);

- *Водитель должен, пешеход должен, яжмать, яжцарь на дороге, пока вы друг на друга смотрите как на г<...>о, так и будете жить* (Вконтакте, комментарий пользователя, 2020 г.);
- *А на черном авто просто обычный "яжцарь"* (Портал Фишки.нет, комментарий пользователя, 2022 г.);
- *Могли бы существовать аналогичные паблики "яжестудент", "яжеинвалид", "яжевоенный", "яжепредставительлюбойдругойгруппылюдейобладающейльготами", где бы обсуждалось какие они плохие, наглые и так далее* (портал Пикабу, пост угуруг1334, 2018 г.);
- *Тупой яжестудент* (Зеленка.гуру, комментарий пользователя, 2018 г.);
- **ЯЖЕСТУДЕНТ!** *Зачем вы напомнили мне про еду в час ночи?* (Комментарий Вконтакте, 2020 г.).

Отметим, что большинство таких лексем действительно подразумевают студентов, военных и прочих людей, которые подвергаются стереотипизации. Но лексема *яжцарь* имеет абсолютно метафорическое и всегда ироническое значение: она применяется к людям, которые паркуются иди водят, не учитывая потребности других участников движения. Значения реальной принадлежности к царскому роду данная лексема не имеет.

Помимо эмоции раздражения, указанные лексемы объединяет стереотип о том, что человек, которому они применяются – наглый, не способен учитывать мнение/желание/нужды окружающих, а человек, который применяет их к себе, так или иначе стереотипизирует собственное поведение.

Конструкции с местоимением 3 лица (*онж.../онже и пр.*)

Помимо лексем, образованных с помощью местоимений 1 лица и входящих в концептосферу «родственные связи», распространение получили и лексемы, образованные с помощью местоимения 3 лица. Обратимся к примерам:

Наблюдал картину: мальчик лет 7-8 прыгает в бассейн на головы проплывающих дам. Мама сидит рядом и очень радуется такому поведению ребёнка. Сначала дамы выражают неудовольствие, едва успев увернуться от тридцатикилограммовой тушки. Мамаша веселится. – «Онжеребёнок», – объясняет она действия малолетнего хулигана.<...> (Портал b17.ru, отрывок статьи Виталия Пичугина, 2014 г.)

«Онижедети» - отговорка, оправдывающая равнодушие и отсутствие воспитания. (Сайт Вконтакте, описание паблика «Онижедети», 2017 г.)

На популярность лексемы *Онжеребенок* и ее множественного числа *Онижедети* косвенно указывает счетчик просмотров видеороликов в приложении ТикТок; на конец 2023 года количество просмотров составило более 108 миллионов и более 900 тысяч соответственно.

Сформулируем значение лексемы: *онжеребенок* – ребенок, совершающий антисоциальное действие и получающий поддержку и оправдание от взрослых (не всегда, но чаще всего связанных с нарушителем родственной связью).

Как и в случае с конструкцией *яж...*, местоимение 3 лица распространилось за пределы семейных отношений. Появились лексемы *онаждевочка*, *онажбабушка* (со значением возрастного, а не родственного статуса). Данные лексемы объединены значением «попытка оправдания»: человека, для обозначения которого их применяют, окружающие пытаются освободить от ответственности за

антисоциальные действия в силу его особого социального статуса. Однако сам говорящий не одобряет подобных оправданий и испытывает от них раздражение.

Конструкции с местоимением 2 лица (*тыж.../тыже...*)

Помимо лексем, инициальным элементом которых является личное местоимение первого или третьего лица, в рамках словообразовательной модели продуцируются единицы с местоимением второго лица: *тыжмужик*, *тыжврач*, *тыжпрограммист* и т.п. При этом их семантика и прагматика принципиально отличаются от ранее рассматривавшихся единиц. По-прежнему присутствуют семы «социальный статус», «асоциальность поведения», а также эмоциональная окраска раздражения. Однако объект номинации (носитель социального статуса) является не источником вызывающих раздражение действий, а их жертвой.

- *Полные карманы камней вперемишку с конфетами? Ну фу, тыжедевочка, зачем тебе камни? Непонятные палки в коридоре под вешалкой? Тыжедевочка, зачем ты тащишь мусор в дом?* (Пикабу, 2019);

- *Тыжврач должен знать всё! И, даже если у подружки твоей мамы болит сердце, а ты по образованию проктолог, ты можешь и должен ей помочь! Да, и не забудь. Если у подружки твоей сестры есть кот, и он начнет усиленно линять, обязательно приди и помоги ему! Ты не можешь помочь коту????????????????? Как это так??? Люди, кошки, коровы, тараканы... Какая разница, кого лечить, ведь тыжврач!* (ВКонтакте, группа «Записки трудоголика», 2017);

- *Более того у тыжпрограммиста нет выходных и своего личного времени он всегда готов сидеть и колупать твой старый раздолбанный комп (которому давно пора на мусорку). Просто таки пожертвовать всем ради тебя. Ведь только ты один обращаешься к тыжпрограммисту!* (Пикабу, 2013);

Отличительная черта таких лексем состоит в том, что источник раздражения в них смещен с объекта номинации (условного адресанта восклицания «Я же...!») на источник номинирующего высказывания «Ты же...!». Лексемы с элементом «яж» / «яже» обычно используют повествователи, не являющиеся частью номинируемой группы. Лексемы с местоимением второго лица обычно используются повествователями, имеющими к группе прямое отношение: человек, употребляющий единицу *тыжпрограммист*, обычно является представителем данной профессии; человек, употребляющий единицу *тыжедевочка* является женщиной.

Заключение. Растущие агрессивность и нетерпимость в обществе, обострение бытовой конфликтности, потребность в новых средствах выражения негативных эмоций привели к возникновению в русском языке новой словообразовательной конструкции – лексического сращения «личное местоимение в именительном падеже + дискурсивная частица *же/ж* + существительное в именительном падеже со значением социального статуса». Начало ей было положено лексемой *яжмать*, ставшей средством пейоративизации концепта «материнство». Лексема первоначально возникла в метаязыке интернет-поиска, затем стала узуальной для развлекательных нарративов и иных жанров речи.

Нестандартность образования лексемы *яжмать*, ее игровая природа, двойная экспрессивность (раздражение повествователя + раздражение персонажа), соответствие лексического сращения общей тенденции к аналитизму в словообразовании, высокая престижность языковых единиц, берущих начало в интернет-коммуникации,

обусловили эволюцию единичной лексемы в словообразовательную модель. В рамках данной модели образуются единицы, обозначающие носителей различных типов социальных статусов: родственных, профессиональных, гендерных и т.п.

Результатом развития словообразовательной модели стали:

1. Появление в языковой картине мира однословных обозначений для трех ранее лакунарных групп концептов: 1) «субъект, оправдывающий собственные антисоциальные или иррациональные поступки своим особым социальным статусом» (лексемы с элементом *яж...*); 2) «субъект, чьи антисоциальные или иррациональные поступки окружающие оправдывают его особым социальным статусом» (лексемы с элементом *онж...*); 3) «субъект, ставший жертвой необоснованных ожиданий и требований, основанных на сложившихся социальных стереотипах» (лексемы с элементом *тыж...*).

2. Значительное расширение арсенала средств передачи эмоций раздражения и возмущения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбрехт Ф.Б. К проблеме лингвистической интерпретации образований *яжемать*, *онжеребенок* / Ф.Б. Альбрехт // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. – Вып. 60. – 2019. – С. 11–28.
2. Баранов А.Н. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / А.Н. Баранов, К. Бонно и др. // под. ред. К.Л. Киселевой и Д. Пайара. – М.: Метатекст. – С. 382–443.
3. Башкирцева О.А. Синтезированные лексические единицы в языке соцсетей / О.А. Башкирцева, Д.М. Дедковская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Вып. 10. – Тамбов: Изд-во Грамота – 2019. – С. 132–137.
4. Варламова С.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян / С.Н. Варламова, А.В. Носкова, Н.Н. Седова // Социологические исследования. – 2006. – № 10. – С. 61–73.
5. Богуславская В.В. Концепт «семья»: актуализация в медиадискурсе российских, датских и финских СМИ / В.В. Богуславская, А.Г. Чафонова // Дискурс. – 2019. – Т. 5. – № 6. – С. 155–165.
6. Карелова И.И. Концепт "мать" в идиоконцептосфере Л.Е. Улицкой / И.И. Карелова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 10. – С. 18–21.
7. Кашина М.И. Семиотическая природа мема. Мем как симулякр / М.И. Кашина // Вестник МГЛУ. – 2015. – № 22 (733). – С. 118–125.
8. Кербс А.М. Реализация концепта «материнство» в дискурсе русских народных сказок / А.М. Кербс // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2008. – № 5 (23). – С. 113–116.
9. Кувычко А.А. Особенности дискурса материнства в современных русскоязычных средствах массовой информации / А.А. Кувычко // Русистика. – 2020. – Т. 18. – № 2. – С. 220–231.
10. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи / В.Г. Костомаров. – «Златоуст», 1999. – 289 с.
11. Лабазанова А.В. Формирование ответственного родительства: постановка проблемы / А.В. Лабазанова, В.Г. Рындак // Психология и педагогика XXI века: актуальные вопросы, достижения и инновации. – Оренбург, 2019. – С. 271–275.
12. Маралов В. Г. Раздражительность к людям: типология и механизмы / В.Г. Маралов, В.А. Ситаров // ИТС. – 2018. – № 3 (92). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razdrazhitelnost-k-lyudyam-tipologiya-i-mehanizmy> (дата обращения: 30.11.2023).
13. Смирнова Е.Д. Негативизация и криминальная эксплуатация концепта «материнство» как проблема лингвобезопасности / Е.Д. Смирнова, И.В. Смирнова // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: Сборник материалов II Международной научной конференции, Москва, 27–28 октября 2022 года / Редколлегия: М.С. Милованова (отв. редактор), Н.А. Боженкова [и др.]. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. – С. 90–96.
14. Слышкин Г.Г. Реализация агрессии в жанре анекдота (на материале концепта «теща») / Г.Г. Слышкин // Антропологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии, лингвистической гендерологии, лингвистики текста, семантики и стилистики. – Вып. 3.: сб. науч. тр. – Волгоград: «Колледж». – 2004. – С. 70–93.
15. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н.М. Шанский. – Москва, 1959. – С. 42–49.

16. Словарь языка интернета.ru / М.А. Кронгауз, Е.А. Литвин, В.Н. Мерзлякова и др. // под редакцией М.А. Кронгауза. – Москва: АСТ-Пресс, 2016. – 288 с.

Поступила в редакцию 01.12.2023 г.

**WORD-FORMATION MODEL «ЯЖЕМАТЬ»:
NEW WAY OF VERBALIZING THE ANNOYANCE**

G.G. Slyshkin, E.D. Smirnova

The article deals with lexical fusion created by specific model «pronoun in nominative case+discursive particle же+noun in nominative case with the meaning of social status». The semantic characteristics of such a fusion (naming of different types of violations of social norms) and pragmatical functions (verbalization of annoyance) are reviewed. It also traces the development of lexical construction «яжмать» from a unit to a productive word-formation model. This research is based on different types of internet texts: posts, articles, comments, etc. The authors use the methods of semantic, componential, and interpretative analysis.

Key words: word formation, word-formation model, annoyance, social status, lexical fusion

Слышкин Геннадий Геннадьевич.

Доктор филологических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия».

Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко.

Главный научный сотрудник.

E-mail: slyshkin@ranepa.ru

Смирнова Екатерина Дмитриевна.

Преподаватель.

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Преподаватель Центра лингвистики и профессиональной коммуникации, эксперт научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия».

E-mail: smirnova-ed@ranepa.ru

Slyshkin Gennady Gennadievich.

Doctor of Philology, Professor
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Director of the Centre for Linguistics and Professional Communication, Head of the Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Informational Impact»

N.A. Semashko National Research Institute of Public Health

Chief researcher

E-mail: slyshkin@ranepa.ru

Smirnova Ekaterina Dmitrievna.

Lecturer

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Tutor of the Centre for Linguistics and Professional Communication, expert of the Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Informational Impact»

E-mail: smirnova-ed@ranepa.ru

УДК 81

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. ДЕНИСОВОЙ

© 2023 О.В. Головачева¹, Т.В. Капшукова²¹ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени ак. И.Г. Петровского»²ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

Статья посвящена изучению лексико-стилистических особенностей произведений М. Денисовой. Актуальность исследования продиктована возросшим интересом к творчеству региональных поэтов и писателей. Это богатый источник для наблюдения над языком и особенностями стиля женской поэзии, а также для изучения языка в плане его развития и словообразования. Материал для исследования извлечен из сборников стихов. Основной метод, используемый в работе – описательный (наблюдение, классификация, анализ и последующий синтез языковых явлений).

Ключевые слова: региональная поэзия, лексико-стилистические особенности, лирика М. Денисовой, особенности творчества, художественное слово.

Несмотря на то, что интерес к изучению региональной литературы имеет давнюю традицию, существует ряд литературных имен, чье творчество до сих пор не было освещено должным образом. Так, произведения брянского писателя и поэта Маргариты Денисовой практически не были предметом комплексного изучения.

Маргарита Денисова – член Союза российских писателей, лауреат множества международных премий и конкурсов, автор большого количества книг и сборников: «Побережье снов», «Без гнева и пристрастия», «Время, текущее в песочных часах», «Оттенки чувств», «Взгляд на мир отдельно взятой души» и т.д. И все же, несмотря на это, имя брянской поэтессы, к сожалению, малоизвестно для широкого круга читателей. Проблема заключается в отсутствии достаточного объема информации о поэтессе и ее произведениях. Поэтому актуальность нашей работы состоит в том, что данный материал, возможно, будет способствовать популяризации творчества М. Денисовой, позволит привлечь внимание к ее произведениям и даст возможность обогатить знания заинтересованного читателя по краеведению.

Маргарита Валерьевна родилась и живет в Брянской области, известной своей историей, культурой, блестящими литературными именами во главе с А. Толстым и Ф. Тютчевым, что не могло не сказаться на своеобразии творческой индивидуальности поэтессы и, возможно, на лексико-стилистических особенностях ее творчества.

Анализируя произведения М. Денисовой, можно отметить, что ее поэзия тесно связана с традициями написания лирических произведений русской классической поэзии XIX – начала XX вв., хотя ее стихи – это поэзия наших дней. Впрочем, несмотря на то, что в ее творчестве преломляются различные традиции, говорить о ее подражании кому бы то ни было, о принадлежности к какой-либо поэтической школе неправомерно. Также следует отметить, что стиль поэтессы не одинаков в разные периоды ее творческой деятельности – от первых сборников и до тех, которые создаются в наши дни. Это, несомненно, влияет на выбор лексико-стилистических средств в тот или иной период творчества.

Риторичность стиля Денисовой выражается в сочетании разнообразных и многочисленных фигур речи и стилистических приемов: *политот: Шаг за шагом, легко ступая \ Постигаешь земные тропы* [5, с. 26]; *Мне бы жить не так – как надо, \ Мне б пожить – как Бог велит* [5, с. 54]; *Вольному – воля! \ Прощай, прости.* [6, с. 48];

синонимия, эксергазия, аккумуляция, градация: *Созерцай, \ наслаждайся, \ царствуй!* [4, с. 26]; антитеза, анафора, парцелляция: *Да...да...Вы любите меня... \ Я знаю...Я три дня подряд \ Сжигала прочие слова... \ Что? Плохо слышно...Листопад... \ Так разболелась голова... \ Простите... Мне перезвонить? Нет! Сызнова не хватает сил... \ Я просто так, поговорить... \ Прощайте...Дождь заморосил... [5, с. 7]; *Хмурость Адлера. Осень. Дождь. \ Это просто кассета...Вертер... \ От минора бросает в дрожь* [6, с. 4] и другие. В своей работе мы опишем лишь некоторые из них.*

Излюбленными поэтическими средствами поэтессы являются эпитеты, метафоры и сравнения. Так, особенно активно эпитеты, отличающиеся наибольшей выразительностью и разнообразием, используются в произведениях, где речь идет о душевных волнениях лирических персонажей, характеризуется сфера отношений, и, затаенные мечты или сожаления о несбывшемся самой поэтессы: *Двадцать лет прошло \ и – разлюбила, \ А любила целых двадцать лет. \ Это первый **огненный** рассвет \ Без тебя* [6, с. 52]; *Прости меня: все поняла я поздно, \ Да прошлое уже не воротить. \ Я стала тихой, грустной и серьезной, \ А ты меня когда-нибудь простишь* [5, с. 40]; *Она похожа на пурпурный свет, \ Ее одежды странные чисты, \ И ничего прекрасней в мире нет/ И явственной – рассеянной мечты* [5, с. 41].

Пейзаж и объекты действительности в стихотворениях поэтессы – это не фон, на котором разворачиваются те или иные действия, а зачастую проводники в мир волнений, переживаний лирической героини, а эпитеты, описывающие их, как правило, не лишены психологического оттенка, они созвучны чувствам лирической героини, помогают раскрыть ее внутреннее состояние: *Тяжелое пальто сниму в прихожей \ И в комнату просторную шагну...* [5, с. 120]; *Подождала, пока отгрохочет \ Темный лифт и – задула свечу* [7, с. 3]; *Путь устланный осеннею листвою* [5, с. 66]; *Горбятся устало худые плечи; заморозки, вой \ Собаки старой* [7, с. 58]; *Цветы увяли, редкие цветы. \ Цветы увяли... \ И наши судьбы блеклые увяли...* [6, с. 121].

Большую группу слов-эпитетов, отличающихся в произведениях М. Денисовой экспрессивностью и разнообразием, составляют слова, называющие цвета. Эпитеты-колоративы играют важную изобразительно-выразительную роль в поэтических текстах Денисовой, поскольку они являются языковой основой зрительно-цветовых ощущений читателя [8, с. 79]. Колоративы-эпитеты, при помощи которых передается богатство оттенков и красок, способствуют тому, чтобы создать наглядную, выразительную реальность в поэтическом тексте, которая бы верно была воспринята органами чувств читателей, а душевный настрой и эмоции лирических героев были бы поняты в соответствии с замыслом автора [11, с. 107]. Кроме того, цветообозначения в произведениях достаточно символичны и метафоричны: *Каплей янтарной застыла нежность, \ Теплой слезой со щеки упала* [6, с. 4]; *Любовь тиха. Ты сядешь молчаливо \ На белую садовую скамью. \ Я буду доброй, нежной и счастливой, \ Как белый плющ, тебя я обовью* [7, с. 6]; *Август. Невесомая тоска, \ Желтых яблок детская прохлада. \ Город накануне листопада; \ Пенные, как море, облака. \ Над астральным светом хризантем \ (Астры звездной россыпью – по саду) – \ Млечный путь, и холод звездапада, \ И лазурный трепет – надо всем* [5, с. 16]; *Мне, выросшей в немислимой темнице, Подарены цветные облака! \ Твоей рукой от солнечных щедрот...* [7, с. 115].

Среди эпитетов-колоративов в поэтических произведениях М. Денисовой можно встретить и индивидуально-авторские: *Тайна развенчана, \ Утро упало туманом. \ Тонкая женщина \ В платье сиренево-**странном**, \ Кто вы? Зачем?* [6, с. 18].

Еще один из ключевых лексических приемов, которые использует М. Денисова в своих текстах, – метафора. В ее поэзии немало смелых, неповторимых и оригинальных

метафор, возникающих на основе сходства визуальных, пространственных, аудиальных и эмоционально-психологических восприятий, которые создают впечатление ясности или же, наоборот, некой таинственности и своеобразия ощущения реальности. Воздушные шары на нитях травяных \ Качаются легко и ветер их уносит... \ *И этот грустный день –\ всего лишь слабый штрих\ На ярком полотне весны* [5, с. 24]; *Я опустила на землю без сил,\ Ветер за мной калитку закрыл.\ Чаша судьбы, горький мед откровений, –\ Гвозди и крест всех великих творений* [5, с. 46]; *Друг мой прекрасный, друг неизменный,\ Ваши фиалки дышат укором...* [7, с. 64].

В текстах Денисовой много стилистических приемов. Для усиления эмоционального эффекта, образности, выразительности она часто использует повторение, анафору и параллелизм, что также подчеркивает индивидуальность ее поэтической манеры.

Чтобы создать правильный ритмичный эффект, усилить выразительность текста, подчеркнуть важность передаваемой информации и привлечь к ней особое внимание, Маргарита Денисова активно использует анафору.

Я этой затаенной боли\ В себе подспудно не ращу:\ Я даже больше не ропщу,\ Я даже радуюсь неволе (плюс градация) [5, с. 64]; *Сколько, блуждая по этому саду,\ Сердце молилось, просило (олицетворение): не надо!\ Сколько томилось и чаяло сколько?\ Сердцу печальному больно и горько* (наложение/имбрикация анафоры и олицетворения) [5, с. 46]; *А метель метет с утра до ночи,\ А метель всю жизнь замела.\ Я молюсь и плачу о помощи,\ Я от грусти изнемогла* [6, с. 66]; *Ты разве помнишь обо мне, ты разве помнишь?\ Ты разве памятью мою судьбу наполнишь?* [6, с. 69]; *Я научилась ткать, вязать и петь,\ Я научилась жить, идя на свет,\ Я научилась верить и терпеть* [6, с. 71].

Для более точной и емкой передачи своих и лирической героини мыслей и чувств, выражения эмоций, которые сложно передать словами, поэтесса прибегает к *сравнениям*. В ее творчестве – это одно из актуальных выразительных средств, где поэтические образы структурируются на основе сопоставления их свойств, признаков с предметами быта, объектами животного и растительного мира, с абстрактными понятиями. *И все же я шагнула, как с обрыва, –\ Тебе навстречу, как в последний раз* [7, с. 79]; *И, как факел, молитва зажжется во тьме,\ Преклони свое ухо, услыши мене* [5, с. 76]; *Да не иссякнет милость Ваша\ Томленья о душе чужой.\ Она – как мраморная чаша\ С живой, прозрачной водой* [7, с. 78]; *В этом платье, траурном и длинном,\ Я – как стрелка сломанных часов* [5, с. 55]; *Руки касался невзначай\ В плену тепла\ И сыпал ложь, как сахар в чай,\ А я – тила...* [7, с. 86]; *Как крылья бабочки, порхает по стеклу,\ Трепещет в сумерках, над пламенем кружится\ И серой тенью на плечо ложится,\ Сгущая свет и поглощая мглу, –\ Печаль моя...* [5, с. 82]; *Он любил меня когда-то,\ Как миряне любят золото –\ Жадно, впопыхах* [5, с. 130]; *Тишины безмолвной любовь Твоя,\ Так она тиха, что смолкает боль\ Пред ее молчаньем, и даже я\ Становлюсь смиренна,\ Как лампадный огонь* [6, с. 118]; *Память о тебе – как яркий луч,\ Горе о тебе – как чистый свет.* [6, с. 106]; *Осень – вечный зал ожидания.\ Небо отдаленное, звездное,\ Небо – как табло с расписанием\ Ливней (оправдание слезное)* [6, с. 18].

Сравнения в стихах М. Денисовой очень неоднозначны, объемны, оригинальны и весьма эмоциональны. Данный прием дает возможность читателю прочувствовать и воспринять настроение автора и лирического героя, а поэту – сформировать поэтический текст таким образом, чтобы он в полном объеме выполнял одну из своих главных функций – воздействия [9, с. 498].

Еще одна особенность поэтического языка Денисовой – простота и ясность синтаксических конструкций. Но зачастую на фоне этих повествовательных предложений для повышения эмоциональности, живости, выразительности, создания эффекта неожиданности появляются риторические вопросы, риторические восклицания, риторические обращения и др. [2, с. 96] Эти выразительные средства очень часто служат для рефлексии, когда автор или лирическая героиня пытаются понять себя, задавая вопрос вслух [3, с. 96]. Для того, чтобы усилить впечатление на читателя, заставить задуматься над возникающими в жизни вопросами, для того, чтобы расширить круг собеседников, поделиться с ними самым сокровенным, дать совет. *Не осуждай! Иди путем своим...* [6, с. 108]; *Коснись травы...и смолкни...и замри, \ И слушай – и услышишь тишину \ Внутри травы, безмолвия внутри, \ Легчайшую безмолвия струну... \ Что ты умел, что знал, куда спешил \ До этого мгновенья?* [6, с. 9]; *Разочарована, раздета донага – \ И стыд души не знаю, чем прикрыть. \ Как жаль, что я была вам дорога. \ Я Вас прощу, – себя мне как простить?* [6, с. 60]; *Не спрашивай – \ «зачем?» и «почему?» \ В глубинах жизни прячутся ответы. \ Ты выучи их главные приметы, \ Подвластные лишь редкому уму, \ И научись не спрашивать, не ждать, \ А просто верить в воскрешенье чуда. \ И не пытай – куда или откуда \ Лежит твой путь, не пробуй угадать – \ Обманешься...* [6, с. 68].

Риторические вопросы в произведениях создают эффект недосказанности, заставляя читателя задуматься над проблемой, создавая свое понимание произведения [10, с. 107].

Особое место среди других выразительных средств в поэзии М. Денисовой занимает парцелляция – прием разделения лирического текста на фразы или отдельные слова. Автор делает это для того, чтобы за счет особого ритма и построения строк и строф передать интонацию речи, выделить что-то важное: *Поиски смысла. Поиски света. Лишь через тернии – к звездам белым...* [5, с. 89]. А также для того, чтобы передать ход времени, его быстротечность, автор применяет «разорванные» фразы. Или же, наоборот, надо показать, что время замедлило свой шаг. Такое состояние свойственно тем, кто ждет, очень ждет... *Одна. Преддверие зимы. \ Я календарь листаю новый* [5, с. 118]; *Час бытия... Сумерки времени...* [5, с. 22]. И, конечно же, парцелляция нужна в диалоге, чтобы передать волнения, переживания лирической героини: *Звоню, чтобы сказать Вам – «да», \ На большее не хватит сил. \ Я вспоминала города \ Разлук. И дождик моросил, \ Протяжный, мелкий... Нет... Молчу – \ Как быстро минули три дня! \ Я только «да» сказать хочу... \ Да... Да... Вы любите меня... \ Я знаю... Я три дня подряд \ Сжигала прочие слова... \ Что? Плохо слышно... Листопад... \ Так разболелась голова... \ Простите... Мне перезвонить?! \ Нет! Сызнова не хватит сил... \ Я просто так, поговорить... \ Прощайте... Дождь заморосил...* [6, с. 7].

Выразительным средством, также способным передать самые различные чувства и мысли автора – от удивления, восхищения, радости до сомнения, гнева и эмоциональной напряженности – являются и различные знаки препинания [1, с. 107]. Излюбленным пунктуационным символом, занимающим особое, достаточно объемное место в лирике М. Денисовой, является многоточие. Можно сказать, что многоточие с графической точки зрения – конечный знак. Знак разделения. В авторской позиции, зачастую, это – знак, который, как правило, не всегда соответствует общепринятым пунктуационным правилам, а выступает, как средство усиления смысловой и эмоциональной значимости, акцентирует внимание читателя на добавочном, скрытом смысле, вложенном автором в контекст или целое произведение [4, с. 98].

Многоточие как стилистическое средство является достаточно ярким средством индивидуального стиля поэтессы и четко прорисовывает авторскую картину мира.

Многоточия в лирических произведениях М. Денисовой, как правило, – конечный знак, позволяющий продлить авторскую мысль, даже после того, как стихотворение закончилось, задуматься, вместе с лирической героиней и помолчать вместе с ней. Или же создает впечатление живого разговора с автором, который делает паузу после рассказа, чтобы мы смогли самостоятельно его продолжить. *Проживем и этот год, \ И так же, с легкостью, оставим \ Переплетения невзгод, \ Поскрипывание белых ставен \ В забытом доме у реки...* [6, с. 119]; *Прислушаюсь к сердцебиенью, \ И комната, как в полусне, \ Вся озарится, и в сомненье \ Кануна – перейдет ко мне...* [6, с. 111]; *Снова любовь отдадим разговорам. \ Друг мой прекрасный, друг неизменный, \ Ваши фиалки дышат укором...* [6, с. 64]; *Частые ошибки все затмевают, но душа легка, \ Она стремится к отголоскам светлым – \ Наперекор, пусть высохла река \ И стали травы и деревья пеплом...* [6, с. 15].

Но нередко многоточие встречается в середине стихотворного текста, разделяя строки, строфы или слова в предложении. Это тоже пауза, но пауза своеобразная, когда кажется, что автору нужно остановиться, собраться с духом, с мыслями, подобрать правильные слова, чтобы продолжить повествование. *Нитка жемчуга мне подарена – \ Очень щедрый дар... очень поздний* [6, с. 30]; *Жемчужные бусы... не надо, не рви! \ Жемчужные бусы – остаток любви, \ Изысканных слов голубые огни... \ Хоть бусинки эти теперь сохрани* [7, с. 38]; *Любовь – рассудка страх распятой. \ День первый, день второй... день пятый... \ Года... Тысячелетья тьмы* [7, с. 48]; *Коснуться Вашей руки дрожащей, \ Движенья пальцев – движенье губ. \ Мой несбывшийся, уходящий... \ Мой возлюбленный?!... Нет – мой друг. \ Только друг... На изломе судеб – \ Чужеземны, разделены, \ И уже никогда не будет \ Общей памяти и вины* [7, с. 52].

Приведенные материалы и исследования показывают, насколько богато и разнообразно использование лексико-стилистических средств в произведениях М. Денисовой, основными функциями которых являются эмоциональное воздействие на читателя, создание выразительных и запоминающихся образов, способствующих точной передаче смысла произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384с.
2. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник / Н.С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2003 – 416 с.
3. Верёвкина Т.В. Универсальность и уникальность пространственно-временных представлений русского народа и их отражение в русской языковой картине мира: дис. канд. филол. наук / Татьяна Викторовна Верёвкина. – Липецк, 2009. – 226 с.
4. Головачева О.А. Фразеологизмы как выразители авторской интенции в статьях Н. Лескова, посвященных женскому вопросу / О.А. Головачева, С.Н. Стародубец // Славянская фразеология и паремология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое. К 70-летию со дня рождения профессора В.И. Ковалю: Сборник научных статей. – Гомель, 2021. – С. 96–99.
5. Денисова М.В. Оттенки чувств / М.В. Денисова. – Брянск: Группа компаний «Десяточка» (изд-во «Белобережье»), 2011. – 112 с.
6. Денисова М.В. Взгляд на мир отдельно взятой души / М.В. Денисова. – Брянск: Группа компаний «Десяточка» (изд-во «Белобережье»), 2008. – 108 с.
7. Денисова М.В. Побережье снов. Стихи / М.В. Денисова. – Брянск, изд-во Фонда им. Св. блгв. кн. Олега Брянского, 2000. – 152 стр.
8. Капшукова Т.В. Колоративная лексика в ранней лирике М. Денисовой / Т.В. Капшукова // Современная лингвистика: от теории к практике. Труды и материалы. II Казанский международный лингвистический саммит. – Казань, 2023. – С. 79–81.

9. Капшуклова Т.В. Основные тематические группы ответченной лексики в лирических произведениях М. Денисовой (на примере поэтического сборника «Оттенки чувств») / Т.В. Капшуклова // [Мир науки, культуры, образования](#). – 2023. – № 2 (99). – С. 498–500.

10. Панов М.В. Русский язык: Лексика современного русского литературного языка / М.В. Панов. – М., 2002. – 564 с.

11. Слесарева Т.П. Эпитеты-колоративы в песнях белорусского поозерья: семантика и функционирование / Т.П. Слесарева // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. – 2017. – С. 107–111.

Поступила в редакцию 10.11.2023 г.

LEXICAL AND STYLISTIC FEATURES OF WORKS BY M. DENISOVA

O.V. Golovacheva, T.V. Kapshukova

The article addresses lexical and stylistic features of works by M. Denisova. The relevance of the research is accounted for by the increased interest in the work of regional poets and writers. It is a rich source for observing the language and the women's poetry peculiarities of style, as well as for studying the language in terms of its development and word formation. The material for the study is extracted from collections of poems. The main method used in the work is descriptive (observation, classification, analysis and subsequent synthesis of linguistic phenomena).

Key words: regional poetry, lexical and stylistic features, lyrics by M. Denisova, features of creativity, artistic word.

Головачева Ольга Алексеевна.

Доктор филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Брянский государственный
университет имени ак. И.Г. Петровского».
Профессор кафедры русского языка.
E-mail: ktv.07@list.ru

Капшуклова Татьяна Викторовна.

ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г.В. Плеханова».
Старший преподаватель кафедры русского
языка и культуры речи.
E-mail: ktv.07@list.ru

Golovacheva Olga Alekseevna.

Doctor of Philology, Associate Professor.
Bryansk State University named after ac.
I.G. Petrovsky.
Professor of Russian Language Department.
E-mail: ktv.07@list.ru

Kapshukova Tatiana Viktorovna.

Plekhanov Russian University of Economics.
Senior Lecturer at Department of Russian
Language and Speech Culture.
E-mail: ktv.07@list.ru

УДК 81'373.23(478)

**ОБЗОР НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКЕ
ПРИДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА**

© 2023 В.В. Дабежа

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»

В обзор включены источники, содержащие информацию об антропонимии молдавско-румынской и болгарско-гагаузской общностей приднестровского региона (научные статьи, монографии, словари и справочники), большинство из которых находится в свободном интернет-доступе или в книжном фонде библиотеки Приднестровского государственного университета. При отборе приоритет отдавался научно-исследовательским и лексикографическим работам об антропонимии населения республик, граничащих с Приднестровьем, – Украины, Молдовы и Гагаузии. Все представленные источники используются в качестве справочных в практике Многопрофильного центра исследований и консультаций ПГУ им. Т.Г. Шевченко при проведении лингвистических исследований идентичности антропонимов и компенсируют отсутствие специализированного антропонимического справочника для делопроизводителей и работников загсов. В обзоре также кратко перечислены работы приднестровских филологов, географов, историков в области антропонимики и топонимики.

Ключевые слова: оним, антропоним, топоним, патроним, личные имена, фамилии, этноним.

Введение. Согласно переписи населения, проведенной в 2015 году, в Приднестровье проживает около 80 больших и малых этнических общностей. К большим традиционно относят молдаван, украинцев и русских – именно они определили три государственных языка республики. Относительно крупными общностями являются гагаузское, болгарское, немецкое и еврейское население. Встречаются и «экзотические» национальности, такие как эвенки, хакасы и ханты [2], а также азербайджанцы, татары, грузины, осетины, сирийцы, узбеки [27] и др.

В процессе лингвистических исследований идентичности антропонимов, осуществляемых в Многопрофильном центре исследований и консультаций ПГУ им. Т.Г. Шевченко, нам приходится сталкиваться с редкими национальными онимами и патронимами, а также их производными, вариантами, вариациями и ошибками в документальных записях. Поэтому в обзор включены источники, содержащие информацию об этнических особенностях имен собственных, и прежде всего антропонимии двух крупных общностей приднестровского региона – молдавско-румынской и болгарско-гагаузской.

Основная часть. Обзор разделен на две части: «Молдаване и румыны» и «Болгары и гагаузы». При отборе источников приоритет отдавался научно-исследовательским и лексикографическим работам об антропонимии населения республик, граничащих с Приднестровьем, – Украины, Молдовы и Гагаузии.

Молдаване и румыны

Говоря о молдавской ономастике в целом, следует отдать дань уважения двум ученым, которые заложили основы развития этой науки в Молдавии и на протяжении многих десятилетий издавали фундаментальные научные труды в области топонимики и антропонимики. Это Анатолий Ильич Еремия и Мария Андреевна Косничану.

Их краткий антропонимический двуязычный (на русском и молдавском) справочник «Нуме де персоане. Личные имена», переиздававшийся несколько раз, – одна из первых исследовательских работ в данной области [11]. Справочник содержит

самые распространенные молдавские личные имена и фамилии. Цель этой работы заключалась в том, чтобы помочь правильно использовать молдавские личные имена и фамилии как в письме, так и в устной речи и в то же время уточнить написание молдавских личных имен на русском языке.

Представленный именовослов разделен на молдавско-русскую и русско-молдавскую части и содержит более 700 имен. В перечне «Нуме де фамилие» – около 3 тысяч молдавских фамилий.

В 2009 г. А.И. Еремия и М.А. Косничяну опубликовали на румынском языке статью «Использование национального ономастического наследия» [42]. Данное исследование отражает деятельность молдавских лингвистов в области ономастики: процесс сбора онимического материала с помощью полевых исследований и из документальных источников и архивов, обоснование проблем, касающихся теории ономастики как лингвистической дисциплины; распространение орфографических правил и транскрипции на другие языки для молдавских (румынских) топонимов и антропонимов. Представлены и проанализированы наиболее важные опубликованные научные работы (монографии, словари, брошюры, нормативные руководства, методические пособия).

Первая часть статьи посвящена обзору научных исследований в области молдавской топонимии, вторая – в области антропонимии. В частности, здесь упоминаются многочисленные работы М.А. Косничяну: «Изучение имен людей» (Кишинев, 1973), «Источники пополнения молдавской антропонимии» (опубликована в сборнике «Антропонимика», Москва, 1970), «Интерференция в антропонимии (на материале славяно-молдавских отношений)» (сборник «Проблемы двуязычия и многоязычия», Москва, 1972), «Славянское влияние в антропонимии и формирование молдавской деривационной системы» (сборник «Социально-историческая обусловленность развития молдавского национального языка», Кишинев, 1983), «Размышления об именах» (Кишинев, 1986) и наконец «Словарь имен и фамилий молдаван» (Кишинев, 1991), вышедший уже на латинской графике, как и *Dicționarul de prenume și nume de familie* (1991, 1993, 1999).

В статье Ю.С. Илашко «Тюркская этнопонимия и ономастика, отражённая в румынских и молдавских именах», опубликованной в сборнике «Ономастика Поволжья», посвященном 220-летию со дня рождения В.И. Даля, затрагиваются различные аспекты тюркской ономастики, которая сохранилась в румынских и молдавских именах [12]. Рассматривая обособленную категорию свободных крестьян-резешей через генеалогическую призму с их устойчивой формой организации внутри средневекового общества, автор выявляет определённые сходства между ними, а также с теми, кого впоследствии станут называть казаками на окраинах российских земель.

Специалисты в области количественной лингвистики А.А. Романчук и Ю.О. Цвигун в 2014 г. представили результаты своих исследований в монографии «Антропонимическая модель на -й в историческом русском ареале и средневековой Молдове: основные результаты количественного анализа и их интерпретация», в которой на основе количественного анализа рассматривается вопрос о сравнительной популярности антропонимической модели на -й в историческом русском ареале и средневековой Молдове [32]. Предпринята попытка исторического объяснения выявившихся в результате количественного анализа закономерностей. Работа будет интересна широкому кругу читателей, в первую очередь историкам, лингвистам и специалистам по антропонимике.

Позднее, в 2015 г., эти же авторы опубликовали статью «Мужские антропонимические модели молдавских поземельных грамот (конец XIV – начало XVII в.): основные результаты квантитативного анализа и их интерпретация» [33]. В ней представлены результаты квантитативного анализа мужских антропонимических моделей молдавских поземельных грамот (конец XIV – начало XVII в.).

По принципу конечного оформляющего элемента имени («фамилии», прозвища) было выделено 35 основных моделей для личных имен и 17 – для «фамилий» (прозвищ). Выявлены и ранжированы по частоте наиболее популярные модели для личных имен и для «фамилий» (прозвищ). Для личных имен тремя наиболее популярными казались модели на *-n*, на *-a* и на *-e*. Модель на *-a* занимает второе место и входит в топ-10 «фамилий». Была проанализирована и временная динамика наиболее популярных моделей, что позволило установить ряд закономерностей.

Также были выявлены и ранжированы по частоте наиболее популярные имена, встречающиеся в молдавских поземельных грамотах. Тройка лидеров наиболее популярных личных имен поземельных грамот – *Ion*, *Toader* и *Ionaşco* (производное от *Ion*). Опираясь на полученные статистические данные, авторы предлагают их историческую интерпретацию.

С.Г. Суляк, на протяжении многих лет изучающий судьбу и статус русинов, проживающих в Закарпатской области Украины, Молдавии и ряде других стран Восточной Европы, опубликовал в журнале «Русин» несколько работ на интересующую нас тему. Так, в 2013 г. вышла в свет статья «Полиэтничная Молдавия (по данным топонимики и антропонимики)» [39], в которой внимание автора сосредоточено на молдавских фамилиях. Он указывает, что в Молдавии распространены фамилии с суффиксами *-ук/-юк/-чук*, *-ак/-як*, *-ей*, *-ский/-цкий*, относящиеся к юго-западной ветви восточнославянских (русинских) фамилий. На основе русинских и малоросских имен, фамилий на *-як*, *-ак*, *-юк*, *-ук*, *-ей* и прозвищ возникли молдавские фамилии. От восточно-славянских этнонимов и нарицательных имен возникли молдавские фамилии *Казаку*, *Запорожан*, *Руссу*, *Руснак*, *Подольян*, *Гуцу*, *Буц* и т. д.

Приведены статистические данные о количестве носителей некоторых фамилий граждан Республики Молдова, дающих представление об этническом происхождении ее носителей (по состоянию на 01.01.2012). Согласно этим данным, среди фамилий русинского происхождения самыми распространенными являются *Русу* (более 23 тыс.) и *Гуцу* (более 11 тыс.). Среди фамилий малоросского происхождения первые два места в рейтинге занимают *Казаку* (7,5 тыс.) и *Казак* (более 3,5 тыс.). Среди фамилий болгарского и гагаузского происхождения с большим отрывом от других лидирует *Сырбу* (более 14 тыс.).

В 2017 г. С.Г. Суляк опубликовал статью «Этноним *рус* в антропонимике средневековой Молдавии» [38]. По мнению автора, большинство этнических имен и прозвищ в молдавской средневековой дипломатике, связанных с корнем *рус-*, свидетельствует об этническом происхождении носителя антропонима и связано русинами, которые в Молдавском княжестве составляли значительную часть населения. С.Г. Суляк подчеркивает, что носители имен и прозвищ с корнем *рус-* упоминаются в документах на протяжении всей истории Молдавского княжества. Эти люди были представлены во всех сословиях страны. В настоящее время фамилия *Русу* (от *rus* – русский) является самой распространенной фамилией в Республике Молдова, которая представляет собой часть территории Молдавского средневекового княжества. Ее, по данным на начало 2011 г., носят 23 028 чел.

Наконец, следует упомянуть монографию А.Н. Думбрэвяну «Молдавская диалектная антропонимия», которая вышла в свет в кишиневском издательстве «Штиинца» в 1982 г. [10]. Издание подготовлено Институтом русского языка и литературы АН МССР. Исследование выполнено на основе диалектного антропонимического материала, собранного в 122 населенных пунктах, представляющих различные говоры МССР. Автор, применив ареальный (географический) метод, определяет территориальное распространение наиболее репрезентативных антропонимов. Анализ собранного материала позволяет выявить основные структурные типы личных имен и их варианты, а также фонетические особенности диалектных антропонимов. На базе количественных подсчетов установлен инвентарь молдавского диалектного именника и проанализирована частота употребления личных имен.

В перечне анкетированных населенных пунктов указаны и ныне приднестровские (всего 11): в Слободзейском районе – Слободзея, Кицканы, Копанка, Незавертайловка, Коротное, Чобручи; в Дубоссарском – Моловата; в Григориопольском – Делакеу; в Рыбницком – Большой Молокиш; в Каменском районе – Грушка, Немировка.

Болгары и гагаузы

Одна из первых попыток разъяснить наиболее затруднительные случаи русской транскрипции болгарских имен предпринята в 1964 г. в статье В.Д. Андреева «Передача болгарских имен собственных в русском языке», опубликованной в сборнике «Топономастика и транскрипция» [1]. Автор обращает внимание на то, что чаще всего наибольшую трудность для передачи на русский язык представляют болгарские слова, содержащие гласный звук *ъ*, отсутствующий в качестве самостоятельного звука в русском произношении и не имеющий твердо установившегося обозначения в русском языке. Обычно его передают русским *ы*, однако практика демонстрирует немало отклонений: через *е*, *о*, *а* и *у*. Например: *Лъчезар* – *Лучезар*, *Първан* – *Перван*, *Дъбак* – *Дубак*, *Гълъб* – *Голуб*, *Вълчйн* – *Волчан*, *Върбан* – *Вербан* и т. п. По мнению В.Д. Андреева, имена с *ъ* по сравнению с другими именами имеют значительно большую семантическую затемненность, прояснение которой требует особых этимологических изысканий (например, *Съби* следовало бы передавать как *Суби*, а не *Сыби*, от «суббота», «родившийся в субботу»; *Вътю* – как *Ватю*, поскольку *Вътю* восходит к *Васил*). Кроме того, в статье рассматривается транскрипция имен с суффиксом стилистической окраски *-ьо*, имен с сочетаниями звуков *йо* и *шт*, имен на *-и* и фамилий на *-ски* и др.

Антропонимию украинских болгар (которые могут быть потенциальными мигрантами в Приднестровье) на протяжении многих лет изучала Валентина Александровна Колесник. В наш обзор мы включили ее статью «Двучленные формулы именования лиц в речи болгарских поселенцев юга Украины», опубликованную в 1991 г. в сборнике «Номинация в ономастике» [17].

Статья посвящена антропонимике болгар, проживающих на территории Одесской области. Автор указывает на то, что в речи болгарских поселенцев преобладает старая двучленная формула именования, причем чаще на первом месте находится патроним или прозвище в форме притяжательного прилагательного. Например: *Лажуф Иван* – *Иван Лазаревич*. Приведены и примеры прозвищ, например, *Жората Паркански* – прибыл из села Парканы (фамилия Радов). Прозвища могут быть как индивидуальными (*Вани Италията* – был в Италии), так и родовыми, автор называет их уличными фамилиями. Например, в с. Виноградовка 75 семей (273 человека) с фамилией *Терзи*.

Среди них выделяют 4 рода, у каждого из которых своя уличная фамилия: *Брѣмбари*, *Бонзари*, *Цигани* и без прозвища – просто *Терзийски*.

В.А. Колесник отмечает в своей работе и случаи, когда вместо патронима прозвищем становится женское имя. Обычно это происходит в трех случаях: 1) имя матери присваивают, когда отец умер или погиб на войне; 2) братьев различают по именам их жен; 3) когда зять живет у тещи в доме примаком, к его имени добавляют имя тещи.

Более новая работа, посвященная антропонимике болгар, проживающих на территории Одесской области, – статья А. Визирова и А. Шабашова «Официальные и уличные фамилии у болгар села Катаржино (Знаменка) на Одешине», опубликованная в 2019 г. в журнале *ABYSS* (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии) [3]. В статье анализируются официальные и неофициальные (уличные прозвища) фамилии болгар села Катаржино (Знаменка). Авторы на основе собранного эмпирического материала анализируют происхождение фамилий и используют этот материал в качестве исторического источника. В частности, уточняется происхождение предков болгар Катаржино, а также устанавливается, что часть из них в Османской империи принадлежала к военному сословию.

Представитель донецкой ономастической школы Анна Фёдоровна Михина также изучала антропонию украинских болгар. Особый интерес вызывает ее статья «Женские именованья в болгарских селах Запорожской области», опубликованная в 2008 г. в журнале «Логос ономастики» [26]. В работе проанализированы различные формулы женских наименований: от двусловных до семисловных. Приведенный в статье эмпирический материал записан со слов более 300 респондентов в полевых экспедициях антропоники болгарской диаспоры десяти сел Бердянского и Приморского районов Запорожской области. Номинация женщин в них опирается на существующие родственные отношения, поэтому в числе составляющих антропонимической формулы используются патронимы, пропатронимы, пропропатронимы, матронимы, проматронимы, андронимы, фамилии и отчества.

Например, шестисловная формула *на Маркуилиюв Андру на Вовата Танята* означает, что правнучка *Таня* идентифицируется по семейно-родовому прозвищу от личных имен прапрадеда (*Марку*) и прадеда (*Илий*) и по личным именам деда (*Андру*) и отца (*Вова*). Все это свидетельствует о глубокой народной памяти болгар о своих предках.

Еще одна статья А.Ф. Михиной – «Варианты фамилий тюркского происхождения в болгарской диаспоре Северного Приазовья (по архивным материалам к. XIX – нач. XX вв.)» указывает на то, что массовое переселение болгар из Бессарабии в Таврию в 1860–1863 гг., т. е. в русско-украинское языковое окружение – это объективный экстралингвальный фактор, повлиявший на особенности регистрации поселенцев в различных документах того времени. Анна Фёдоровна изучила более 90 тыс. записей в метрических книгах, отразивших сведения о рождении, бракосочетании и смерти болгар (1860–1918 гг.), также владельческие записи 1872 г., юридически удостоверявшие владение землей указанных в именных списках лиц болгарских сел Приазовья, ведомость (т. е. список) прихожан Константино-Еленинской церкви с. Софиевка, списки болгар в похозяйственных книгах и других материалах и регистрационных книгах ЗАГС советского времени. Она утверждает, что в первые десятилетия бытования в селах Приазовья фамилии болгар представляли собой личное имя прадеда, индивидуальное или родовое прозвище по занятию/ремеслу болгар, т. е. имена и способы именованья, унаследованные из прародины.

Далее автор анализирует фамилии *Бахчеванжи* и антропооснову *Бахч-* (указаны 33 зафиксированных варианта этой фамилии), а также *Калаксиз*, *Бучакчийский*, *Хаджийский*.

Вопросы антропонимии бессарабских болгар рассматриваются и в работах М.О. Парзуловой, в частности в статье «О фамильных именах турецкого происхождения бессарабских болгар» [29]. Автор рассматривает структурные модели и семантику наиболее распространенных фамилий у болгар – потомков переселенцев периода русско-турецких войн (первая половина XIX в.). Анализ около 700 антропонимов, собранных в результате полевого исследования болгарских поселений в Бессарабии, архивных документов и периодической печати на болгарском языке, изданной на Украине и в Молдове в постсоветский период, позволил выявить специфику «ономастического следа» от болгарских земель на Балканах до Российской империи, проявляющуюся в различиях структурных моделей фамилий болгар на территориях Молдовы и Украины, и определить наиболее значимые для первоносителей имен и их потомков виды деятельности, особенности быта и социальных отношений.

О турецких элементах в фамилиях болгар говорит и Л. Селимски в статье «Фамилни имена с турски основи или/и наставки» [36]. Эта работа – еще одна попытка объяснить происхождение, словообразовательное строение и первоначальное значение фамилий, которые встречаются в Болгарии. Как и в предыдущих исследованиях автора по этой теме, внимание сосредоточено на той части инвентаря фамилий, которая в предыдущих исследованиях и в основном в словаре Стефана Илчева (1969) была оставлена без попытки объяснения или не получила удовлетворительного объяснения, или вообще не была привлечена для анализа. В статье представлен мини-словарь, включающий 112 болгарских фамилий с турецкими основами или/и суффиксами.

Сборник статей Надежды Кара «Язык болгар Молдовы: история и современность», изданный в 2017 г. в Кишиневе, содержит две работы на интересующую нас тему – «Из истории антропонимии бессарабских болгар середины XIX века» и «Особенности состава личных имен в песенном фольклоре болгар Молдовы и Украины». [14].

Предмет описания и анализа статьи «Из истории антропонимии бессарабских болгар середины XIX века» – антропонимия болгарского села Гюльмен (сегодня – село Яровое Тарутинского района Одесской области, Украина) [14, с. 85]. Материал взят из «Ревизской сказки» 1859 года, в которой зарегистрировано 194 статьи, записаны имена, отчества и фамилии 448 мужчин и 414 женщин. Автор анализирует 110 мужских имён, по происхождению разделяя их на группы: греческие имена (*Атанас (Афанасий), Андрей, Ангел* и др.), латинские (*Антон, Константин, Мартин* и др.), еврейские (*Авраам, Йордан, Лазар, Михаил*), русские (Фома, Федор). Среди анализируемых имен автору встретилось только одно имя турецкого происхождения: *Курти* – “волк”.

Затем автор говорит о том, что к болгарским по происхождению можно отнести имена, образованные как национальные варианты иноязычных или как отыменные гипокористики. Они получают статус самостоятельных после утраты связи с исходным именем. Такое явление наблюдается в разных языках. Например, *Атанас – Танас; Антон – Дони, Тоню; Дмитрий (Димитрий – Димо), Дичо, Митко, Митрий; Иоанн – Яне, Янко, Янчо*.

Истинно болгарские по происхождению имена, по мнению автора, связаны с дохристианскими верованиями болгар. Чаще всего это защитные или пожелательные имена: *Драган* (чтобы был дорог), *Стоян* (чтобы остался жив).

В ходе исследования автор обращается к словарю Стефана Илчева, однако указывает и имена, не зафиксированные в нем: *Сетей, Джечо* и др.

Среди женских имен автор выделяет те же группы по происхождению и также указывает на единственное зафиксированное в «Сказке...» имя турецкого происхождения – *Султана*. Кроме того, в статье проанализированы около 60 болгарских фамилий.

В статье «Особенности состава личных имен в песенном фольклоре болгар Молдовы и Украины» [14, с. 93] рассматриваются антропонимы в песенном фольклоре болгар-переселенцев (XIX–XX вв.), выделенные из приложения к двухтомнику Н. Кауфмана «Народни песни на българите от Украинска и Молдавска ССР» – «Вещен и именен показалец», составленного Стефкой Константиновой.

Для классификации выделенных имен автор пользуется лексикографической информацией, данной в антропонимическом словаре Стефана Илчева «Речник на личните и фамилините имена у българите». Информация к каждому имени приводится на основании извлечений из указанного словаря.

Приводятся мужские и женские имена, извлеченные из всего массива исследуемых текстов песенного фольклора. Представлены три подгруппы: а) имена, наиболее часто встречающиеся (более пяти употреблений) в корпусе текстов; б) редко встречающиеся имена (пять употреблений и менее); в) имена, встречающиеся в исследуемых фольклорных текстах, но не отмеченные в словаре Стефана Илчева.

В каждой из подгрупп приводится информация о степени распространенности имени в метрополии; о преимущественном ареале распространения в метрополии; о происхождении имени (христианское – языческое, славянское – неславянское, основное – производное), с возможной степенью полноты.

Болгарские антропонимы являются предметом научного интереса И.А. Седаковой. В своей более ранней работе «Имя и имена у болгар: специфика болгарского антропонимикона в сравнении с русским» [34] она указывает на такие специфические черты болгарского антропонимикона, как:

- 1) абсолютная переводимость, равноправие заимствования и аналога (*Петър – Камен, Анастасия – Възкресия*);
- 2) самостоятельность любого варианта имени. Любой вариант имени у болгар считается самостоятельным и может выступать в качестве официального, занесенного в паспорт и являющегося крестильным: *Елена, Еленка, Ленчо, Ели* и др.;
- 3) имятворчество. Отчасти это обусловлено традиционными правилами выбора имени: наряду с другими стратегиями (выбор имени крестными, следование праздничному календарю, моделирование качеств ребенка и пр.), для болгар типично «подновление» имени деда или бабушки. Это правило соблюдается в наши дни весьма условно, со значительными трансформациями, вплоть до сохранения лишь одной буквы (болг. *буквуване*: Десислава в честь деда Димитра). Иногда имена родных комбинируются, и так создается новый антропоним (Илана = Илия + Андрей).

Одна из новейших работ И.А. Седаковой, опубликованная в 2022 г. в журнале «Вопросы ономастики», – «Болгарский антропоним как (балканский) текст» [35].

Материалом для исследования стали словари антропонимов, ономастические труды, а также многолетние наблюдения автора, интервью и полевые записи. Болгарское имя собственное рассматривается как текст, как языковое, семиотическое, социокультурное и этнографическое «повествование». Анализ именослова показывает высокую степень проявленности балканских черт, параллелизм имен болгарских и заимствованных, активное использование общебалканских онимов и суффиксов. В

антропоним интегрирована лингвистическая информация (этимология, народная этимологизация имени и ее лексикографическое отражение); семейные истории (родовые имена, взаимосвязь имен родственников, друзей и близких; культурные, идеологические влияния, мода); церковные и праздничные аллюзии (именины). Толерантность Болгарской православной церкви в вопросах выбора крестильного имени и свобода в определении дня его празднования усложняют текст антропонима.

Антропонимы болгар и гагаузов Молдовы, их история и сравнительный анализ представлены в работах Ивана Федоровича Грека. В его статье 2010 г. «Антропонимия „задунайских переселенцев“ (последняя треть XVIII – начало XIX вв.)» [5] на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов раскрываются особенности формирования антропонимии задунайских переселенцев на территории Молдавского княжества, а затем Буджака в последней трети XVIII – начале XIX веков. Исследуются также предпосылки их трансформации под воздействием религиозного фактора, условий османского господства, а затем эмиграции и длительного проживания в иноязычной среде. Автор указывает на идентичность антропонимов у бессарабских болгар и гагаузов (на это обращают внимание и другие авторы представленных в обзоре работ).

В данном исследовании речь идет не обо всех переселенцах из-за Дуная конца XVIII – начала XIX века, а лишь о тех из них, кто поселился на землях молдавского помещика Иона Бальша и затем бежал в Буджак. Основным анализируемым источником антропонимов является «Именной список» Зворского.

В 2019 г. в журнале «Русин» И.Ф. Грек опубликовал статью «Антропонимия жителей поселка Болгарский в Казахстане (к вопросу этногенеза гагаузов в Буджаке)» [6]. Антропонимия домохозяев поселка Болгарский 1917 г. рассмотрена в контексте интеграции православного тюркоязычного населения на Балканах (XII–XIV, XV–XVIII вв.) в составе Второго Болгарского царства, Добруджанского деспотства, Османской империи и формирования его гагаузской идентичности в России / СССР (последняя треть XIX – середина XX в.).

Следует указать и несколько важнейших лексикографических источников информации о болгарской антропонимии. Прежде всего, это «Речник на личните и фамилни имена у българите» Стефана Илчева – фундаментальное издание Болгарской академии наук, на которое до сих пор опираются современные исследователи [13]. Источники информации, указанные автором, достаточно широки: работы по истории Болгарии, сборники народных песен, телефонные справочники, списки избирателей, некрологи и надгробные надписи, а также различные словари: турецко-болгарские, румынско-болгарские, греческо-болгарские.

Представлен интересный теоретический материал о значении антропонимов, их классификации, их формах и ударении. Словарь содержит более 8,5 тысяч лексических единиц и снабжен обратным списком личных имен (когда имя заканчивается определенной буквой).

Не менее интересен «Честотно-тълковен речник на личните имена у българите» (автор – Н.П. Ковачев) [16]. Словарь является результатом многолетнего коллективного исследования имен в Болгарии за период 1901–1970 гг.

Основой словаря послужили записи о рождении 20 000 имен рожденных в указанный период 2 719 839 детей в 99 городах. В словарь включены более 5600 имен с частотой распространения 5 и более раз. Остальные имена в основном периферийные, созданные по родительским и случайным догадкам или по чужим образцам и антропонимичным системам. Каждое имя сопровождается данными о его частотности и

краткими заметками о его языковом и народном происхождении, а также о скрытом, чаще всего пожелательном, смысле.

К сожалению, доступных источников информации о гагаузских антропонимах немного. Однако следует отдать дань памяти и уважения Михаилу Николаевичу Губогло, который всю жизнь занимался культурной антропологией и этнополитической историей гагаузов, и указать на его работу «Гагаузская антропонимия как этногенетический источник», опубликованную в 1973 г. в журнале «Советская тюркология» [7].

В статье автор подразделяет гагаузские фамилии по этническому происхождению на несколько групп: 1) исконно гагаузские (*Гайдаржи, Дели, Куруоглу* и др.); 2) сходные с русскими или болгарскими (*Гроздев, Димов, Кулев, Стамов* и др.); 3) фамилии греческого происхождения (*Костанда, Костаки* и др.); 4) молдавские и румынские фамилии (*Бурчуван, Плачинта, Радул* и др.); 5) небольшое число фамилий напоминают украинские (*Галушка, Сумка, Мариновски*) и сербские (*Князевич, Петкович, Сырбу*).

М.Н. Губогло указывает на то, что процесс образования гагаузских фамилий развивался несколькими путями, основными из которых были «тюркский» и «славянский». В соответствии с законами гагаузского языка при образовании фамилий особенно часто употреблялось самостоятельное слово *огло* и аффиксы *-лы, -джи, -ю, -юк* и некоторые другие. Среди этих компонентов едва ли не самый «молодой» – *огло* ‘сын’, который в конце XIX – начале XX в. дополнительно приписывался к уже имеющейся фамилии гагауза, призывавшегося на военную службу.

Часть фамилий указывает на профессию или род занятий: *Абаджи* ‘суконщик’, *Арабаджи* ‘человек, делающий телеги’, *Калтакчи* ‘шапочник’, *Терзи* ‘портной’ и т. д. Иногда в списках встречаются фамилии, указывающие, откуда родом человек. Такова, например, фамилия *Томайлы* (*Томай* – гагаузское село Чадыр-Лунгского района Молдавской ССР).

Необходимо упомянуть также монографию «Современная гагаузская топонимия и антропонимия» (авторы – Иван Васильевич Дрон и Степан Степанович Курогло) [9]. В разделе «Антропонимия» дана краткая теоретическая информация о гагаузском ономастиконе и факторах его формирования. Далее располагается словарь гагаузских фамилий и прозвищ (более 3 тыс. фамилий), при этом каждая лексическая единица представлена в трех вариантах: регистрационный вариант, русское и гагаузское написание. Далее располагаются словари мужских и женских имен, также представленных в трех вариантах: гагаузское написание, русское написание и официальное имя.

В данный обзор не вошли интернет-источники об антропонимии перечисленных выше этносов, многочисленные сборники статей, изданных еще в советское время, научно-исследовательские и лексикографические источники об именах народов Балтии и Кавказа, украинцев, поляков, белорусов, татар, турок, немцев, евреев, также проживающих на территории приднестровского региона. Однако вся эта информация собирается, дополняется и вскоре будет опубликована в учебном пособии «Справочник по ономастике: антропонимы Приднестровья».

Следует указать и работы приднестровских ученых, благодаря которым развивается современная ономастика приднестровского региона. Прежде всего, это научные статьи С.С. Полежаевой об урбанонимах и ойконимах Приднестровья [30, 31] и многочисленные доклады студентов, подготовленные под ее научным руководством, а также опубликованная в соавторстве с Е.Г. Луговской статья «К

вопросу об установлении тождественности имен в лингвистическом исследовании и его легитимности» [24].

Е.Г. Луговская в своих работах рассматривает также вопросы разграничения производных, вариантов, вариаций и ошибок в документальной записи имен собственных и особенности нейминговой экспертизы патронимов в условиях молдавско-русской интерференции (совместно с С.С. Полежаевой) [23].

Н.В. Кривошапова опубликовала ряд исследований в области ономастики, их тематический спектр достаточно широк: «Типичные ошибки в образовании и написании имен и отчеств в документах полиязычного Приднестровского региона», «Описание модели „оним – ономастикон – дискурс“ в трудах Доржи Банзарова и приднестровских ученых», «Полифункциональность антропонимов в прозе Захара Прилепина», «Топонимы в романах Е.Г. Водолазкина как источник лингвокультурной информации» и др. [19–22].

На основе материалов лингвистических исследований, выполненных в рамках Многопрофильного центра исследований и консультаций ПГУ им. Т.Г. Шевченко, автор данного обзора опубликовала статью «Лингвистическое исследование тождественности имён *Дмитрий* и *Дмитри*» [8], в которой кратко изложена история закрепления в русском языке имени *Дмитрий*, перечислены иноязычные варианты имени, рассмотрена его структура. Выдвигается несколько версий появления аллонима *Дмитри* на территории Молдовы и Приднестровья.

Необходимо отметить и ряд топонимических работ приднестровских исследователей [15, 37], и прежде всего «Топонимическую азбуку Приднестровья», в которой кратко объяснено происхождение названий более 80 населенных пунктов республики [40].

В приднестровском научном информационном пространстве широко известны историко-топонимические труды В.Г. Фоменко [18, 28, 40, 41] и В.М. Кишлярука [15].

В 2023 г. опубликована коллективная монография «Рашков исторический», в содержание которой вошла работа А.П. Горносталь «Рашков исторический: источниковедение, историография и топонимика – результаты новейших исследований». Здесь автор выдвигает свою версию происхождения топонима *Рашков* [4].

Заключение. Поиск источников информации в области антропонимики и топонимики и составление обзоров компенсируют отсутствие специализированных справочников для делопроизводителей и работников загсов. В результате такого научного поиска существенно расширена база данных Многопрофильного центра исследований и консультаций ПГУ им. Т.Г. Шевченко, повысился уровень проводимых лингвистических исследований идентичности антропонимов. Мы знакомим с подготовленными обзорами учителей школ и всех заинтересованных в данной информации специалистов. Так, например, в рамках семинара по методологии историко-культурного описания ономастического пространства текстов художественных произведений, организованного НИЛ «Литера» для учителей школ, был представлен доклад «Антропонимия болгар, гагаузов и молдаван Приднестровья: обзор доступных источников». Самый полный обзор научно-исследовательских и лексикографических источников по этнической ономастике приднестровского региона войдет в один из разделов учебного пособия «Справочник по ономастике: антропонимы Приднестровья».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев В.Д. Передача болгарских имен собственных в русском языке / В.Д. Андреев // Топономастика и транскрипция. – Москва: Наука, 1964. – 200 с. – С. 122–130.

2. В Приднестровье проживает около 80 больших и малых этнических общностей // Новости Приднестровья. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://novostipmr.com/ru/news/17-03-01/v-pridnestrove-prozhivaet-okolo-80-bolshih-i-malyh-etnicheskih> (дата обращения: 18.09.2023).
3. Визиров А. Официальные и уличные фамилии у болгар села Катаржино (Знаменка) на Одешине / А. Визиров, А. Шабашов // ABYSS (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). – 2019. – № 1 (7). – С. 142–154.
4. Горносталь А.П. Рашков исторический: источниковедение, историография и топонимика – результаты новейших исследований / А.П. Горносталь // Рашков исторический: монография. – Кишинэу; Тираспол; Рашков: [Б. и.], 2023. – 270 с. – С. 111–158.
5. Грек И.Ф. Антропонимия «задунайских переселенцев» (последняя треть XVIII – начало XIX вв.) / И.Ф. Грек // Stratum plus. – 2010. – № 6. – С. 289–340.
6. Грек И.Ф. Антропонимия жителей поселка Болгарский в Казахстане (к вопросу этногенеза гагаузов в Буджаке) / И.Ф. Грек // Русин. – 2019. – № 5. – С. 317–352.
7. Губогло М.Н. Гагаузская антропонимия как этногенетический источник / М.Н. Губогло // Советская тюркология. – 1973. – № 2. – С. 84–92.
8. Дабежа В.В. Лингвистическое исследование тождественности имён *Дмитрий* и *Дмитри* / В.В. Дабежа // Вариативность в языке и культуре. Современные проблемы: материалы Международной научной конференции (статьи преподавателей, аспирантов и студентов). – М., 2023. – 132 с. – С. 43–48.
9. Дрон И.В. Современная гагаузская топонимия и антропонимия / И.В. Дрон, С.С. Курогло. – Кишинев: Штиинца, 1989. – 216 с.
10. Думбрэвяну А.Н. Молдавская диалектная антропонимия / А.Н. Думбрэвяну. – Кишинев: Штиинца, 1982. – 160 с.
11. Еремия А. Нуме де персоане. Личные имена: краткий антропонимический справочник / А. Еремия, М. Косничяну. – 2-е изд., исправ. и доп. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1968.
12. Илашко Ю.С. Тюркская этнопонимия и ономастика, отражённая в румынских и молдавских именах / Ю.С. Илашко // Ономастика Поволжья: материалы XIX Международной научной конференции, посвящённой 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В.И. Даля. Оренбургский государственный педагогический университет. – Оренбург: Оренбургская книга, 2021. – С. 122–130.
13. Илчев С. Речник на личните и фамилни имена у българите / С. Илчев. – София, 1969.
14. Кара Н. Язык болгар Молдовы: история и современность : сборник статей / Н. Кара. – Кишинев: SSB, 2017. – 210 с.
15. Кишлярук В.М. Происхождение названий населенных пунктов Приднестровья / В.М. Кишлярук // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. – 1999. – № 3. – С. 81–82.
16. Ковачев Н.П. Честотно-гълковен речник на личните имена у българите / Н.П. Ковачев. – София, 1987.
17. Колесник В.А. Двучленные формулы именования лиц в речи болгарских поселенцев юга Украины / В.А. Колесник // Номинация в ономастике: сборник статей / под ред. М.Э. Рут. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с. – С. 133–136.
18. Константинов Е.В. Историко-географический очерк села Суклея (к 210-летию поселения) / Е.В. Константинов, В.Г. Фоменко // Исторический альманах Приднестровья. – 2003. – № 7. – С. 130–136.
19. Кривошапова Н.В. Описание модели «оним – ономастикон – дискурс» в трудах Доржи Банзарова и приднестровских ученых / Н.В. Кривошапова // Банзаровские чтения : материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ-БГУ: в 2-х частях, Улан-Удэ, 30–31 марта 2022 года / науч. редактор В.В. Номогоева; отв. редактор О.Н. Полянская. Ч. 2. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2022. – С. 9–12.
20. Кривошапова Н.В. Полифункциональность антропонимов в прозе Захара Прилепина / Н.В. Кривошапова // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 1 (67). – С. 41–46.
21. Кривошапова Н.В. Типичные ошибки в образовании и написании имен и отчеств в документах полиязычного Приднестровского региона / Н.В. Кривошапова // Вестник ДонНУ. Серия Д: Филология и психология. – 2022. – № 2. – С. 19–22.
22. Кривошапова Н.В. Топонимы в романах Е.Г. Водолазкина как источник лингвокультурной информации / Н.В. Кривошапова // Изучение и преподавание русского языка в разных лингвокультурных средах : сборник статей Международной научно-практической конференции молодых ученых, Москва, 23–24 сентября 2019 года / под общей редакцией В.М. Шаклеина. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. – С. 374–381.

23. Луговская Е.Г. Особенности нейминговой экспертизы патронимов в условиях молдавско-русской интерференции / Е.Г. Луговская, С.С. Полежаева // Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах : материалы международной научно-практической конференции. – СПб.: Первый класс, 2021. – 544 с. – С. 389–405.
24. Луговская Е.Г. К вопросу об установлении тождественности имен в лингвистическом исследовании и его легитимности / Е.Г. Луговская, С.С. Полежаева // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 1 (70). – С. 15–22.
25. Михина А.Ф. Варианты фамилий тюркского происхождения в болгарской диаспоре Северного Приазовья (по архивным материалам к XIX – нач. XX вв.) / А.Ф. Михина // И слово Ваше отзовётся. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – 678 с. – С. 384–390.
26. Михина А.Ф. Женские именованья в болгарских селах Запорожской области / А.Ф. Михина // Логос ономастики. – 2008. – № 2. – С. 29–31.
27. Многонациональное единство // Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vspmr.org/news/supreme-council/diaspora.html> (дата обращения: 18.09.2023).
28. Непомнящий И.А. Историко-географический очерк села Чобручи Слободзейского района / И.А. Непомнящий, В.Г. Фоменко, Т.А. Щербакова // Исторический альманах Приднестровья. – 2005. – № 9. – С. 133–144.
29. Парзулова М.О. О фамильных именах турецкого происхождения бессарабских болгар / М.О. Парзулова // Четвёртые моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Т. 2. Оренбург, 2018. – С. 30–33.
30. Полежаева С.С. Имя собственное в полилингвистическом сообществе (на материале урбанонимов города Тирасполь) / С.С. Полежаева // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года) / сост., ред. В.Л. Васильев; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: «ТПК «Печатный двор», 2019. – С. 394–398.
31. Полежаева С.С. Урбанонимы и ойконимы Приднестровья с семантической доминантой «естественный водоём» / С.С. Полежаева, Н.И. Владова, Е.С. Коливашко // Язык и культура: взгляд молодых: материалы V Международной научно-практической конференции / Гл. редактор В.И. Карасик. – М., 2023. – С. 141–147.
32. Романчук А.А. Антропонимическая модель на -й в историческом русском ареале и средневековой Молдове: основные результаты квантитативного анализа и их интерпретация / А.А. Романчук, Ю.О. Цвигун. – Кишинев: Stratum plus, 2014. – 100 с.
33. Романчук А.А. Мужские антропонимические модели молдавских поземельных грамот (конец XIV – начало XVII в.): основные результаты квантитативного анализа и их интерпретация / А.А. Романчук, Ю.О. Цвигун // История и математика: футурологические и методологические аспекты. Волгоград : Учитель, 2015. – 152 с.
34. Седакова И.А. Имя и имена у болгар: специфика болгарского антропонимикона в сравнении с русским / И.А. Седакова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 237–239.
35. Седакова И.А. Болгарский антропоним как (балканский) текст / И.А. Седакова // Вопросы ономастики. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 83–101.
36. Селимски Л. Фамилии имена с турски основи или/и наставки / Л. Селимски // И слово Ваше отзовётся. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – 678 с. – С. 538–555.
37. Симаченко Р.В. Тираспольская топонимия и аспекты ее реформирования / Р.В. Симаченко // Исторический альманах Приднестровья. – 2015. – № 13. – С. 82–89.
38. Суляк С.Г. Этноним *рус* в антропонимике средневековой Молдавии / С.Г. Суляк // Русин. – 2017. – № 1 (47). – С. 80–91.
39. Суляк С. Полиэтничная Молдавия (по данным топонимики и антропонимики) / С. Суляк // Русин. – 2013. – № 1 (31). – С. 95–105.
40. Топонимическая азбука Приднестровья: справочное пособие / сост. В.Г. Фоменко, И.В. Мисякова и др. – Тирасполь: ГОУ ДПО «ИРОиПК», 2018. – 40 с.
41. Фоменко В.Г. Историко-географический очерк села Выхватинцы Рыбницкого района / В.Г. Фоменко, С.И. Филипенко, М.В. Мустя // Исторический альманах Приднестровья. – 2015. – № 13. – С. 89–98.
42. Eremia A. Valorificarea patrimoniului onomastic national / A. Eremia, M. Cosniceanu // Akademos. – 2009. – № 4 (15). – P. 24–28.

Поступила в редакцию 11.11.2023

**REVIEW OF RESEARCH AND LEXICOGRAPHIC SOURCES
ABOUT ETHNIC ONOMASTICS OF THE PRIDNESTROVIAN REGION**

V.V. Dabezha

The sources containing information on the anthroponymy of the Moldavian-Romanian and Bulgarian-Gagauz communities of the Pridnestrovian region (scientific articles, monographs, dictionaries and reference books) are presented, most of which are freely available on the Internet or in the book collection of the library of the Pridnestrovian University. The works of Pridnestrovian researchers in the field of anthroponymy and toponymy are briefly listed.

Key words: onym, anthroponym, toponym, patronym, personal names, surnames, ethnonym.

Дабеза Виктория Владимировна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко».

Доцент кафедры журналистики.

E-mail: dabezha2013@yandex.ru

Dabezha Victoria Vladimirovna.

Candidate of Philology.

Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko.

Associate Professor of Department of Journalism.

E-mail: dabezha2013@yandex.ru

УДК: 81`282

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЫ МИРА
НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР»****© 2023 И.В. Желябова, В.В. Милославская, Л.С. Белоусова**
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

В статье рассматривается лексика тематической группы «растительный мир» ставропольских говоров. Т.к. понятие «ставропольские говоры» не имеет терминологического статуса, и данные говоры не отражены в Диалектологическом атласе русского языка, они не были учтены ни в диалектном членении русского языка, ни в структурно-типологической классификации русских говоров, поэтому они представляют особый интерес для изучения, что обуславливает актуальность исследования. «Ставропольские говоры» вербализуются в двух центральных говорах – южнорусском и украинском, поэтому в пределах одной этноязыковой общности можно выделить ряд диалектных картин мира, соотносящихся с определенными типами культуры и языками. В центре внимания авторов статьи – лексика тематических групп номинаций цветов, деревьев и плодов, травянистых растений, бахчевых культур, злаков, зерновых и бобовых культур, кустарников, грибов и т.д. В процессе анализа языкового материала применялись различные методы и приемы: сплошная выборка единиц определенной группы, анализ и синтез, описательный, сравнительный и количественный методы исследования. Сделаны выводы о том, что лексика растительного мира раскрывает особенности восприятия окружающего мира диалектоносителями и специфику его языковой репрезентации. При обозначении растительного мира носители ставропольских говоров совместно со словами литературного языка активно употребляют фонетические, грамматические, собственно лексические и семантические диалектизмы.

Ключевые слова: диалектная картина мира, тематическая группа, растительный мир, классификация, диалектизм, ставропольский говор.

Природа Ставропольского края необыкновенна, неоднородна, разнообразна. На территории края есть зоны полупустыни, степи, имеется и лесистая зона, южная часть края выделяется горными месторождениями, хребтами и скалами. Некоторые виды деревьев и кустарников, согласно истории, были привезены сюда Петром I из-за границы.

Человека на протяжении всей его жизни окружают растения. Они являются источником питания, энергии, служат строительным материалом, используются в лечебных целях, стимулируют психологическое и эмоциональное состояние человека. Кроме того, они служат источником кислорода, регулируют микроклимат планеты. Анализ наименований растений в русских народных говорах демонстрирует различные мотивационные признаки, лежащие в основе наименования растений, что, в свою очередь, дает возможность исследовать различия в «мироощущении, мирочувствовании, мирозерцании и мирооценке русского народа» [3, с. 33].

В работе М.В. Бец и А.А. Лушпей говорится, что «формирование понятия «диалектная картина мира» явилось результатом и одновременно логичным продолжением процесса рассмотрения идиоэтнического языка как противоположного литературному, нормативному и кодифицированному» [1, с. 431]. Диалектная картина мира формируется в довольно замкнутом диалектном коллективе (селе, станице, хуторе, улице), отражает особенности уклада жизни, быта, рода занятий, характерные черты сельского труда, обычаев, натурального хозяйства, близости к природе. Часто спонтанно порождает представления человека о природе, например, цветок *лохмач* – его листья на ветру напоминают лохматые, непричесанные, растрепанные волосы человека или шерсть животного. Таким образом, диалектная картина мира – это система знаний об окружающем мире человека, запечатленная в форме диалектного

языка. От общей языковой картины мира она отличается своим естественным характером. М.В. Бец и А.А. Лушпей пишут: «Диалект противопоставляется общенациональному языку не только по критерию отсутствия или наличия кодификации, но и по целому ряду других характеристик, среди которых отмечается архаичность, альтернативная форма освоения действительности, широкий спектр единиц для коннотативной окраски» [1, с. 431].

Диалектная картина мира репрезентируется особыми социолингвистическими характеристиками; системными параметрами, а проявляется она, главным образом, в устной речевой деятельности, в нашем случае эксплицирована в речи самих диалектоносителей. Сфера использования диалекта преимущественно ограничена семейными и бытовыми ситуациями, однако в официальных сферах они могут переходить на разговорный вариант литературного языка.

«Основной особенностью диалектной картины мира признается существование такого особого разряда слов, как диалектизмы» [6, с. 38]. Диалектизмы бывают:

–фонетические: *бакша* – бахча (в Сл. Фасмера, в Сл. Даля даются следующие варианты произношения: бакча, бахча – к//х, бакша – ш//ч; заимств. из тур. (перс.) баўё; в Сл. Ожегова зафиксирован вариант – бахча); *конопы* – конопля; *хрукта* – фрукты; *квасоля* // *хвасоля* (при отсутствии в говоре фонемы <ф>, на его месте произносят звук [х] или сочетание звуков [кв]//[хв]); *окроп* – укроп (различаются подъёмом языка);

–грамматические: *яблок* (м.р.) – яблоко, *квасоля* // *хвасоля* (1 скл. вместо 3 скл.) – фасоль; *морква* (1 скл. вместо 3 скл.) – морковь;

–словообразовательные: *вербава* – верба; *вишник* (ю-р) – дерево вишня, а также плод его;

–собственно лексические диалектизмы (локальные синонимы общеупотребительной лексики): *бузок* – сирень; *серберина* – шиповник, ягоды шиповника (Примечание: в Сл. Фасмера написано: ...и возводит их к праслав. *s(v)orb-, *s(v)ьrb- "зудеть, чесать" [8, с. 721];

–семантические диалектизмы (своего рода омонимы к общеупотребительной лексике): *кабак* – тыква; *доктор* – название комнатного цветка (алоэ).

В некоторых словах фиксируется одновременно

а) фонетический и словообразовательный признак:

– *вишник* (ю-р) // *вышник* (укр.) – дерево вишня, а также плод его. В корне наблюдается чередование <и>//<ы>, суффиксальный способ образования (модель S + -ик);

– *чобор* – тимьян, также чабрец и чебрец – род семейства яснотковые. В корне наблюдается чередование <о>//<а>//<э>, бессуффиксный способ, усечение суффикса -ец (модель S + Ø);

б) фонетический и морфологический признаки:

– *баргамота* – название одного из сортов груш, бергамот. В корне наблюдается чередование <э>//<а>; изменение склонения: 1 скл. вместо 2 скл.

– *картоха* – картофель. На месте отсутствующей в говоре <ф> произносится звук [х]; изменение склонения: 1 скл. вместо 3 скл.

Понятие «ставропольские говоры» не имеет терминологического статуса. Данные говоры не отражены в ДАРЯ и поэтому не были учтены ни в диалектном членении русского языка, ни в структурно-типологической классификации русских говоров. Ставропольские говоры – это говоры вторичного заселения. «Почти 90% из общего числа переселенцев были выходцами из центрально-черноземной полосы России: из Курского наместничества, Пензенского, Воронежского, Тамбовского, Орловского,

Калужского. В меньшем количестве прибыли переселенцы из Рязанского наместничества, Тульского, Харьковского, Киевского, Черниговского, Новгородского, Саратовского и др.» [9, с. 5]. Их расселение производилось не по территориальному признаку, селили в одном и том же селении выходцев из разных мест. Рассматривая территориальное размещение говоров, мы можем прийти к выводу о том, что чем ближе к северным и северо-западным границам, тем чаще встречаются украинские говоры. Они примыкают к украинским говорам Ростовской области и Краснодарского края. Южнее и восточнее расположены говоры южнорусские. Однако резко разграничить русские и украинские говоры в Ставропольском крае нельзя, так как встречаются города и села, в которых одновременно бытуют и тот, и другой говор (г. Ипатово, г. Светлоград, с. Лиман, Киста, пос. Красочный, с. Дмитриевское, Изобильное, Сотниковское и др.), в связи с чем мы фиксируем лексику и южнорусского, и украинского говоров: *бурак* (ю-р) // *буряк* (укр.) – свёкла, *цыбуля* (укр.) – лук, *тыквуша* (ю-р) // *гарбуз* (укр.) – тыква, *ветка* (ю-р) // *гилка* – ветвь, *серберина*, *серболика* (ю-р) // *шипшина* (укр.) – шиповник и др.

Номинации растений в языке диалекта неоднократно привлекали внимание исследователей. Локальные факты ставропольского говора позволяют дополнить общую картину. Материалом для наших наблюдений послужили данные диссертации Н.С. Максименко-Бушиной [1967], картотеки, собранной во время диалектологических практик. А поскольку именно словарь определяет логико-понятийную основу языка, мы брали наименования в Словаре из учебного пособия «Южнорусские говоры Ставропольского края» [2008]. «Если словарь народа, – писал Й.Л. Вайсгербер, – является суммой и результатом понятийной переработки им своего опыта, то исследование словаря служит в первую очередь постижению понятийного мира этого народа» [2, с. 143].

Слово является результатом мыслительной деятельности человека, поэтому сохраняет формы трансформации реальности в мышление. В. фон Гумбольдт определял слово следующим образом: «Слово – не эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова; именно здесь главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета... Поистине язык представляет нам не сами предметы, а лишь понятия о них» [5, с. 130]. Винокур Г.О. в своей лингвокультурологической концепции писал, что «язык в качестве пережитка способен сохранить следы породившего его этапа культурного развития. Язык – один из продуктов духовного творчества данного культурно-исторического коллектива – народа; не только зеркало истории народа, но и часть этой истории, одно из созданий народного творчества» [4, с. 216].

Считается, что не единичное, отдельно взятое слово имеет выход на языковую (в том числе и диалектную) картину мира, но лишь слово в составе тематической группы.

Далее проведем классификацию собранного диалектного материала. На гуманитарном портале В.А. Эдельман дает следующее определение: «классификация – это общенаучный метод систематизации знания, направленный на организацию некоторой совокупности изучаемых объектов различных областей действительности, знания и деятельности, в систему соподчинённых групп (классов), по которым эти объекты распределены на основании их сходства в определённых существенных свойствах» [<https://gtmarket.ru/concepts/6879>].

В идеографических, тематических, семантических словарях русского языка можно отметить разные подходы при представлении лексического материала. Мы за основу возьмем классификацию, которая дана в «Семантическом словаре говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием», т.к. она основана на

южнорусском диалекте и гораздо ближе к ставропольскому говору: общие понятия, части растений, травянистые растения, деревья и их плоды, злаки и другие зерновые культуры и их плоды, цветы, бахчевые культуры, овощные культуры и их плоды, совокупность растений, кустарники. Кроме того, в некоторых случаях опирались на «Русский семантический словарь» (далее РСС) под общей редакцией Н.Ю. Шведовой.

Самой распространенной тематической группой оказалась группа номинаций цветов. В нее вошли комнатные, садовые и степные цветы: *баранчики* – мн.ч., дикорастущее травянистое растение семейства первоцветных – примула весенняя. «Баранчики у гораде у палисадниках тьвитут»; *барашки* – примула. «А какие вкусные барашки. Мы их ели на поляне»; *дуванчик* – одуванчик. «Павсюду расцвёл дуванчик»; *пушок* – одуванчик. «Вон, смотрите окала маего забора моха скока, мы его еще пушком называем»; *бузок* – сирень. «А у нас сирень называют бузок». «У нас весной такой бузок цветёт»; *бузляк* – желтый степной тюльпан. «Мы ходили за бузляками»; *волкомерия* – комнатный цветок – гортензия. «У нас етот цветок называют волкомерия»; *ляндра* – название комнатного цветка (олеандр). «У меня ляндра всё лето цвела»; *доктор//столетник* – название комнатного цветка (алоэ). «Приложи на палец доктор, сразу заживет». «Приложи столетник к пальцу, и за ночь нарыв прорвётся»; *калачик* – комнатный цветок – герань. «Раньше мы сажали в горшках цветы, ды больше калачики». «Какие у тебя красивые калачики»; *декабрист* – зигокактус, цветет в декабре-январе. «Дома у меня растеть алое, каланхой, декабрист»; *кочетки//петушки* – мн.ч., наименование цветов – ирисов. «Кочетки уже зацвели». «У нас петушки только хвиолетовые, а жёлтых нетути»; *девица в зелени* – наименование цветов (нигелла дамасцена). «Ети цветы девица в зелени называют у нас»; *невеста* – наименование комнатного цветка (белая гортензия или спирея белая). «Невеста цветёт белым»; *лазорик* – степной тюльпан. «Мы хадилиу степ и нарвали лазорикаф и бузляков»; *лахмач* – 1. название степных цветов с узкими листьями и красными головками (пион узколистный). «На празник паехали у поле, а там красна ат лахмача и лазорика». 2. название степных цветов с узкими листьями и желтыми головками (горицвет весенний). «Харош букет из лахмача»; *майорцы* – мн.ч., название цветов (цинния). «Какия у табе майорцы красиваи»; *нечёсана барыня* – наименование цветов (нигелла дамасцена). «А ети цветы — нечёсана барыня у нас называются»; *ноготки* – мн.ч., название цветов календулы. «Ноготки порасцвели кругом». «Ноготки мороза не боятся»; *огонёк* – комнатный цветок бальзамин. «Огонёк уже расцветает». «Дай мне отросток от огонька»; *повитель* – вьюнок (название цветка). «Повитель у меня цветёт синим и розовым цветом»; *ротики* – мн.ч., название цветов – львиный зев. «Ня рви ротики, руки па аббиваю»; *сентябрика* – садовое растение – астра кустарниковая. «А ф палисадники у миня цвитоф многа: питунья, синтябрики, рукбекия, ирисы – йищё их называют питушки»; *серёжка* – комнатный цветок (фуксия). «Я люблю серёжку и калачик»; *толкачик* – цветок мышинный гиацинт. «Талкачик – ета тьвиток, каторый скрипит в руках, када иво давиш»; *фиалка* – фиалка. «Посадила фиалки». «Уже фиалки раствяли»; *желтняк* – ромашка. «Дичята на желтняке гадалы»; *царская корона* – садовый цветок рябчик императорский. «У миня никак ни растет царская карона, усё мураши паедают»; *васильки* – шалфей. «Как итить на кырпычный завог там дужэ мноуа василькив ростэ»; *доброе утро* – семейство кисличные. Растение, утром у которого раскрываются листья, а вечером они складываются. «Вот это ириски, фиалки, доброе утро»; *працуреники* – цветы, похожие на подснежники. «Весной распускаюца працуреники»; *разноцветики* – цветы разных цветов. «Возле нашего дома много красивых разноцветов весной».

На втором месте по распространенности находится тематическая группа номинаций деревьев и их плодов. На Ставрополье деревья растут преимущественно

лиственные, хвойные в основном произрастают в гористой местности. В данную группу вошли культурные и дикорастущие деревья: *армуда* – айва. «Сварыла варэню из армуды»; *жердэлы* – мн.ч., мелкие абрикосы. «Жердэлы растут у лесополосе у нас»; *кашка* – 2. цветы белой акации. «Коль, пойдем нарвем кашки»; *кутюшки* – мн.ч., цветы акации. «А у нас эти цветы называют кутюшки»; *акитки* – мн.ч., цветы акации. «Какие красивые акитки»; *баргамота* – название одного из сортов груш. «У нас есть одна ветка баргамот»; *глива* – название одного из сортов груш. «У нас две ветки гливы». «Баргамоты у нас свои, а глив нету»; *дуля* – 2. груша. «Дуль насушила на взвар»; *поддулька* – маленькая груша. «Нарви поддулек себе»; *барыня* – боярышник. «У нас у лясу барыня уже поспела»; *шамшика* – боярышник. «Ходили в лес вчерась, шамшику собирали»; *вербава* – верба. «В этом гаду вербава расцвила раньши абычнава»; *вышник//вишник//вишь* – дерево вишня, а также плод его. «Уже вышник аташёл». «Когда паспивает вишник, я прашу унука, штобы он ево сабрал». «Вишь, ни вишня, а вишь»; *яблок* – яблоко. «Возьми этот яблок: он спелее»; *кислицы* – мн.ч., лесные яблоки. «Снятся кому-сь кислицы – ета не к добру»; *кульга* – дикий абрикос. «А какая весной кульга бывает»; *карагач* – наименование одной из пород деревьев. «На карагач залезли и достали ихнее гнездо»; *раина* – пирамидальный тополь. «Эти деревья называются у нас раины»; *глядюча* – акация. «Учэра вколола ногу улядючой»; *реховняк* – орех. «В агароде разросся большой рехавняк»; *тутовник* – шелковица. «Тутовник уже отходя»; *тутына* – шелковица. «Уже тутына поспела». «У вас белая тутыана, а у нас чёрная».

По количественному составу незначительно меньше тематическая группа номинаций травянистых растений: *кашка* – 1. пастушья сумка (растение) «Кашка у нас визде растёт»; *лопуцик* – название растения (пастушья сумка). «Мы в детстве ели лопуцики»; *ганус* – душистая трава. «Люблю, когда пахня ганус»; *магар* – трава для скота. «Магар – ета у нас трава зли скотины»; *нехвороца* – степная трава, одна из разновидностей полыни. «Раньше веники делали мы из нехвороци»; *астюк* – сорная трава – осот. «И аткудава энти астюки бируца». «В агароде астюк вырас»; *отава* – молодая трава, выросшая после скошенного сена. «Уже отава зеленеется»; *арбузники* – вид колючей травы. «Арбузники были, я вам щас расскажу. Бес обуви по ним не прайдёшь»; *кавуньци* – ползучая трава с колючкой. «Позаслалы усё кавуньци»; *брынца* – вид сорной травы. «Ну на агароде жирняк, лабада, подсвекольник, брынца паливая»; *будяк* – репей. «Будяки повыросли, усе хлеба засорили»; *будякы* – репейник. «Будякы – цэ колючкы рыпяха»; *капканы* – мн.ч., колючки. «У нас на бакше такие капканы, там босяка не пройдёшь»; *дириза* – колючий кустарник. «Разбеглись трусы (кролики) по диризе, их не впоймаешь»; *дёрганица* – конопля. «Дёрганица – это бурьян»; *конопы* – конопля. «Крапиву обжогой мы звали, а канаплю – канапы»; *колюки* – мн.ч., верблюжья колючка. «Там такие колюки – босяка не пройдёшь»; *курай* – перекати-поле (растение). «Раньше у нас топили кураём»; *матрёшка* – перекати-поле. «У нас называют его матрёшка, а в ентим селе – курай»; *жигуха* – крапива. «Всыпать бы тебе жигухи. Полезь мне ещё раз!»; *чобор* – тимьян, также чабрец и чебрец – род семейства яснотковые. «Чобар сабираем перет троицей, а патом украшаим йим дом»; *лобода* – трава, сорняк. «У уолот йилы лободу ныськорослу»;

Следующие по количеству две группы, это: тематическая группа номинаций частей растений: *огудина* – ботва плетущихся огородных культур (огурцов, дынь, арбузов, тыквы). «Уся огудина посохла от жары». «Собери с огорода огудину»; *стерня* – остатки стеблей злаковых на корню после покоса; сжатое поле. «По стерне босяком не пройдёшь»; *хряпка* – кочерыжка от капусты. «Мам, обчисть мне хряпку»; *бадылки*, *бадылья* – мн.ч., стебли кукурузы, подсолнечника. «Протопила печку бадылками»;

былка – былинка, стебель травы. «У цветнике ни одной былки не осталось». «Попрыгали с университетов тонкие, как былки»; *былочка* – один цветок. «Былочка – адин цветок»; *гилка* – ветвь. «Все гилки обломали пацаны». «Такую гилку ветер сломал»; *дрючок* – бревно. «Дрючки привезли на верха ставить»; *струч* – стручок. «Положи ещё один струч красного перца»; *цурпалка* – сухой хворост, сухая ветвь. «Насобирали в лесу всяких цурпалок и зажгли костёр». «Собери каких-нибудь цурпалок: надо растопить печку», а также тематическая группа номинаций овощных культур и их плодов: *адмич* – помидор. «У их называют бадражан, а у нас – адмич»; *бадражан* – помидор. «Бадражаны у мене усе крупнай»; *буряк* – свёкла. «Надо буряки прополоть». «Уцём ўоду буряк якыйт ны красный»; *вилок* – кочан капусты. «Купи мне один вилок капусты»; *морква* – морковь. «Моркву посеяла». «Люблю борщ с бураком и морковой»; *картоха* – картофель. «Нонче я сварила картох, нехай с солёным огурцом поедят». «Одна картошина (т.е. картофелина) совсем разварилась»; *карнавалиска* – сорт картофеля. «Раньшы мы сажали картошку. Карнавалиска была»; *окроп* – укроп. «Положи окроп в суп»; *цыбуля* – лук. «Купили цыбули на зиму 10 килограмм»; *горчица* – красный стручковый горький перец. «Поддай горчицу».

Вслед за этими группами идет тематическая группа номинаций бахчевых культур. Так как Ставропольский край является степным и жарким регионом, поэтому на его территории выращивают бахчевые культуры. Основные площади этих культур расположены в Степновском, Нефтекумском, Арзгирском, Изобильненском округах, в связи с чем в речи диалектоносителей можно встретить следующие слова: *гарбуз* – тыква. «Гарбузы уродились такие здоровенные». «Люблю кашу с гарбузом»; *зимовка* – название одного из сортов дынь. «Вкусная дынька – зимовка»; *комовка* – один из сортов дыни. «Эта дыня называется комовка»; *кабак* – тыква. «Кабак у нас хорошо уродили»; *кавун* – арбуз. «Кавуны какие здоровенные!», «Тебе кавун чи кавунику выбрать?»; *камовка* – название одного из сортов дынь. «Ды раньше называли их камовки, зимовки, а теперь больше сеют колхозницы»; *ханка* – один из сортов дынь. «Раньше мы сеяли ханки – такие маленькие дыньки, как яблоки».

Как мы говорили ранее, ставропольские земли – это степные земли, считаются «житницей» страны. По выращиванию зерновых культур наш край занимает 3-е место в России. Но так как в большинстве случаев информантами были женщины, которые занимались садоводством, огородничеством, а не полеводством, то тематическая группа номинаций злаков и других зерновых и бобовых культур и их плодов содержит небольшое количество лексем: *дерть* – злаковые грубого помола для кормления скота и птицы. «Натка, насыпь дерти курам»; *зеленя* – мн.ч., всходы пшеницы, ячменя весной. «Зеленя сѣдни дружные»; *озадки* – мн.ч., отходы при веянии зерна. «Купила курам на корм озадков»; *озимка* – озимая пшеница, посевы пшеницы, ячменя осенью. «У нас сеют и яровку и озимку»; *квасоля//хвасоля* – фасоль. «Квасолю уже прополола». «Напекла пирожков с хвасоляй». «Хвасолю пропололи вчера»; *подсолнух* – подсолнечник. «Пропололи мы вчерась подсолнухи».

Небольшое количество слов содержится в двух тематических группах: в группе номинаций растительных отходов: *жабурынья* – собир. выжимки из помидоров, шелуха. «Процеди помидоры, чтоб в борще не болталась жабурынья»; *кожуринья* – собир. кожура овощей, плодов, ягод. «Собери со стола кожуринья»; *кожушка* – шелуха (от подсолнечных семечек). «Подмети пол, насорили тут кожушками»; *лушпайки* – мн.ч., подсолнечная шелуха. «Подмети все лушпайки»; *макуха* – жмых от подсолнечных семян. «Всю зиму топили макухой»; и в группе номинаций общих понятий: *ветка* – дерево. «В саду веток очень мноуо»; *бакша* – бахча. «Бакшу ходили полоть»; *залезь* – необработанная,

непаханая земля, целина. «А мы нынче по залежи бакшу посадили, дык такие кавуны уродились!»; *кушири//куштыри* – мн.ч., место, заросшее кустарником, зеленью растений, ветвей. «Идём ни па дараги, а па каким-та куширям»; *хрукта* – фрукты. «Хрукты у нас – всякой полно». «Хрукту заготовляем на усю зиму».

Очередными небольшими тематическими группами являются группа номинаций кустарников и группа лиан (данное название группы зафиксировано в РСС). Кустарники, которые являются дикорастущими: *серберина* – шиповник, ягоды шиповника. «Серберина растёт в степу, не в саду»; *шептала* – шиповник. «Ва дваре адна шептала растёт»; *шипшина* – шиповник. «Зли нашего городá (огорода) шипшина растёт»; *дерн* – терн. «У нас в лесу растет дерн». И лианы – это виноград – листовенные древесные лозы. У нас виноград выращивают не только в виноградоводческих организациях, но сажают и во дворах, и в огородах, поэтому диалектоносители знают разные его сорта: *гадай* – название одного из сортов винограда. «Гадай – дюже дорогой виноград»; *голан* – название одного из сортов винограда. «Дык голан – ето самый вкусный виноград»; *чаус* – название одного из сортов винограда. «Дык на базаре чаус дороже, чем изабелла»; *бычинный глаз* – сорт винограда. «Бычинный ұлас он такой крупной – винахрат».

Самая маленькая группа – это тематическая группа номинаций грибов: *печерика* – гриб *Agaricus campestris* – шампиньон обыкновенный. «Печерики у нас растут»; *подсливник* – научное энтолома садовая, или щитовидная. «Подсливники у нас растут у саду».

Таким образом, ввиду того что территория Ставропольского края относится к территориям вторичного заселения, ставропольский говор соответствующим образом вербализуется в двух центральных говорах – южнорусском и украинском говорах (вишник//вышник, бурак//буряк и др.), поэтому в пределах одной этноязыковой общности можно выделить ряд диалектных картин мира, соотносящихся с определенными типами культуры и языками.

В диалектной картине мира отражаются признаки мировосприятия, понимания действительности, характерные для жителей региона, которые фиксируются в диалектных словарях, текстах, записанных в ходе диалектологических практик, репрезентируются на следующих уровнях детерминант: культура, традиция, быт, род деятельности; географические и в нашем случае ботанические особенности. Так как информантами были преимущественно женщины, поэтому самой распространенной тематической группой стала группа номинаций цветов.

Исследуемая лексика растительного мира раскрывает особенности восприятия окружающего мира диалектоносителями и специфику его языковой репрезентации. При обозначении растительного мира носители ставропольских говоров совместно со словами литературного языка активно употребляют фонетические, грамматические, собственно лексические и семантические диалектизмы, и в то же время следует отметить, что в нашем случае не зафиксированы этнографизмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бец М.В. Диалектная картина мира как лингвокультурологический феномен (на материале диалектизмов русского и немецкого языков) / М.В. Бец, А.А. Лушпей // Мир науки, культуры, образования. – № 6 (67), 2017. – С. 431–434.
2. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 224 с.
3. Вендина Т.И. Ценности и оценки в пространстве словообразования / Т.И. Вендина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997. – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2000. – С. 24–34.

4. Винокур Г.О. О задачах истории языка / Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – 492 с.
5. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; Пер. с нем. – 2-е изд. – М., 2001. – 400 с.
6. Радченко О.А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен / О.А. Радченко, Н.А. Закуткина // Вопросы языкознания. – № 6. – 2004. – С. 25–48, С. 38.
7. Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием / авт.-сост. В.М. Грязнова, И.В. Желябова, О.Н. Громакова и др. – Ставрополь: Сервисшкола, 2012. – 608 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / М. Фасмер; Пер. с нем. – М.: Астрель: АСТ, 2007.
9. Южнорусские говоры Ставропольского края: учебное пособие / Н.С. Бушина, В.М. Грязнова, И.В. Желябова, С.В. Бушина. – Ставрополь: Сервисшкола, 2008. – 120 с.

Поступила в редакцию 01.11.2023 г.

THEMATIC GROUP “PLANTS” IN DIALECT PICTURE OF THE WORLD

I.V. Zhelyabova, V.V. Miloslavskaya, L.S. Belousova

The article deals with the vocabulary of the thematic group “Plants” in Stavropol dialects. The study is highly relevant due to a number of reasons. “Stavropol dialects” do not have a terminological status, and they are not reflected in the Dialectological Atlas of the Russian language. These dialects were not taken into account either in the dialectal division of the Russian language, as well as in the structural-typological classification of Russian dialects. “Stavropol dialects” are verbalized in two central dialects – South Russian and South Ukrainian, therefore, within one ethno-linguistic community, a number of dialectal pictures of the world can be distinguished, which correlate with certain types of culture and languages. In the contribution, the focus is made on nominations of flowers, trees and fruits, herbaceous plants, melons, cereals, grains and legumes, shrubs, mushrooms, etc. In the course of the analysis, the following methods and techniques have been applied: a continuous sampling of units of a certain group, analysis and synthesis, descriptive, comparative and quantitative research methods. The conclusion is made that the vocabulary under study reveals the surrounding world perception by dialect speakers and the specifics of its linguistic representation. Designating plants, Stavropol dialects speakers actively use phonetic, grammatical, lexical and semantic dialectisms alongside words of the literary language

Key words: dialect picture of the world, thematic group, flora, classification, dialectism, Stavropol dialect.

Желябова Ирина Викторовна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: zhelyabova.i@yandex.ru

Милославская Виктория Владимировна.

Кандидат филологических наук.
ФГАОУ ВО Северо-Кавказский федеральный университет».
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: v.v.miloslavskaya@gmail.com

Белусова Людмила Сергеевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ФГАОУ ВО Северо-Кавказский федеральный университет».
Заведующий кафедрой русского языка.
E-mail: lbelousova@ncfu.ru

Zhelyabova Irina Viktorovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
North Caucasus Federal University.
Associate Professor of Russian Language Department.
E-mail: zhelyabova.i@yandex.ru

Miloslavskaya Viktoria Vladimirovna.

Candidate of Philology.
North Caucasus Federal University.
Associate Professor of Russian Language Department.
E-mail: v.v.miloslavskaya@gmail.com

Belousova Lyudmila Sergeevna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
North Caucasus Federal University.
Head of Russian Language Department
E-mail: lbelousova@ncfu.ru

УДК 81-114.2

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ Г. НОВОСИБИРСКА КАК ИСТОЧНИК
ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОЙ ЭРГОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ)**

© 2023 *Н.А. Лиханова*

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»

В работе представлено исследование по формированию региональной культуры Новосибирска, где объектом изучения выступил лингвистический ландшафт городского пространства. Материалом для наблюдения послужила русско-китайская эргономическая лексика, которая присутствует в «городском тексте». Современный взгляд на лингвистический ландшафт Новосибирска позволяет актуализировать тот факт, что китайские эргонимы сегодня активно функционируют в городе, указывая на интерес к китайской культуре жителей города, пребыванию китайского населения на территории многонационального региона. Эргономическая лексика проанализирована с учетом комплексного лингвистического и экстралингвистического анализа, где содержится русский и китайский компонент в тексте вывесок. Наблюдения за вывесками позволили определить китайскую эргономическую лексику как часть формирования лингвистического ландшафта, которая становится частью региональной культуры города. Исследование позволяет учитывать содержательный анализ особенностей иероглифического письма; культуру, историю, символы Китая в сибирском городе.

Ключевые слова: региональная лингвокультура, лингвистический ландшафт, эргонимы, вывески, диахронный аспект, синхронный аспект, русско-китайские особенности текста.

Введение. Лингвистический ландшафт городского пространства сегодня становится неотъемлемым источником отражения региональной культуры. Региональный подход в рамках различных исследований представляет этническую, лингвистическую, историческую, культурную, конфессиональную составляющую и отражает менталитет жителей того или иного города. Эргономическая лексика выступает как динамический языковой свидетель жизни различных наименований в лингвистическом ландшафте, который позволяет устанавливать хронологию не просто названий, а фактически отражает социально-ориентированные интересы жителей. В этом заключена *актуальность* работы – описывается языковой процесс, который функционирует в городском пространстве г. Новосибирска, а также становится частью комплексного изучения региональной культуры.

Актуализируется и тот момент, что в рамках современной науки лингвистический ландшафт, как отмечает специалист в этой области знаний А.В. Кирилина, «позволяет выявить закономерности в способах, которыми люди, группы, ассоциации, институты и государственные учреждения соревнуются в игре символов внутри сложной реальности» [8, с. 159]. Автор замечает, что исследования в рамках лингвистического ландшафта начали «стихийно формироваться в дву- и многоязычных городах и в регионах, в которых не всегда удавалось достичь бесконфликтного контакта говорящих на разных языках общностей» [8, с.159]. Изучение лингвистического ландшафта стало приоритетным в работах Фёдоровой Л.Л. [18, 2014] Кирилиной А. В. [8, 2013], Пешковой Н.П. [14, 2016], Барановой В.В. [4, 2020], Голиковой Т.А. [5, 2020] и др. В данной работе речь идёт о способе познания культуры того или иного региона через языковую реальность: региональная культура → лингвистический ландшафт → эргономическая лексика.

Заметим, что влияние китайской лингвокультуры как составляющего элемента лингвистического ландшафт Новосибирска, оказало меньшее влияние на языковую среду, чего нельзя сказать о приграничных городах. В рамках исследования

лингвистического пространства города появляются работы русских и китайских учёных, где представлены эргонимы: Сизых М.М. [15, 2017], Петрова Т.И. [13, 2019], Цзянь Ин и Оглезнева Е.А. [3, 2019], Мань Шу [11, 2019], Дубинина М.Н. [6, 2021], Лю Лифэнь и Пи Юаньчжо [10, 2022] и др. Языковые параллели ономастической лексики указывают на особенный интерес к данной теме. Например, китайский исследователь Мань Шу представляет способы нейминга торговых организаций городов Челябинска и Хэйхэ [11]. О содержании китайского компонента в лингвистическом ландшафте культурно-исторической части Коломны пишут М.Н. Дубинина и Д.А. Колодяжная [6], что дополняет исследование по региональной культуре. Представляется, что новизна работы состоит в том, что эргонимическая китайская лексика становится фрагментом изучения лингвистического ландшафта современного крупного российского города, где выявляются семантические особенности, учитывается лингвокультурная специфика китайских наименований. В ходе работы была сформирована картотека эргонимической лексики – более 50 наименований

Цель данного исследования состоит в репрезентации лингвистического ландшафта города Новосибирска как составляющего элемента региональной культуры. В качестве источника исследования выступает китайская эргонимическая лексика, которая на протяжении всего развития городского пространства функционировала в его среде. Лексика выступает, как исторический свидетель реконструкции русско-китайских отношений с момента основания Новониколаевска, ныне Новосибирска. Привлеченные к работе языковые факты раскрывают род занятий китайского населения, указывают на территорию их пребывания в черте города, определяют специфику китайской культуры в регионе.

Основная часть. Как известно, городское пространство Новосибирска формировалось всегда под воздействием полиэтнической среды с момента его основания. Уделим внимание историческому аспекту и обратим внимание на тот факт, что первые официальные упоминания о пребывании представителей китайской культуры в Новониколаевке свидетельствуют о том, что «ввоз китайских рабочих собственно в Сибирь <...> в коммунальное хозяйство Новониколаевска и проч. – начался в 1915 году» [2, с.76]. Для многих китайских рабочих Сибирь становилась местом транзита на Урал и в центральную часть России, что естественным образом отражалось и на наименовании различных заведений. В историческом источнике «Весь Новониколаевск: адресно-справочная книга с краткой историей и планом города, 1924-1925 гг.» в результате выборки находим первые сведения о китайских наименованиях, которые функционировали в лингвистическом ландшафте города [2, с.28]. Это были наименования прачечных «Сун Фу», «Уй лу» или «Шанхайская прачешная» (рис.1, 2, 3). В тексте справочника содержится информация на русском языке, указаны адреса прачечных, определены функциональные возможности данных заведений.

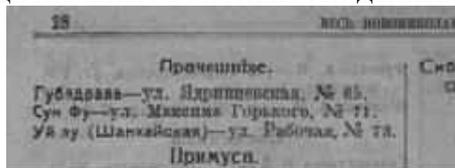

Рис. 1. «Прачешные» (1924-1925 гг.)

Рис. 2. «Прачешная Сун-Фу» (1924-1925 гг.)

Рис. 3. «Шанхайская прачешная / Уй лу» (1924-1925 гг.)

Элементы китайской эргономической лексики в региональной культуре Новосибирска начали формироваться ещё в начале XX века. В этом отношении деятельность любой культуры, в том числе и региональной, универсальна и представляет интерес для учёных. Она реально существует в действиях, которые в зависимости от условий совершаются определенными способами, где под условиями традиционно понимается природный, социальный, лингвистический, исторический ландшафт, на котором разворачивается та или иная деятельность, а также создаются людьми отдельные предметы – артефакты культуры, впитавшие деятельность прежних поколений. Так, в рамках региональной культуры само название города Новосибирск на китайском языке будет писаться как «新 西伯利亚 – xīnxībólià», где речь идет о составляющих ряда иероглифов. В данной ситуации «新 – xīn» имеет значение «новый», дальше речь идёт о «西伯利亚 – xībólià» – используется метод фонетического заимствования, что в переводе означает «Сибирь» [9, с.311].

Наличие китайской эргономической лексики указывает на присутствие представителей данной лингвокультуры в Новосибирске. Сформированная база китайских эргонимов содержит следующие наименования предприятий ресторанного бизнеса: «Кухня Ли 厨房李» – наименование китайского бистро; «MAO 毛夕厅» – наименование ресторана традиционной китайской кухни; «Shifu 粤» – наименование бара и еды, «Sinlun 兴隆» – наименование ресторана традиционной китайской кухни; «DAO 道» – наименование ресторана традиционной китайской кухни и др.

В качестве примера репрезентируем содержательную часть вывески китайского бистро «Кухня Ли – 厨房李» (рис.4).

Рис. 4. Вывеска «Кухня ЛИ»»

Вывеска «Кухня ЛИ» представлена в городском пространстве Новосибирска на русском языке, далее над дверью китайская надпись «厨房李». В традициях оформления китайских вывесок «кроме верхней части, задействованы также и боковые стороны входа»

[16, с.115]. В нашем примере «Кухня Ли»: первая часть текста – «厨房»(*chúfáng*)), где речь идёт про «кухню; камбуз» [1]. Далее идёт вторая часть, которая содержит описание – «厨房» и дополнена иероглифом «李», вместе образуют «厨房李» (*chúfánglǐ*) – буквально «чифанная Ли». В лексикографическом источнике сказано, что иероглифическая надпись «李» (*lǐ*) – понимается в первом значении как «слива (дерево)», «слива (как плод)» и ботанический термин «слива китайская (*Prunus saticina* Lindl)». Во втором значении – это имя собственное Ли как «фамилия» [1]. Предположительно «китайская традиционная культура подчеркивает важность общности, так как в атмосфере традиционной культуры фамилия, обозначающая принадлежность к определенному роду, или семейству, должна находиться в самом начале, а имя, которое является проявлением индивидуальности, должно обязательно располагаться после фамилии» [17, с.65]. Обратим внимание и на культурную составляющую эргонима, где речь идет о сливе. Общеизвестно, что слива является символом зимы в Китае, так как один из её сортов мейхуа цветет именно в это время года. Отсюда слива выступает как символ силы, мужества, выносливости китайского народа, символ выносливости в сибирском городе.

В рамках данного эргонима следует обратить внимание на значение слова *чифанная* – «厨房李» (*chúfánglǐ*) – «чифанная Ли». Первоначально слово *чифань* использовалось в региолекте Дальнего Востока. В своих работах Михайлюкова Н. В. поясняет, что «особенно сильное влияние на функционирование русского языка в данном регионе оказывает близкое соседство и многовековые контакты с Китаем, что отражается в следующих регионализмах: ... *чифан* (еда), *чифанить* (есть), *чифанька* (кафе китайской кухни)» [12, с.797]. На данный момент это слово функционирует и в других регионах в значении «китайское кафе, ресторан».

Представленный эргоним отражает: традиционное написание иероглифического письма; содержит информацию о символе китайской лингвокультуры – сливе; указывает на традиционное употребление имени собственного в наименовании предприятий ресторанного бизнеса.

Следующий фрагмент – это текст вывески китайской кухни «Янцзы» – «扬子» (*yángzǐ*)). Вывеска размещена на русском языке, но написание букв стилизовано под иероглифическое письмо (рис.5).

Рис. 5. Вывеска «Янцзы»

Лексема «Янцзы» – «扬子 (*yángzǐ*)», сокращение от слова Янцзыцзян «扬子江» (*yángzǐjiāng*) – название самой длинной реки в Евразии. У носителей китайского языка данная номинация вызывает определенные вопросы. Основная причина в том, что им известно: наименование реки в Китае – «Чанцзян» 长江 (*chángjiāng*). Уделяя внимание гидронимам, отметим, что «когда китайские ученые встречают название реки Янцзы в иностранной литературе, все они очень хорошо знают, что река Янцзы относится к реке Чанцзян в Китае, но в китайской литературе река Янцзы и река Чанцзян представляют собой два разных географических названия. Река Чанцзян относится к названию всей реки,

а река Янцзы – только к части реки Чанцзян» [19, с. 248]. Автор также поясняет, что значение китайского иероглифа 江 («Цзян») «относится исключительно к реке Чанцзян, а сейчас используется как общий термин для крупных рек» [19, с. 247].

Эргоним «Янцзы» – «扬子 (yángzǐ)» в контексте лингвистического ландшафта Новосибирска указывает на элемент китайской культуры в городском пространстве; раскрывает отдельно информацию о гидрониме, где название предприятия ресторанного бизнеса «Янцзы» / «扬子 (yángzǐ)» обозначает наименование реки. В наименовании вывески содержится метафорический образ «движение реки в сибирском городе».

Представленные вывески имеют и традиционные китайские цвета – красный и желтый. Как известно, красный цвет в Китае символизирует радость и успех; желтый отражает богатство. Нужно заметить, что у носителей китайской культуры возникают вопросы к различным вывескам: неправильное написание иероглифов, несоответствие переводу. В любом случае в каждом тексте вывесок содержание, оформление выполнено в рамках китайских традиций.

Заключение. Эргономическая лексика – это часть лингвистического ландшафта города, с момента его становления и до настоящего времени. По мнению ученых, лингвистический ландшафт – это та «сцена», на которой происходит общественная жизнь» [7, с.140]. Город выступает как текст – межкультурный, социальный, экономический; внутри этого текста взаимодействуют разные языки, символы. Представленные эргонимы указывают на интеграцию или своеобразный двусторонний процесс, который предполагает вовлечение представителей китайской лингвокультуры в городское пространство Новосибирска, и знакомство местного населения с особенностями китайских традиций. Всё это оказывает влияние на формирование региональной культуры, где китайские слова становятся частью лингвистического ландшафта сибирского города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dabkrs.com> (дата обращения: 01.11.2023).
2. Весь Новониколаевск: адресно-справочная книга с краткой историей и планом города, 1924 - 1925. – Новониколаевск : Сибирское отделение Российского телеграфного агентства, 1925. – 298с.
3. Цзян И. Рекламные вывески на русском языке в приграничном Китае: лингвистический аспект / И. Цзян, Е. А. Оглезнева. – Томск: Томский государственный архитектурно-строительный университет, 2019. – 320.
4. Баранова В.В. Регулирование языкового ландшафта в российских городах: многоязычие и неравенство / В.В. Баранова, К.С. Фёдорова // Журнал исследований социальной политики. – 2020. – Т.18, № 4. – С.625-640.
5. Голикова Т.А. Методология лингволандшафтных исследований в России: аналитико-тематический обзор / Т.А. Голикова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2020 – №.4. – с. 149-166.
6. Дубинина М.Н. Китайский компонент в лингвистическом ландшафте культурно-исторической части Коломны / М. Н. Дубинина, Д. А. Колодяжная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 1213-1217.
7. Исагилова А. Р. Эргонимы как средства визуализации лингвистического ландшафта города / А.Р.Исагилова // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Казан. федерал. ун-т, 2015. – С. 139–143
8. Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации / А.В. Кирилина // Вестник ТвГУ. Серия Филология. – 2013. – №14. Выпуск 5. – С.159-167.
9. Киселевич, Я. Е. Особенности перевода иноязычных имён собственных на китайский язык / Я. Е. Киселевич // Язык и культура: Сборник статей XXIX Международной научной конференции,

Томск, 16–18 октября 2018 года / Ответственный редактор С.К. Гураль. Том Часть 2. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. – С. 308-312.

10. Лю Л. Сопоставление структурных свойств языкового ландшафтов в Китае и России / Л. Лю, Ю.Пи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. –2022. – №1. – с. 171-177.

11. Мань Ш. Стратегии названия магазинов в Китае и России / Ш. Мань // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Т. 5, № 1. – С. 64-76.

12. Михайлюкова Н.В. Лексические особенности дальневосточного региолекта / Н.В. Михайлюкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Том 15. Выпуск 3. – С. 795-799.

13. Петрова, Т. И. Отражение русско-китайского взаимодействия в текстах городских вывесок (на материале языка Владивостока) / Т. И. Петрова, Н. В. Михайлюкова, В. И. Петрова // Коммуникативные исследования. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 152-169.

14. Пешкова Н.П. Анализ лингвистического ландшафта города как интегративный метод исследования вербального сознания и состояния языка городского социума / Н. П. Пешкова // Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика. – Уфа: РИЦ БашГУ. – 2016. – С. 53–58.

15. Сизых М.М. Лингвокультурный образ Китая в иркутской эргонимии / М.М. Сизых // Филологический аспект. – 2017. – №5 (25). – С. 96-102.

16. Сперанская А.Н. Как читать городские названия в Китае: иероглиф, цифра, буква / А.Н. Сперанская // Коммуникативные исследования. –2019. – Т. 6. № 1. – с.112-134.

17. Сяо К. Имя собственное как основная единица ономастического пространства в русском и китайском языках / К. Сяо // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. – 2020. – № 3 (105). – С. 65-67.

18. Федорова Л. Л. Языковой ландшафт: город и толпа / Л.Л. Фёдорова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 6: Журналистика. – С. 70-80

19. Юньфэй Ч. Варианты гидронима Янцзы на русских и китайских картах // Ч. Юньфэй // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2021. – Т.2, №10. – С. 245-250.

Поступила в редакцию 14.11. 2023 г.

LINGUISTIC LANDSCAPE OF NOVOSIBIRSK AS SOURCE OF REGIONAL CULTURE FORMATION (BASED ON CHINESE ERGONYMIC VOCABULARY)

N.A. Lihanova

The paper deals with a study of Novosibirsk regional culture formation. The focus is made on the linguistic landscape of urban space. The material for observation was the Russian-Chinese ergonomic vocabulary, which functions in the «urban text». On the one hand, a diachronic aspect is revealed in the examples of ergonyms indicating the presence and occupations of the Chinese in Novonikolaevsk, which was the original name of Novosibirsk. On the other hand, a modern look at the linguistic landscape of Novosibirsk enables to state that Chinese ergonyms function actively in the city, pointing out to the city residents' interest in Chinese culture, and in the presence of the Chinese population on the territory of the multi-ethnic region. The complex linguistic and extralinguistic analysis of the ergonomic vocabulary has been made, with Russian and Chinese components in the text of signboards being paid a special attention to. The observations made in the course of the signboards analysis enabled to identify the Chinese ergonomic vocabulary as part of the linguistic landscape formation, and as part of the city regional culture. The study takes into account a content analysis of the features of hieroglyphic writing; as well as the culture, history, and symbols of China in the Siberian city.

Key words: regional linguoculture, linguistic landscape, ergonyms, signboards, diachronic aspect, synchronous aspect, Russian-Chinese characteristics of the text

Лиханова Надежда Анатольевна.

Кандидат филологических наук.

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет».

Доцент кафедры филологии.

E-mail: nadezh-l@yandex.ru

Lihanova Nadezhda Anatol'evna .

Candidate of Philology.

Novosibirsk State Technical University.

Associate Professor at Department of Philology.

E-mail: nadezh-l@yandex.ru

УДК 81'23:81'373

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНО ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПЕРЕСЕЧЕНИЙ РЕГИОНАЛИЗМОВ
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ С ДРУГИМИ РЕГИОНАМИ)**

© 2023 *И.В. Матвеева*

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»

В работе рассматривается вопрос пересечения регионально окрашенной лексики на территории различных регионов, исследуются вопросы характерности регионализмов в различных ареалах их распространения, рассматриваются понятия «широкий» и «узкий» регионализм на примере регионально окрашенной лексики Новосибирской области. Актуальность исследования обусловлена необходимостью детального изучения регионально окрашенной лексики, уточнения ареалов ее распространения с помощью современных технологий, а также отсутствием полноценных исследований по данной теме. В процессе исследования применялись различные методы и приемы: описательно-аналитический (при сборе и анализе теоретического материала по региональному варьированию языка, классификации и обобщении полученных результатов), сравнительно-сопоставительный (при выявлении лексических регионализмов и их дифференциации), количественно-статистический (для количественного анализа полученных данных). В качестве итогов можно рассматривать представление проанализированных данных о пересечении лексики на территории регионов Западной Сибири, выявление необходимости учета коэффициента характерности слов для конкретного региона, актуализацию термина «широкий» регионализм и деление его на подтипы: кросс-региональный и межобластной регионализм.

Ключевые слова: региолект, регионализм, словарь региональной лексики, регионально окрашенная лексика, региональная лексикография.

Изучение функционирования языка в различных регионах продолжается на протяжении многих лет, и старые научные термины заменяются новыми, чтобы лучше отражать современные реалии. Особенная для конкретных регионов лексика становится объектом лингвистических исследований, привлекая внимание не только ученых-лингвистов, но и местных жителей, использующих эту лексику. Некоторые области и регионы уже давно подвергаются анализу с точки зрения их специфики. Исследователи собирают материал у носителей языка, проживающих в конкретных регионах, исследуют художественную литературу и публицистику, классифицируют собранный материал, выявляют особенности в использовании регионализмов и фиксируют их в лексикографических изданиях, указывая на фонетические и грамматические особенности. В большинстве случаев результаты исследования дают актуальное представление о региональной лексике, однако вопрос о том, насколько слова, имеющие региональную окраску в нескольких регионах, могут считаться регионализмами, остается открытым. Может ли лексема потерять свой статус регионализма, если она известна и употребляется в нескольких регионах? Существует необходимость выяснить, насколько активно слова, отнесенные к регионализмам, встречаются на территории разных регионов, и как они там интерпретируются. Исследование нескольких регионов одновременно представляет собой сложный процесс из-за необходимости обработки большого объема информации. В современных условиях, когда доступны средства искусственного интеллекта для анализа больших данных, можно попытаться ответить на вопросы о степени пересечения региональной лексики в соседних регионах и о характере их употребления. Научная новизна работы состоит в том, что в данном исследовании предпринимается попытка анализа подобных

пересечений на материале регионально окрашенной лексики Новосибирской области – регионе с третьим по численности населения областным центром России.

Цель исследования: на основе имеющихся данных сделать выводы об особенностях пересечения регионально окрашенной лексики Новосибирской области и других регионов России.

Для достижения указанных выше целей исследования следует выполнить следующие задачи:

- Провести обзор и анализ существующей теоретической базы, связанной с исследованиями региональной лексики.

- Рассмотреть концепции понятий «широкого» и «узкого» регионализмов на примере регионально окрашенной лексики Новосибирской области

- Идентифицировать и описать пересекающиеся элементы в региональной лексике разных регионов, делая выводы о степени их совпадения и характерности употребления лексем в том или ином регионе

Материалом для работы послужили: электронный словарь региональной лексики, составленный с помощью исследования Яндекс (3871 лексем, URL: <https://yastatic.net/s3/milab/2021/local-words/data/RussianLocalWordsDataset.zip>, дата обращения 26.09.2023); электронный словарь «Языки русских городов» (1217 лексем URL: <https://web.archive.org/web/20120705132446/http://community.lingvo.ru/goroda/dictionary.asp>, дата обращения 30.09.2023).

Теоретическую базу исследования составляют работы в области лингвистической регионалистики, а именно работа А.С. Герда (2001), в которой описана часть используемой терминологии (региолект); концептуальные вопросы регионального варьирования и причины возникновения такого явления представлены в работах Е.В. Ерофеевой (2006, 2020), работы В.И. Беликова (2004, 2005, 2016, 2021, 2023) представляют собой исследования функционирования регионализмов в словарях и в интернете, также в них описаны возможности первых инструментов сети интернет, позволяющих осуществлять исследования характерности лексем для того или иного региона. Теоретические аспекты исследования региолекта и функционирования регионализмов на примере дальневосточного региолекта отражают работы Е.А. Оглезневой (2008, 2013, 2019), теоретические обоснования использования сети интернет в работе с регионально ограниченной лексикой рассмотрены в работах Г.И. Романий (2014) и М.В. Ахметовой (2014).

Вопрос о природе регионально окрашенных языковых явлений многократно обсуждался в лингвистических кругах, однако до сих пор не был разрешен окончательно. Одновременно с этим сегодня никто не оспаривает факт, что русский язык, как средство общения для широкой группы людей, проживающих на обширной территории, подвергается воздействию как территориальных, так и социальных факторов, приводящих к разнообразию его использования. Изучение этого языкового разнообразия продолжает развиваться на протяжении многих лет, и традиционные лингвистические термины больше не способны полностью охватить новые аспекты этого процесса. В результате возникают новые концепции, которые стремятся детально описать уникальные языковые особенности каждого конкретного региона. Одним из таких терминов является «региолект», предложенный петербургским лингвистом В.И. Трубинским и активно использованный А.С. Гердом. Этот термин отражает особенности региональной городской речи, а не только сельской, связанной с диалектами и полудиалектами [9].

Региональная специфика может проявляться на разных уровнях языка: целесообразно говорить о фонетических, грамматических и собственно лексических регионализмах.

На региональную специфику в фонетике, грамматике, лексике указывает Е.А. Оглезнева [17, с. 31–32]. Наиболее активно на сегодняшний день изучаются лексические регионализмы, под которыми мы понимаем лексические и фразеологические единицы языка, бытующие на определенных территориях. Большая часть исследований сосредоточена на анализе лексических региональных особенностей конкретного региона и создании словарей, описывающих их. Один из ключевых вопросов, который заслуживает внимания в исследованиях, посвященных региональной лексике, – это вопрос о том, можно ли считать слово лексическим регионализмом, если оно используется не только в одном регионе, но также и в нескольких других. Использование одного и того же лексического элемента с тем же значением в нескольких регионах может вызвать сомнения относительно его статуса как регионально ограниченного. С целью разграничения регионализмов, имеющих широкий охват, и тех, которые характерны только для одного или нескольких соседних регионов, исследователями были предприняты попытки выделения «узких» регионализмов (часто известных только в одном регионе) и «широких» регионализмов (известных в нескольких регионах). Например, М.А. Бородина определяет различие между узкими и широкими регионализмами так: «Узкие регионализмы – это слова, которые используются только в определенном регионе, в то время как широкие регионализмы имеют более широкое распространение. ...Для русской истории, равно как и для истории народов СССР, узкий регионализм, замыкающийся рамками какого-либо одного региона, не является характерным явлением. В истории народов СССР господствует сочетание развития местных традиций (resp. языков, диалектов) с обще- и межнациональными тенденциями развития. Именно поэтому у нас отсутствует ярко выраженный регионализм, который наблюдается в современной Франции» [8, с. 35]. Таким образом, использование определенного слова только в одном регионе не является обязательным условием для определения его как регионализма. Это мнение разделяют и другие исследователи, включая И.С. Зварыкину: «...Важным является то, насколько характерна та или иная реалья для данного региона, насколько активно жители региона используют этот регионализм, насколько они воспринимают ту или иную единицу как «свою», свойственную своему региону. Иными словами, регионализм должен являться частью региональной культуры» [14, с. 31]. В итоге, основным критерием для выделения регионализмов является ограниченная сфера их использования, независимо от количества регионов, в которых они употребляются. «Региолекты возникают в результате стирания диалектных различий, на фоне миграционного перенесения языковых фактов из одного региона в другой, влияния литературного языка и т.д., и это мотивирует возможность употребления одного и того же слова не в одном, а в нескольких региолектах, но не на всей территории распространения русского языка [10, с. 45]. В данном исследовании мы сосредоточимся на вопросе определения границ использования регионализмов и наличия пересечений в региолектах на примере регионально окрашенной лексики Новосибирской области. Новосибирская область – территория позднего заселения, поэтому, в отличие от территорий раннего заселения, где основные лексемы, составляющие местный региолект, привнесены в него из диалектов, причины формирования регионального словника Новосибирской области довольно широки: это и влияние жаргонов, и варьирование самой языковой системы, и влияние местных реалий.

Изучение лексических особенностей отдельных регионов началось достаточно давно, но глобальный исследовательский поиск и анализ регионализмов в разных частях России начался с запуска онлайн-словаря «Языки Русских Городов». Этот электронный словарь был разработан с 2005 года при участии социолингвистов и обычных граждан под руководством известного ученого В.И. Беликова. Каждое слово, включенное в этот словарь, считается характерным для определенного города, региона или области. Чтобы слово попало в этот проект, оно должно было быть не просто типичным для общего использования, но и быть характерным именно для конкретной местности.

Технологические ограничения в 2005 году не позволяли провести полноценный анализ, поэтому сбор слов проводился в значительной степени вручную. В процессе составления словаря участники форума предлагали свои варианты, которые затем проверялись профессиональными редакторами с использованием региональных СМИ и архивов Яндекс.Блогов. Это привело к созданию уникальной базы данных, включающей несколько тысяч региональных слов с высоким уровнем цитирования в региональных СМИ и социальных сетях, что позволяет сделать вывод о глобальной природе лингвистического разнообразия в нормативном уровне языка. Опубликованный словарь «Языки Русских Городов» представляет собой значительное достижение в этой работе. В словаре «Языки Русских Городов» на момент его закрытия для добавления новых слов было представлено 1217 регионализмов и более 5000 слов находилось на обсуждении на форуме. Введение автоматизированных технологий предполагало начало новой эпохи в изучении региональной лексики, но идеологи этого словаря признают важность роли лингвиста и утверждают, что автоматизация не может полностью заменить его труд. Поэтому вопрос о максимальном охвате и скорости исследований при автоматизации всегда сопряжен с компромиссом по качеству [2, с. 80].

В настоящее время интернет-технологии и их возможности существенно способствуют исследованиям в области лингвистики, особенно в изучении лингвистических особенностей конкретных регионов, благодаря точному и оперативному анализу доступной информации. По мнению Г.В. Романий, интернет имеет ряд важных преимуществ для лексикологических исследований регионализмов:

1) охват различных форм языка, как территориальных, так и стилистических;

2) богатые поисковые возможности, позволяющие производить показательные выборки примеров различной территориальной и стилистической принадлежности, ограничивать область поиска (например, искать лексемы определенной тематики на тематических сайтах, искать в заданном регионе или в заданном языковом регистре – в архивах публицистики, художественной литературы, блогах и т.п.), вести комбинированный поиск (искать определенные синтагмы/фразы, включающие релевантную лексему, или ее комбинации с ключевыми словами на заданном расстоянии, в пределах одного предложения и др.).

3) возможность датировать словоупотребление и извлекать сведения об авторе (место проживания, возраст, образование и др.) [19, с. 174].

Интернет как средство коммуникации носителей разных региолектов видится благоприятной средой для выявления региональных лексических особенностей, особенно если учитывать явление «неосознанного регионализма» (когда использующий в повседневной речи ту или иную лексему человек не осознает, что это слово может быть неизвестно в другом регионе) [5]. Один из инструментов для проверки ограниченности слов по региону с использованием поисковой системы Яндекс был впервые описан и использован В.И. Беликовым и М.В. Ахметовой. Инструмент состоит в том, что, введя любой поисковый запрос (лексему) в строку поиска Яндекс или в

дополнительный сервис Яндекс.Вордстат, возможно отследить частотность данного запроса по регионам поиска (см. [1], [3, 4, 6]). Таким образом, с помощью поиска слова в интернете можно очертить ареал его распространения.

В 2021 году технологии, разработанные компанией Яндекс, позволили провести обширное исследование в данной области и создать словарь регионально ограниченной лексики практически всех регионов России. Были взяты тексты публикаций и комментариев, которые появились в Яндекс.Дзене с января 2019 по апрель 2021 года (это включает в себя 15 миллионов публикаций, 217 миллионов комментариев и 11 миллиардов словоупотреблений, привнесенных 6 миллионами пользователей). Для каждого слова было определено, какая доля пользователей из определенного региона использовала его хотя бы один раз. Кроме того, был вычислен коэффициент, который отражает, насколько часто это слово употребляется в данном регионе в сравнении со средним уровнем использования во всех остальных регионах.

Затем для каждого региона был составлен список из 500 слов, которые имели коэффициент характерности не менее трех. Эти слова были подвергнуты ручному анализу совместно с лингвистами из Института русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук. Были исключены слова, которые использовали менее десяти человек в данном регионе. Также были удалены топонимы, названия организаций, фамилии, а также непристойные и оскорбительные выражения, а также обычные слова, которые попали в список из-за особенностей конкретного региона, например, связанных с его промышленной специализацией [15].

Таким образом, в настоящее время даже с использованием передовых технологий нельзя полностью заменить ручную работу лингвиста, который выполняет окончательный отбор слов. Несмотря на некоторые недочеты, создание такого словаря, в котором слова распределены по регионам, впервые позволило провести сравнительный анализ регионализмов и дать ответ на вопрос: насколько схожи слова в соседних регионах и существуют ли слова, которые употребляются только в одном из смежных регионов. В итоговой версии словаря на данный момент представлены 3831 регионализма. Самое большое количество регионализмов исследованием Яндекса выделено в Кемеровской области (150 лексем). В анализируемой нами Новосибирской области к регионализмам отнесены 84 лексем. Несмотря на то, что слово может являться регионализмом в нескольких регионах, такой показатель как характерность сможет проиллюстрировать, насколько это слово можно считать регионально ограниченным и специфичным именно для конкретного региона, а также сузить ареалы его распространения. Чем этот показатель выше, тем характернее это слово для конкретного региона (о методах подсчета характерности слова см выше).

Попробуем разобраться, какие пересечения имеют регионализмы на примере Новосибирской области (далее – НСО). Мы выбрали слова, имеющие коэффициент характерности в НСО выше 10, а также вычленили количество употребивших это слово пользователей. После этого мы узнали, в каких еще регионах эти лексем также отнесены к регионализмам и нашли коэффициент характерности в других регионах. Практически все лексем, имеющие высокий коэффициент характерности в Новосибирской области, употребляются также и в других регионах, чаще всего имея коэффициент характерности ниже. Но также можем наблюдать и следующую статистику: чем ниже коэффициент использования в Новосибирской области, тем выше он в других областях, см таблицу 1. На следующем этапе был осуществлен поиск выбранных лексем в словаре «Языки Русских городов» (далее – ЯРГ). Из 9 наиболее характерных слов НСО по исследованию Яндекса в словаре ЯРГ было только одно

слово – однёшка. В большинстве случаев слова имеют пересечения с регионами Западной Сибири, однако в некоторых случаях ареал распространения достаточно причудлив, например, помимо высокого коэффициента характерности в НСО слово «прилада», также распространено в Орловской области, а слово «жилмассив» имеет коэффициент 7 еще и в Хабаровском крае.

Считаем, что информация о характерности слова для региона представляется очень важной при обсуждении феномена регионализма, потому как именно этот фактор позволит доказать, что слова действительно наиболее характерно для какого-либо региона несмотря на то, что известно и употребляется в другом, имея в нем коэффициент ниже. Получение таких данных является сложной задачей и требует анализа большого количества данных и, возможно, проведения опроса с участием большого количества респондентов.

Таблица 1. Регионализмы с наибольшим коэффициентом характерности в НСО

Регионализм	Количество пользователей в НСО, употребивших слово хотя бы раз	Характерность слова для региона	Включенность в списки других регионов (первая цифра – количество пользователей, вторая – характерность слова)	Пометка в словаре «Языки Русских Городов»
задуряться	88	58.8781265	-	-
заяснять	121	37.1125413	Кемеровская область 23 17.9162574	-
однешка	178	21.7094161	Томская область 18 13.7119725 Кемеровская область 60 18.585041	Кемеровская обл., Новосибирск, Томск и др.
самоотделка	70	21.4282938	Белгородская область 12 14.1078809 Кемеровская область 19 14.7715914	-
жилмассив	241	20.5630532	Хабаровский край 19 7.03386937	-
откоряка	35	16.83551	-	-
отдыхаловка	29	14.4214952	-	-
прилада, прилад	74	12.3349779	Орловская область 19 24.6767621	-
Строжиться	69	11.9452685	Кемеровская область 31 13.6298995 Алтайский край 32 17.3716609 Томская область 18 19.4633961	-

В качестве следующей задачи нам необходимо было сравнить, присутствуют ли регионализмы, отнесенные к новосибирскому исследованию Яндекс, в словаре «Языки Русских Городов», и какие регионы функционирования указаны там, а также осуществить поиск по словарю, собранному Яндекс, с целью уточнения, к регионализмам каких регионов также отнесены эти лексемы. Проанализировав полученные данные, можно сделать вывод о том, что, зачастую, ареал функционирования лексем совпадает и в ЯРГ, и в исследовании Яндекса, но иногда тот

или другой источник указывает на более широкий ареал распространения. Важный вывод, который может быть сделан по итогам этого анализа заключается в том, что регионализмы и в одном, и в другом словаре крайне редко отнесены к 1-2 регионам, зачастую они имеют достаточно широкий ареал распространения, включающий в себя как соседние регионы, так и достаточно отдаленные, см. таблицу 2.

Таблица 2. Наличие регионализмов НСО в словаре ЯРГ и в исследовании Яндекс.

Регионализм Новосибирской области	Регионы распространения по данным ЯРГ	Регионы распространения по данным исследования Яндекс
верхонка	Сибирь, Дальний Восток	Томская область, Кемеровская область, Красноярский край, Иркутская область, Алтайский край
вехотка	Приуралье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Казахстан	Алтайский край, Пермский край, Томская область
гамонок	Оренбург, Челябинск, Рубцовск, Новосибирск, Красноярск, Ижевск, Омск	-
горошница	Урал, Западная и Центральная Сибирь	Омская область, Свердловская область, Томская область, Тюменская область
городушка (и)	Центральная Россия (Тула, Калуга, Воронеж, Липецк), Западная и Центральная Сибирь	Тульская область, Липецкая область, Калужская область,
дикозарый	Удмуртия, Башкирия, Урал, Сибирь	Пермский край, Удмуртская область, Свердловская область, Челябинская область
догоняшки	Красноярск, Новосибирск, Кузбасс	Томская область, Красноярский край, Кемеровская область, Иркутская область, Алтайский край
каралька	Курганская обл., Западная Сибирь	Кемеровская область, Омская область
куржак	Архангельская обл., Урал, Сибирь, Дальний Восток	Кемеровская область, Иркутская область, Алтайский край
мультифора	Алтай, Кузбасс, Томск, Новосибирск, Красноярск, Хакасия	Иркутская область, Кемеровская область, Красноярский край, Республика Хакасия, Томская область
однешка	Кемеровская обл., Новосибирск, Томск и др.	Томская область, Кемеровская область
полоротый	Вологодская обл., Новгородская обл., Архангельская обл., Киров, Ижевск, Пермский край, Свердловская обл., Сибирь	Вологодская область, Алтайский край, Кемеровская область

пышечная (пышка)	Петербург	Санкт-Петербург и Ленинградская область
углярка	Кемеровская обл., Новосибирская обл., Республика Алтай, Алтайский край, Красноярск, Казахстан	Кемеровская область, Алтайский край
хохоряшки	Сибирь, Дальний Восток	-
шурушки	Томск, Новосибирская обл.	Томская область

Очевиден тот факт, что чаще всего регионализмы совпадают в соседних регионах, поэтому мы осуществили более детальный анализ, используя данные по регионам, граничащих с Новосибирской области, чтобы ответить вопрос, насколько тесны эти пересечения.

С помощью сервиса для сравнения текстов Copyleks и сервисов Microsoft Excel удалось провести сравнительный анализ слов в четырех регионах, которые были выбраны для сравнения с Новосибирской областью: Омская, Томская, Кемеровская область и Алтайский край, как непосредственно граничащие с НСО.

По итогам анализа удалось выяснить, что 84 регионализма (из 567 во всех пяти регионах) имеют минимум одно совпадение с регионализмами соседних регионов, что является 17,3% от общего количества слов.

Данные по регионам представлены в таблице 3.

Таблица 3. Количество регионализмов, имеющих совпадения с другими регионами.

	Всего регионализмов по данным Яндекс исследования	Количество регионализмов, имеющих хотя бы одно совпадение с регионализмами других регионов	Процент совпавших регионализмов от их общего количества в регионе
Новосибирская область	84	48	40%
Омская область	51	21	34%
Томская область	83	35	29%
Кемеровская область	150	71	47%
Алтайский край	105	57	54%

Регионализмов, совпавших во всех пяти регионах, оказалось всего четыре (даны определения, представленные в словаре Яндекса):

- Расповаживать – избаловать, разбаловать;
- Лупень – определение в словаре отсутствует;
- Горошница – гороховая каша;
- Божничек (на божничку садить, ставить) – перевозносить.

В следующих таблицах 4 и 5 представлены регионализмы, совпавшие в четырех (16 лексем) и трех (17 лексем) регионах из пяти. Плюсами в таблицах обозначены регионы, в которых слово отнесено к регионализмам.

Таблица 4. Регионализмы, имеющие совпадения в четырех сибирских регионах

	Новосибирская область	Томская область	Омская область	Кемеровская область	Алтайский край
Верхонка	+	+		+	+
Догоняшка	+	+		+	+
Если и еслиф	+	+		+	+

Запашистый	+	+		+	+
Каралька	+		+	+	+
Мордушка	+		+	+	+
Мультифора	+	+		+	+
Огребаться	+	+		+	+
Перепираться	+		+	+	+
Попроведовать	+		+	+	+
Повдоль	+	+		+	+
Разновес	+	+		+	+
Строжиться	+	+		+	+
Халда	+	+		+	+
Шмутье	+		+	+	+
Фотать	+	+		+	+

Таблица 5. Регионализмы, имеющие совпадения в трех сибирских регионах

	Новосибирская область	Томская область	Омская область	Кемеровская область	Алтайский край
Толченка			+	+	+
Следик	+	+			+
Свешать		+		+	+
Пурхаться	+			+	+
Постряпать	+	+		+	
Полоротый	+			+	+
Пожиться	+		+	+	
Пимы		+		+	+
Околка	+		+		+
Однешка	+	+		+	
Насмеливаться	+			+	+
Матерка	+			+	+
Куржак	+			+	+
Движняк	+		+		+
Вехотка	+	+			+
Бухануть	+			+	+
Авторазбор			+	+	+

Как мы можем видеть, наименьшее количество общих совпадений имеет Омская область, что может быть связано с ее более удаленной позицией от остальных регионов. Наибольшее количество совпадений друг с другом имеют Новосибирская область, Кемеровская область и Алтайский край.

Таким образом, проанализировав базу актуальных исследований региональной лексики мы приходим к следующим выводам: принимая во внимание факт существования погрешностей и неточностей даже в исследованиях, где применяется искусственный интеллект и анализируется большое количество данных, мы в какой-то мере можем опираться на эти результаты, так как они основаны на обработке большого количества данных, что является весомым аргументом в пользу исследования. Однако проведение опроса респондентов сделает данное исследование более точным. Выявив наиболее характерные регионализмы НСО и проанализировав ареалы их распространения, можно сделать вывод о том, что чаще всего регионализмы пересекаются с соседними областями, но характерность этих слов в НСО может быть выше.

Выявив и описав существующие пересечения в регионально ограниченной лексике пяти регионов Западной Сибири и узнав, что количество хотя бы раз совпавших регионализмов в соседних пяти регионах равно 17,3% от всех исследуемых лексем, мы допускаем, что в реальной языковой среде он может быть еще больше, и

слова, которые зачастую неизвестны жителям других регионов, известны жителям соседних регионов, а различаться будет только процент характерности использования слова в регионе. Подводя итог анализа пересечений слов в соседних регионах Западной Сибири, в которых миграционные и коммуникационные процессы проходят очень плотно, а также исходя из принятия факта расширения коммуникаций через сеть интернет мы можем предположить, что понятие «узкий» регионализм теряет со временем свою актуальность, а «широкий» регионализм в эпоху развития межрегиональных связей становится основным видом регионально окрашенной лексики. Исходя из результатов исследования, мы предполагаем, что понятие «широкий» регионализм может быть также разделено на подтипы: «широкий» регионализм кросс-регионального характера – распространенный на территории большого количества регионов, в том числе и удаленных друг от друга, и «широкий» регионализм межобластного характера, который имеет распространение, например, только в соседних друг с другом областях, зачастую объединённых в один регион (Сибирь, Урал, Дальний Восток и так далее). К перспективам данного исследования можно отнести дальнейшее выявление пересечений в использовании регионализмов на территории страны, более точное выявление ареалов их распространения, детальное описание выявляемых пересечений и привлечение большего количества информантов. Практическое применение данного исследования может состоять в уточнении регионального словника конкретных регионов и лексикографировании регионализмов с целью использования в образовательной, научной и культурной деятельности регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахметова М.В. Лексические регионализмы и локализмы в русскоязычном Интернете / М.В. Ахметова // Русский язык и новые технологии / сост. Г.Ч. Гусейнов ; под ред.: М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – С. 155–171.
2. Беликов В.И. Корпусная региональная лексикография: принципы, методы и предварительные результаты / В.И. Беликов, А.О. Дубяга, Л.Ю. Рванова, В.П. Селегей // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». – Вып. 20. – Москва: РГГУ, 2021. – С. 79–94.
3. Беликов В.И. Регионализация русской орфоэпической нормы и данные словарей / В.И. Беликов // Слово и словарь. – Vocabulumetvocabulary : сб. науч. тр. по лексикографии. – Гродно :Изд-во Гроднен. гос. ун-т им. Янки Купалы, 2005. – С. 54–59.
4. Беликов В.И. Yandex как лексикографический инструмент / В.И. Беликов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. междунар. конф. Диалог'2004. – Москва : Наука, 2004. – С. 39–46.
5. Беликов В.И. О словарях региональной лексики : вступительное слово // Ливинская И.В. Словарь региональной лексики и народных топонимов города Новосибирска / И.В. Ливинская, А.И. Матвеев. – 2-е стер. изд. – Новосибирск : Свиньин и сыновья, 2016. – С. 16–26.
6. Беликов В.И. Региональные варианты русского языка и традиционные сельские диалекты / В.И. Беликов // Региональные варианты национального языка : материалы всероссийской (с междунар. участием) науч. конф. / науч. ред. А.П. Майоров. – Улан-Удэ :Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. – С. 81–83.
7. Беликов В.И. Избранные статьи / В.И. Беликов // Ред.-сост. С. Г. Татевосов. – М., 2023. – 522 с.
8. Бородина М.А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) / М.А. Бородина // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 29–38.
9. Герд А.С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» / А.С. Герд // Русский язык сегодня. – Москва : Наука, 2001. – Вып. 1. – С. 45–52.
10. Донецкий региолект : монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой [и др.] ; под ред. В.И. Теркулова. – Донецк : Изд-во Фолиант, 2018. – 265 с.
11. Ерофеева Е.В. Региолект как промежуточный идиом / Е.В. Ерофеева // ...Слово отзовется: Памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного. – Пермь, Изд-во Перм.гос. ун-та, 2006. – С. 222–226.

12. Ерофеева Е.В. Социальное варьирование в региолекте / Е.В. Ерофеева, Т.И. Ерофеева // Филологические заметки. – 2020. – Т. 1, № 18. – С. 301–313.
13. Ерофеева Т.И. Локальные элементы в литературной речи горожан / Т.И. Ерофеева, Ф.Л. Скитова // Языковой облик уральского города. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1990. – С. 15–22.
14. Зварыкина И.С. К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края) / И.С. Зварыкина // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 2 (46). – С. 30–36.
15. Исследования Яндекса – Местные слова. 6 июня 2021. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://yandex.ru/company/researches/2021/local-words> (дата обращения: 25.09.2023).
16. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования / Е.А. Оглезнева // Русский язык в научном освещении. – 2008. – Вып. 16. – С. 119–136.
17. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского национального языка: к вопросу о его формировании и специфике / Е.А. Оглезнева // Региональные варианты национального языка : материалы всероссийской (с междунар. участием) науч. конф. / науч. ред. А.П. Майоров. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. – С. 81–83.
18. Оглезнева Е.А. Региональные заимствования как идентификаторы региолектов / Е.А. Оглезнева // Язык в различных сферах коммуникации: материалы III междунар. науч. конф. – Чита: Изд-во Забайкал. гос. ун-та, 2019. – С. 142–145.
19. Романий Г.И. Региональная городская лексика в русском языке: происхождение, типология и ареализация по данным узуса в сети интернет / Г.И. Романий // Русский язык и новые технологии / сост. Г.Ч. Гусейнов ; под ред.: М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014 – С. 171–189.
20. Языки Русских Городов: словарь. – Москва: АBBYY, 2006. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20120705132446/http://community.lingvo.ru/goroda/dictionary.asp> (дата обращения: 25.09.2023).

Поступила в редакцию 01.11.2023 г.

**PROBLEMS IN INTERSECTION OF REGIONALIZED VOCABULARY
(ON THE EXAMPLE OF NOVOSIBIRSK REGION REGIONALISMS' INTERSECTION WITH
REGIONALISMS IN OTHER REGIONS)**

I.V. Matveeva

The paper considers the issue of intersection of regionalized vocabulary on the territory of different regions. Characteristic features of regionalisms in different areas of their distribution are considered, as well as the concepts of a "broad" and a "narrow" regionalism on the example of regionalized vocabulary in Novosibirsk region. The relevance of the study is determined by the need for a detailed study of regionalized vocabulary, clarification of its distribution areas by means of modern technologies, as well as by the lack of full-fledged studies on this topic. Various methods and techniques were used in the research process: descriptive-analytical (for collecting and analysing theoretical material on regional variation of language, classification and generalisation of the results obtained), comparative-contrastive (for identifying lexical regionalisms and their differentiation), quantitative-statistical (for quantitative analysis of the data obtained). In the course of the analysis the author presented the data on the intersection of the vocabulary on the territory of Western Siberia, on the necessity of taking into account the word regionality coefficient for a particular region, on the actualisation of the term "broad" regionalism and its division into the cross-regional and interregional subtypes.

Key words: regiolect, regionalism, regional dictionary, regionalized vocabulary, regional lexicography.

Матвеева Ирина Владимировна.

Кандидат филологических наук.
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
технический университет».
Старший преподаватель кафедры филологии.
E-mail: irina.matveeval@mail.ru

Matveeva Irina Vladimirovna.

Candidate of Philology.
Novosibirsk State Technical University.
Senior lecturer of Philology Department.
E-mail: irina.matveeval@mail.ru

УДК 81'373.2

О РОЛИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ПРАВОВОГО СМЫСЛА СОБСТВЕННЫХ ИМЁН В РЕГИОНАЛЬНОЙ ОНОМАСТИКЕ

© 2023 В.И. Мозговой

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье описываются причины фонетико-графических и орфографических ошибок в региональной ономастике. Доказывается правомочность межъязыковой эквивалентности в макротопонимии (рус. *Россия* > нем. *Russland* = англ. *Russia*; нем. *Deutschland* > рус. *Германия* = укр. *Німеччина*), но незаконность вариативности онимной лексики в родственных культурах при нарушении её смысловых соответствий (*Горловка* ≠ укр. *Горлівка* – основатели города разные; город *Углегорск* – связан с горной промышленностью ≠ укр. *Вуглегірськ* – связан с горами). Подвергаются анализу проблемные случаи передачи собственных имён Донбасса, которые формировались преимущественно в ситуации русско-украинского билингвизма. Формулируются рекомендации по устранению ошибок, связанных с непрофессиональным подходом к функционированию онимосферы в контактных языках.

Ключевые слова: ономастика, макротопонимия, межъязыковая эквивалентность, региональная онимия, закон соответствия.

Введение. Региональная онимия – одна из наиболее обширных, но и наиболее уязвимых пластов национальной онимосферы. Она требует, с одной стороны, более точной передачи каждого из входящих в её пространство собственных имён (СИ), но с другой, не всегда достигает этой цели, сталкиваясь с неконтролируемой массой лежащих в их основе речевых вариантов, пришедших из любого языка и его исторических срезов, не всегда понятных для номинаторов.

В этом противоречивом контексте онимная составляющая постепенно «отходит» от своей социальной сущности на второй план и начинает зависеть от субъективных толкований имён теми, кто их регистрирует. После этого любая, даже ошибочная номинация, получает право на официальное статуйрование в качестве СИ, которое чиновники связывают со словами, написанными с прописной буквы. Большинство поэтому, опираясь на «авторитет» регистраторов, считает, что чем больше возвышающихся над текстом так называемых «больших букв», тем значимее объект номинации и тем уважительнее отношение общества к конкретной персоне:

– Президент компании «Индустриальный Союз Донбасса» (Индустриальный союз Донбасса);

– Глава администрации города Горловка (глава администрации города Горловка);

– Центр Донецкой Словесности ДонГУ (Центр донецкой словесности);

– кафедра «Горная электромеханика» ДонНТУ (кафедра горной электромеханики);

– Должностная инструкция «Главного бухгалтера» ДОНАУИГС (Донецкая академия управления и государственной службы) и т. п.

Высшим проявлением подобного дилетантизма является паспорт гражданина Российской Федерации, где все сведения о его владельце записываются исключительно прописными буквами.

Основная часть. В сегодняшней «вольной» практике функционирования СИ всё настойчивее звучит вывод о том, что «...понятие нормы в лингвистике не имеет достаточно чёткого научного определения и употребляется в разных значениях» [8, с. 3].

Это ярко подтверждает постоянно изменяющаяся номинативная база региональной ономастики, которая в отличие от онимии мирового звучания с устоявшимися вариантами **межъязыковой эквивалентности** (тиб. ཇོ་མོ་གླང་མ = англ. *Mount Everest* > рус. *Джомолунгма* // *Эверест*; рус. *Россия* > нем. *Russland* = англ. *Russia*; ит. *Roma* = нем. *Rom* = англ. *Rome* > рус. *Рим*), всё жёстче зависит от «вкусов» местных управленческих элит, игнорирующих **соответствие** одних национально-языковых форм другим.

Неустойчивость норм передачи имён и названий становится опасной для судеб онимного пространства РФ, но более всего Донбасса, онимофонд которого формировался в условиях русско-украинского билингвизма и приспособления к нему более ста национальностей¹, каждая из которых вносила свой вклад в общую культуру края,² не реагирующей на постоянно изменяющиеся во времени межъязыковые трансформации:

– греч. *Ак Таи* «белый камень» > *Белая Каменка* (русская семантическая калька) [9, с. 35] изменяет происхождение названия;

– греч. *асту* «путь» > *Асту завод страта* «дорога в Завод», т. е. в Юзовку (румейско-славянский гибрид) [9, с. 23];

– рус. *Горловка* > укр. *Горлівка* (некорректное украинское «прочтение», которое изменяет фамилию основателя города);

– *Красный Молочник* > укр. *Червоний Молочар* («перевод», который регистрирует разные посёлки);

– *Снежное* > *Снёжное* (перенос ударения превращает «город» в «снежное место»);

– *Чернухино* (от «черни», бежавшей от крепостничества) > укр. *Чорнухіне* («чёрное» поселение);

– греч. *Ени Сала* «село» > *Янисоль* > рус. *Большой Янисоль* > рус. *Великая Новосёлка* > укр. *Велика Новосілка* (греко-русско-украинские гибриды) [9, с. 44];

– греч. *Каракоба* «чёрная пещера» > *Каракуб* > *Раздольное* [9, с. 38] (крымскотатарско-русские параллели) [9, с. 38]

– рус. *Панкратов* > *Понкратов* (псевдограмотность);

– рус. *Сборщик* > *Зборщик* (украинизация русской фамилии);

– рус. *Наталья* > *Наталия* (украинизованная форма имени);

– рус. *Юрьевна* > *Юриевна* (русская форма заменена на псевдоукраинскую);

– *Осипенко* > *Осипенков* (изменяется род потомков обладателя фамилии);

– *Чернышióв* > *Чёрнышев* (смена акцента изменяет фамилию собственника);

– *Антонов* (от *Антон*) > *Винтонив* (от *Винтин* ?);

– *Илющенко* (от имени *Илля*) > *Ильющенко* (от имени *Илья*);

– *Пападопулос* (греч. «сын священника») – *Попов* (преобразованная фамилия);

– укр. *Горобець* > рус. *Горобцов* (русско-украинский гибрид);

– греч. *тарама* «балка» > *Антошка Тарама* – «...гибридное русско-урумское название» [9, с. 20] и др.

¹ «Где ещё, в каком уголке земли на столь небольшой территории вы сразу могли бы прикоснуться к греческой и татарской культурам, побывать поочерёдно в еврейском местечке, немецкой колонии, русском селе, казачьей станице, оказаться среди цыган или в гостеприимной украинской хате» [1, с. 101].

² «Здесь сегодня проживают украинцы и русские, белорусы и евреи, греки и татары, турки и гагаузы, болгары и молдаване, грузины и армяне, азербайджанцы, немцы, урумы, волохи, поляки и многие, многие другие, волею судеб оказавшиеся втянутыми в освоение степного края. Переплетение и сосуществование в пределах одной территории на протяжении нескольких веков разных по возрасту религий и культур многочисленных народов превратило Донбасс в уникальн полигон будущего, которому А.Блок дал меткое определение «новой Америки» [4, с. 10].

Употребления, демонстрирующие так называемые «нормы перевода» или гибридизации, при их перенесении из разговорно-метафорической стихии в официальный контекст разрушали первичную онимную реальность, её социальную значимость и неприкосновенность. Однако категорическое запрещение гибридизации и перевода, если они достигают уровня исторически сложившегося узуса, вряд ли оправдано.

Совсем другое дело, если речь идёт о современности. Ошибки при изменении номинативной информации можно и нужно исправлять, если они разрушают смысл, заложенный *в разных разрядах онимной лексики*, выделяемых в зависимости от уровня их социальной значимости:

1. Топонимы, функционирующие в мировом контексте. Адекватность их употреблений достигается *полным переводом* всех компонентов на все языки, исходя из необходимости *эквивалентной передачи* информации об объектах *всемирной собственности*, возможной при соответствии её языковой формализации социальным условиям презентации, а именно:

а) если объекты связаны с явлениями всемирной географии, культуры, экономики, истории или хозяйственной деятельности:

– рус. *Красное море* = укр. *Червоне море* = англ. *Red Sea*;

– рус. *Северный Ледовитый океан* = укр. *Північний Льодовитий океан* = англ. *Arctic Ocean*;

– англ. *UNO, United Nations Organization* = рус. *ООН, Организация Объединенных Наций* = укр. *ООН, Організація Об'єднаних Націй*;

– рус. *Красная Армия* = укр. *Червона Армія* = англ. *Red Army*;

– рус. *СССР, Союз Советских Социалистических Республик* = укр. *СРСР, Союз Радянських Соціалістичних Республік* = англ. *USSR, Union of Soviet Socialist Republics*;

– рус. *Великая Отечественная война* = укр. *Велика Вітчизняна війна* = англ. *(the) Great Patriotic War*;

– рус. *роман М.А. Шолохова «Тихий Дон»* = англ. *Quiet Flows the Don*;

– рус. *кинофильм «Доживем до понедельника»* = укр. *«Доживемо до понеділка»*;

б) если речь идёт об объектах со скрытой международной значимостью, которая затрагивает интересы потенциально возможных потребителей:

– рус. *Южный автовокзал* = укр. *Південний автовокзал* = англ. *Southern bus station* (информация о направлении движения автобусов);

– рус. *Магазин нужных вещей «Тащи всё в дом!» (Донецк)* = укр. *Магазин потрібних речей «Тягни все додому!»* (реклама, имеющая маркетинговый смысл для всех, кто ею интересуется) и т. п.;

в) если объекты подвергаются мемориализации, которая определяется грамматической структурой СИ в форме родительного падежа с домысленным словом «имени» в совокупности с внеязыковой информацией о знаковых лицах, фактах, событиях, датах:

– пр-г *<имени> Освобождения Донбасса* = укр. *Визволення Донбасу* = англ. *Donbass Liberation Avenue*;

– рус. *бульв. <имени> Шахтостроителей* = укр. *Шахтобудівельників* = англ. *Minebuilder Boulevard* (в честь шахтостроителей Донбасса);

– рус. *ул. <имени> 8 Сентября* = укр. *вул. 8 Вересня* = англ. *September 8th Street* (дата связана с Днём освобождения Донбасса);

г) если же СИ функционирует вне этих условий (отсутствует возможность употребления Р.п. со словом «имени»), его уникальный графический код передаётся на другие языки при помощи транслитерации: рус. *м-н Северный* // укр. *Северний* // англ.

Severnnyy; рус. ул. *Сентябрьская* // укр. *Сентябрьська* // англ. *Sentyabrskaya*; рус. шахта Южнодонбасская // укр. Южнодонбаська // англ. *Yuzhnodonbasskaya*).

2. Топонимы, функционирующие в межнациональном контексте. Для них актуален *эквивалентный перевод отдельных компонентов*, которые передают информацию о собственнике в близкородственном, но лексически неоднозначном национально-языковом контексте:

– рус. ул. *Горная* = укр. *Гірнична* (связана с горной промышленностью Донецка) ≠ *Гірська* (иначе она будет связана с горами в Карпатах);

рус. ул. *Речная* = укр. *Річна* (связана с рекой в Донецке), но не *Річкова* (тогда она находится в украиноговорящей части Украины) и тем более не *Річна* (с точки зрения украинца, она приобретает в этом случае значение *рік* «год»);

– рус. *Константинополь* – город в Донбассе с преимущественно грекоговорящим населением (от гр. *πολις* «*полис*»), который назван в честь римского императора *Константина* = укр. *Константинополь* ≠ *Костянтинівіль* (тогда это «поле Костянтина», зарегистрированная тем не менее как официальная в Украине); но при этом рус. г. *Доброполье* = укр. *Добропілля*, поскольку этой формой регистрируется «доброе поле», славянское по происхождению).

3. Антропонимы и микротопонимы, выделяющие уникального собственника при помощи исключительно языковых средств родственных языков, функционирующих в общем региональном поле. Такие СИ *не подлежат переводу*, но опираются на *фонетико-графические соответствия* контактных языков для понимания внеязыкового смысла, заложенного в структуре формально разных вариантов одного именовании:

– рус. *Василий, Анна, Филипп* // укр. *Василій, Єлизавета, Анна, Філіп* (и нельзя *Василь, Ганна, Пилип*);

– рус. ул. *Октябрьская* // укр. *Октябрьська* (и нельзя *Жовтнева*, т. к. связь с *Октябрём* утрачена);

– рус. *Геннадий* // укр. *Геннадій*, бел. *Геннадий* ≠ *Генадзь*;

– рус. *Григорий* // укр. *Григорій* // бел. *Грыгорий* ≠ *Григор*;

– рус. *Дмитрий* // укр. *Дмитрій* // бел. *Дмітрій* ≠ *Дмитро* или *Зміцер*;

– рус. ул. *Сентябрьская* // укр. *Сентябрьська* ≠ *Вереснева*;

– рус. м-н «Южный» // укр. «Южний» ≠ *Південний* (информация о «юге» метафорична);

– рус. пр. *25-летия РККА, ЮБК* // укр. пр. *25-річчя РККА, ЮБК* ≠ *РСЧА, ПБК* (значение аббревиатур о *Рабоче-Крестьянской Красной Армии* или *Южном берегу Крыма* утрачено);

– рус. *такси «СССР»* // укр. *таксі «СССР»* ≠ *таксі «СРСР»*.

Последний разряд СИ наиболее проблемный с точки зрения разнонациональной онимии, функционирующей на одной территории. Обладая индивидуально-национальной значимостью, региональные СИ *отрицают перевод*, но обяны *учитывать системную структуру* языка-рецептора. Поэтому, чтобы пресечь политику внедрения норм их «национальной исключительности», необходимо знать *фонетико-графические системы* взаимодействующих языков, функционирующих в реальной ситуации русско-украинского билингвизма (для региональных и муниципальных органов управления это обязательное условие).

Фонетическая система

Современное русское произношение характеризуется полной или частичной редукцией гласных безударных звуков и контекстуальным оглушением звонких согласных, что подтверждается специфическим ударением:

1. **Русское ударение полифункционально.** Оно, в отличие от тонового украинского, тоновое, силовое и количественное одновременно, что сказывается на нормах правописания собственных имён в родственных языках, формирующихся в разных условиях:

А, Если в украинском языке звуки произносятся полностью, это обеспечивает им простоту письменной фиксации по принципу «произносим и пишем»: [генáдїйович] > *Геннадїйович*, [безсо́ноў] > *Безсонов*, [петрако́ў] > *Петраков*, ([натáлія] > *Натáлія*);

Б. Если в русском языке звуки «слышны» только под ударением, а согласные – перед гласными, сонорными или звонкими, то в безударном положении, в конце слова или перед глухими («слабая» позиция), они изменяют своё качество и количество: [г'инад'йивьч] > *Геннадьевич* (а не *Геннадиевич*); [б'иссо́ньф] > *Бессонов* (а не *Безсонов*); [п'ьт'рАко́ф] > *Петраков*; [нАта́л'йь] > *Натáлья* (а не *Наталия*).

В. Специфичность ударений по-разному сказывается на нормах русской и украинской орфографии:

а) на написании безударных гласных (в русском языке оно проверяется ударением), и согласных, произношение которых зависит от позиции в слове, например:

– *Геннадьевич*, а не *Гиннадьевич* потому что [гéны] (двойное **-нн-** при этом появляется на стыке морфем *ген-* и *-надежда*);

– *Петраков*, а не *Питракоф*, потому что *Пётр* и *Петракова*;

б) на написании приставок: в украинском языке при полном произношении всех звуков в морфемах *без-*, *воз-*, *роз-*, *через-* их оглушение невозможно (*Безвесільна* и *Безталáнный*, *Роздайбїда* и *Розтикáй*);

в) в русском языке эти же приставки подвергаются оглушению в слабой позиции: *Безрóдный*, но *Бессо́нов*; *Раздо́льное*, но *Рассы́пная*; *Сбо́рщик* без вариантов, потому что приставки *з-* в русском языке нет, а написание *Безсонов*, *Зборщик*, *Розсы́пная* невозможно.

2. **Русское и украинское ударение подвижное** (нефиксированное), но в сочетании с разностью их качественных характеристик орфографические нормы в двух языках неодинаковы:

А. Окончания прилагательных в украинском языке независимо от ударения лишены вариативности (укр. написание *Малїй* и *Мáлий* одинаково), но в русском языке в этом же контексте под ударением будет звучать и писаться *-ой* (*Мало́й*), а без ударения *-ый* (*Мáлый*);

Б. В русском языке после шипящих и [ц] в суффиксах прилагательных, наречий и существительных под ударением и звучит, и пишется «о» (*Чернышо́в*, *Гольцо́в*) или «ё» [’о] после мягкого [ч’] (*Лихачё́в*, *Пугачё́в*, *Сычё́вка*), а без ударения – «е» (*Мáлышев*, *По́стышев*). В то же время в украинском языке, поскольку звук [ч] всегда твёрдый, в безударном положении появляется суффикс *-ев*, а правописание зависит исключительно от произношения (*Чернышо́в*, *Гольцо́в*, *Лихачо́в*, *Пугачо́в*, *Сычо́вка* с «о», а *Мáлышев*, *По́стышев* с «е»);

Таким образом, изменение паспортными службами суффикса *-ов-* на *-ев-* в русских фамилиях недопустимо – ударение автоматически переносится на первый слог и изменяет, таким образом, фамилии, например, *Чернышо́в*, *Гольцо́в* на *Чёрнышев* и *Гóльцев*.

Графическая система и алфавит

Алфавит большинства европейских языков определяется как система букв, передающих звуки. И поэтому, если в русской и украинской письменной речи графика букв практически одинакова (в их основе кириллическое письмо), кажется,

что и алфавиты одинаковы. Но если обратить внимание не на их графику, а на функции букв, то можно прийти к выводу, что в русском и украинском языках они принципиально разные:

1. Русский алфавит полифункционален, так как каждая из его букв выполняет несколько функций, например:

А. Буква «е» передаёт звуки [‘е] (*Дементьев*), [э] (*Цехов*) и [й’е] (*Енакиев* и даже *Йемен* для иноязычных СИ);

Б. Буква «ё» звучит как [‘о] (*Зелёный Гай*) и [йо] (*Соловьёв*). Не случайно поэтому в иноязычной онимии её звучание передаётся буквосочетанием «**ьо**», как правило, для СИ из романских языков (*Мальорка, кроманьонец*) и «**йо**», как правило, для онимов из германских языков (*Йоркшир, Йоганнесбург, Майорск, Йошкар-Ола*);

В. Буква «и» передаёт звуки [и] (*Именинникова*), [й’и] (*м-н Соловьина Роща*) и [ы] (*Шитиков, Анциферов*);

Г. Буква «э» (э-оборотное) как зеркальное отражение буквы «е» фиксирует «чужую» реальность, в которой передаётся звук «э»:

а) в начале слова (*Элеонора, Эмма, Эзоп, Элизабет*);

б) после гласного (*Ноэль, Габриэль*) и в конце слова по произношению (*Улан-Удэ, Бодуэн де Куртенэ, Смокинэ София*);

в) исключение составляют:

– СИ, в которых оберегают первичную графику знаковых фамилий: дат. *Jespersen* – рус. *Отто Харри Есперсен*; др.-греч. *Εὐκλείδης* – рус. *Евклид* (но: *эвклидова геометрия*);

– иностранные СИ, которые вписались в русский контекст: *Белла; магазин «Карате»*, но *мэр, нэр, сэр* (слова в русском языке есть, но понятий нет).

Д. Мягкий знак, обладающий рекордной «полифункциональностью»:

а) он является показателем мягкости:

– *пгт Гольмовский, Мальков*;

б) он выполняет грамматическую роль:

– указывает на второе лицо или повелительное наклонение глагола: *Видишь Ольга, кафе «Ешь-Бургер»*;

– он определяет женский род 3-го склонения имени существительного: *кафе Печь*);

– он является показателем наречий или частиц: *телешоу «Точь-в-точь», Лишь для тебя кафе «Версаль»*;

в) фиксирует раздельное произношение перед «я», «ю», «е», «ё», «и» [йи] в составе корня: *Дьяков, Дементьев, Воробьёвы горы, Дом отдыха «Соловьинный Остров»*; но при разделительном твёрдом произношении на стыке морфем мягкий знак заменяется твёрдым: *Семейный ресторан «Съешь меня»*.

2. Украинский алфавит монофункционален, поэтому для грамотности в большинстве случаев достаточно знать функции каждой из букв:

а) «е» служит для передачи одного звука [э] (*Денник, Белла, Торез, Мукачеве, Едем*), но исключение составляют СИ русского происхождения, в основах которых пишется «е» на месте украинского [і]: *Мешков* от украинского «мішок», *Белгород* от украинского «білий» и т. п.;

б) «є» – буква, графически состоящая из двух элементов («с + чёрточка «-» посередине) и передаёт звучание двух звуков: *Є[й’е]вген, Є[й’е]мельянов, Є[й’е]иськ, Пир’є[й’е]в*;

в) буквосочетание «ьо» служит для передачи звука [о] после мягкого согласного: *Дьомін, Ковальов*;

г) буквосочетание «*йо*» передаёт два звука: *Соловійов, Йолкіно*;

д) буква «*і*» с одной точкой передаёт один звук (*Гловайськ, Мінводи, Нікіфоров*, но: *пр-т Титова* [ы] от украинского аналога имени *Тит* со звуком [ы]);

е) буква «*ї*» с двумя точками передаёт звучание двух звуков [й'и] (*Солов'їна Роща, Їжакевич* (скорее всего, и в русском языке *Йижакевич* от *їжак*, а не ошибочное *Ижакевич*);

ж) буква «*и*», которая является аналогом звука [ы]. Употребляется на месте русской буквы [и], как правило, в открытом слоге (*Чи[ы]стополь*), в приставке *при-* (*При[ы]морськ*) и суффиксах *-ик-, -ич-, -иц-, -ищ-*, т. к. в украинском языке нет суффиксов *-ік-, -іч-, -іц-, -іщ-* (*Біли[ы]к, Узли[ы]ч, Смоли[ы]цька, Митиш[ы]щі* а не *при-* (*Пріморськ*), поскольку последняя имеет значение русской приставки *про-* (*пріва*, т. е. *прóпасть*);

з) мягкий знак «*ь*» в украинском языке передаёт исключительно мягкость предыдущего согласного (*Дьяков*), поэтому в названиях с твёрдым отдельным произношением его заменяет *апо́строф* (*Прокоф'єв, Лук'янченко, Без'язикий*); в русском же правописании в этих случаях употребляется разделительный мягкий знак после согласных звуков (*Дьяков*), и разделительный твёрдый знак на стыке морфем (*Безъязыкий*).

Вариативность русского произношения

О вариативности, преобразующей один тип номинации в другой, так или иначе заявляли известные ономатологи ещё со второй половине XX века. По мнению, например, Ю.А. Карпенко, топонимы, кроме исторических вариантов, «имеют, как правило, и существующие одновременно синхронические варианты...», подобные вариантам фонем, каждая из которых соотносится с её «основным видом» как с эталоном, который «...значительно отличается от вариантности нарицательных названий...» [2, с. 17].

В связи с этим, утверждает В.А. Никонов, одинаковое написание и происхождение вариантов собственных имён может нивелироваться разным ударением. «Если в нарицательных именах ударение чаще всего определяется свойствами системы, принимающей эти слова, то в собственных именах их ударение чаще следует системе, их породившей. Нормы произношения складываются, таким образом, под непосредственным влиянием не только ударения», но и звуковой формы заимствованных собственных имён [3, с. 27–31].

1. Акцетонимов, под которыми следует понимать особенности ударения собственного имени, с помощью которого различаются:

а) имена собственные и нарицательные: укр. *ковáль* (рус. *кузнец*) – фамилия *Ковáль*; *сніжний перевал – город Снежнóе* (ДНР); *пескі – пос. Пёски* (г. Донецк);

б) национально-канонические варианты: *Пётрович* (сербская фамилия) – *Петрóвич* (русское отчество); *Иváнов* (болгарин) – *Иванóв* (русский); *Пёсков* (болгарин) – *Пескóв* (русский); *Богдáнович* (отчество) – *Богданóвич* (фамилия); *Арéст* (имя) – *Арéстович* (отчество, сохраняющее имя отца *Арéст*) – *Арестóвич* (фамилия); *Степáн* (имя) – *Стéпан* (фамилия); *Алексéевич* (от *Алексéй*) – *Алэксиевич* (от *Алэксий*); *Маріна* (личное имя) – *Мáрина Елена* (фамилия);

в) двусложные фамилии от языческих прозвищ на *-ко* (*Швáчко, Сёмко, Вáлко, Крáсько*), в которых ударение переносится с корня на окончание *-о* (украинские фамилии) или суффикс *-ов* (русские фамилии *Швачкóв, Семкóв, Краськóв*):

г) склонение фамилий на *-ко* и *-ов*: укр. *Швачкó, Семкó, Краськó* (в Р.п. для мужских фамилий в украинском произношении *Швачкá, Семкá, Краськá*, а в русском без изменения); рус. *Швачкóв, Семкóв, Краськóв* (в Р.п. для мужских фамилий в русском произношении *Швачкóва, Семкóва, Краськóва*);

д) адъективные фамилии от личных или нарицательных имён, в которых ударение переносится на суффикс: *Степа́н, Бори́с, Пили́п, ды́ба, во́рон* > *Степа́нэ́нко, Бори́сэ́нко, Ды́бэ́нко, Воро́нэ́нко, Пили́пэ́нко* и *Степа́нэ́нков, Бори́сэ́нков, Ды́бэ́нков, Воро́нэ́нков, Пили́пэ́нков*.

2. Фононимы, под которыми мы будем понимать звук и его буквенные трактовки в родственных алфавитах, с помощью которых передаётся правовой смысл СИ и устанавливаются нормы его передачи в межъязыковом онимном пространстве:

а) г. *Александрия*, несмотря на то, что он находится в Кировоградской области Украины, не может превратиться в *Олександрію*, поскольку исторически он связан с именем великого князя *Александра*; однако огромное количество *Александровок* в Донбассе могут фиксироваться как рус. *Александровка* // укр. *Александрівка*, если речь идёт об *Александрэ*, и как укр. *Олександрівка* // рус. *Александровка*, если речь идёт об основателе села по имени *Олександр*;

б) мягкие губные звуки [б'], [в'], [м'], [п'] не могут изменяться в украинском языке, если они превращаются в фононимы, передающие информацию о русских «собственниках» (рус. *Мясоедов, Вячеслав, Вялов, Бязов, Вязьма, Пятаков* – укр. *Мясоедов, Вячеслав, Вялов, Пятаков, Бязов, Вязьма*); но их твёрдое произношение в украинском языке передаётся апострофом, если речь идёт об украинской проприальной культуре: *Пом'яловський, В'ячеслав* и т. п. (см. об этом подробнее: [5]).

Заключение. Специфика норм в региональной ономастике является проблемой исключительной важности, поскольку правовая природа СИ после её субъективно-языковых трансформаций в речевой практике переносится местными управленческими элитами, имеющими власть над номинацией, в официальную сферу, слабо представляющую последствия изменения социального смысла онимной культуры [6]. В первую очередь это касается региональных фонетико-буквенных онимных соответствий, нарушение которых превращает процесс регистрации именованных в непредсказуемые манипуляции. Они, как правило, представляются безобидной процедурой в ситуации близкородственного кириллического алфавита и русско-украинского билингвизма. Между тем, если взаимодействующие формы собственных имён разрушают информацию об объекте, то кажущиеся несущественными изменения их фонетики и графики наносят непоправимый вред всей системе именованного, сосуществующей в мировой, межнациональной или региональной парадигме [7]. В научный и практический оборот рекомендуется поэтому ввести понятия *акцентонима, фононима, графонима* и *морфонима* как межъязыковых единиц онимной лексики, с помощью которых осуществлялась бы адекватная идентификация собственного имени по его принадлежности к конкретной национально-онимной культуре [5], например:

а) акцентоним: имя *Серафѐм* (личное имя) > *Серафѐмович* (отчество) > *Серафѐмович* (фамилия); *Бахму́тка* (река) > *Ба́хмут* (первая русская крепость, а затем город на территории Дикого поля, а далее Донбасса); *Богда́н* // *Бо́гдан* (как правило, личные имена разных по национальности собственников) > *Богда́нович* // *Бо́гданович* (отчество) > *Богдано́вич* (фамилия); *Бори́с* (личное имя) > *Бо́рис* (фамилия); болгарин *Ива́нов*, но русский *Ивано́в*; *Балашио́в*, но *Ба́лашев* (изменение ударения изменяет графику антропонима и наоборот: изменение графики приводит к разрушению первичной фамилии);

б) фононим: *Калинкин* > укр. *Кали́нкін*, а не *Калинкін* (речь идёт о фамилии, а не о калине), но рус. *Кали́новая балка* > укр. *Кали[ы]но́ва балка* (речь идёт о калине);

а) графоним: и рус., и укр. *Одесса* от греч. *odessos* «путь, дорога к морю», а не официально зарегистрированное в украинском языке *Одеса*;

г) морфоним: рус. Толстой, Крамской, но Чепурный (а не Чепурной), поскольку в украинской проприальной культуре у прилагательных м. р. окончание только *-ий* (укр. Чепурний > рус. Чепурный), а в русской – только *-ой* (рус. Толстой, Крамской > укр. Толстой, Крамськой).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гармаш Л.Н. К вопросу о религиозных конфессиях на территории Донецкой области / Л.Н. Гармаш // Літопис Донбасу: Краєзнавчий збірник. Випуск II. Ювілейний. – Донецьк: Донбас, 1994. – С. 101–104.
2. Карпенко Ю.А. Проблема вариантов в топонимике / Ю.А. Карпенко // Тезисы докл. и сообщ. Всесоюзной конф. по топонимике СССР (28.І.–2.ІІ. 1965 г.). – Л., 1965. – С. 17–20.
3. Никонов В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 280 с.
4. Мозговой В.И. Там, где было Дикое поле.: очерки истории Донецкого края / В.И. Мозговой, В.Г. Ляшенко / под общей ред. В.И. Мозгового. – Донецк: Кардинал, 2001. – 336 с.
5. Мозговий В. І. Фононіми, мороніми, графоніми, або методика передачі власних назв засобами спорідненої мови / В.І. Мозговий // Функціональна лінгвістика: сб. научн. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; научн. ред. А.Н. Рудяков. – № 1. – Том 2. – Симферополь, 2010. – С. 102–104.
6. Мозговой В.И. Формирование языковой и ономастической нормы в условиях природной вариативности национального языка / В.И. Мозговой // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. Научный журнал. – № 1. – Донецк: ДонНУ, 2018. – С. 15–20.
7. Мозговой В.И. Правовой принцип классификации собственных имен и его роль в сохранении онимосферы / В.И. Мозговой // Социолінгвістика. – 2022. – № 3 (11). – М.: ФГБУН Институт языкознания РАН. – С. 54–71.
8. Ономастика и норма. Сб. статей. – М. Наука, 1976. – 256 с.
9. Отин Е.С. Топонимия приазовских греков (историко-этимологический словарь географических названий: Изд. втор., исправ. и допол. / Е.С. Отин. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2002. – 212 с.

Поступила в редакцию 27.11.2023 г.

ON THE ROLE OF INTERLANGUAGE CORRESPONDENCES IN TRANSMITTING LEGAL MEANING OF PROPER NAMES IN REGIONAL ONOMASTICS

V.I. Mozgovoy

The article addresses the causes of phonetic-graphic and spelling errors in regional onomastics. The author proves the validity of interlanguage equivalence in macrotoponymy (Rus. Russia > Germ. Russland = Eng. Russia; Germ. Deutschland > Rus. Germany = Ukr. Nimechchina), and points out to the illegal nature of the variability of the onymic vocabulary in cognate cultures when its semantic correspondences are violated (Rus. Gorlovka ≠ Ukr. Gorlivka – the founders of the city are different; the city of Uglegorsk is associated with the mining industry ≠ Ukr. Vuglegirsk – connected with mountains). The problematic cases of the transfer of proper names of Donbass, which were formed mainly in the situation of Russian-Ukrainian bilingualism, are analyzed. Recommendations as to the elimination of errors associated with an unprofessional approach to the functioning of the contact languages onymosphere are formulated.

Key words: onomastics, macrotoponymy, interlanguage equivalence, regional onymy, law of correspondence.

Мозговой Владимир Иванович.

Кандидат филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет».
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: mowi48@mail.ru

Mozgovi Vladimir Ivanovich.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk State University.
Associate Professor of the Russian Language
Department.
E-mail: mowi48@mail.ru

УДК 81'22

**ГОРОДСКОЕ КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО:
ВЕРБАЛЬНАЯ И НЕВЕРБАЛЬНАЯ АСПЕКТАЦИЯ**

© 2023 С.С. Полежаева

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»

В работе рассматриваются архитектурные объекты города Тирасполя и их номинации как тексты культуры, невербально и вербально выражающие социокультурную информацию, отражающие ее ценностный компонент. Актуальность в рамках лингвокультурологических исследований определила направление изучения материала: в эволюции представления городских памятников, скульптурных композиций, мемориальных досок как семиотических знаков различных эпох. Методы, приемы исследования: анализ и синтез, методы культурологической интерпретации и лингвокультурологического моделирования (фреймирование). Типология интерпретаторов региональной культурно-коммуникативной информации профилирует в интерпретации современных горожан поликодовый характер текстов культуры как открытой системы. Тираспольские памятники как иконические знаки меморативного кода, представляющие образ человека, объединены в типологию по параметру «есть наименование образа / нет наименования образа». Обосновывается представление Тирасполя как текста культуры в виде динамической, «пульсирующей» организации ценностно-смысловых доминант, выстраиваемых в обществе исторически с учетом системы координат внеязыкового и языкового характера, но при зафиксированных «вневременных» понятиях: «многонациональность», «ментальная принадлежность к Русскому миру». Разработанная модель обозначенного городского пространства – это гипертекст с символическими индексами, трансляторами национально-культурного наследия многонационального приднестровского народа.

Ключевые слова: текст, код культуры, интерпретация, семиотика, лингвокультурология, прецедентный текст, памятник, коммуникативность, семиотика, символ, индекс, Тирасполь, Приднестровье.

Введение. Актуализация культурного и языкового материала в рамках современных социологических и лингвокультурологических исследований объектов и языка городского пространства отражает интерес специалистов разных областей знания. Сегодня в научный оборот включены работы, раскрывающие транскультурный и междисциплинарный ракурсы изучения города в рамках урбанонимной лингвистики, и урбанонимной социологии, которые составили **концептуальную базу** настоящего исследования [15; 16; 19; 26; 27; 32]. К первым отнесем работы лингвистической (лингвокультурологической) направленности: В.И. Карасика, Т.В. Шмелевой, Т.П. Соколовой, М.В. Голомидовой, В.А. Романенко и В.Т. Мизернюк, А. Моради и др.), ко вторым – работы культурологической и социологической направленности: О.К. Трубицына, В.С. Кузнецова и Н.В. Кузнецовой, Н.Ф. Котленок, Н.А. Симбирцевой и др.). Кроме того, отметим работы географического характера, отражающие вопросы изучения лингвокраеведческого материала Приднестровья: А.В. Кривенко и Р.В. Симаченко, М. Кашлевой, В.М. Кишлярука, А.И. Еремии).

Многочисленные известные трактовки понятия «город» в целом могут быть сведены к следующему его определению: *город* – это «специфическая форма территориальной организации общества» [29, с. 77]. К специфическим его особенностям традиционно относят а) застройку (плотное скопление крупных, как правило, многоэтажных зданий), б) заселенность (плотное скопление большого числа жителей на относительно малой площади, отсюда – «вертикальный» город) и в) занятость населения – преимущественно несельскохозяйственной деятельностью [29, с. 77]. Вместе с тем, согласимся с О.К. Трубицыным, рассматриваемое понятие следует

«дополнить и уточнить», а именно: «представление о городе нужно ввести в культурно-исторический контекст» [29, с. 78]. Не ставя задачи дифференцировать признаки города и не-города, в данной статье сфокусируем свой взгляд на изучении показательных черт эволюции города Тирасполь в аспекте культурно-исторического представления его архитектурных объектов (памятников, скульптурных композиций, мемориальных досок) с **целью** описать особенности ментальности тираспольчан как части приднестровского сообщества, формируемой в исторической динамике с учетом фактора многонациональности. Этот квант знания на сегодняшний день, как представляется, не нашел еще полного отражения в науке. Реализация данной цели представляется возможной путем решения следующих **основных задач**: 1) описать обозначенные объекты как тексты культуры, служащие трансляторами национально-культурного и регионального наследия, 2) описать типы интерпретаторов региональных текстов культуры как открытой системы, 3) разработать лингвокультурологическую модель (фрейм) города Тирасполя как коммуникативного текста культуры (в части архитектурных объектов) и его траекторию эволюции с учетом динамики исторических процессов и многонациональности приднестровского общества. В работе использованы **аксиологический подход** (позволяющий «выявить содержательную сторону текста культуры через категорию «ценность /смысл» как его минимальную единицу» [27, с. 7]), **культурно-антропологический подход** (рассматривающий способность культуры кодировать ценностно-смысловую информацию и воплощать ее в знаково-символическую систему визуального восприятия) и др. Основными **методами исследования**, кроме анализа и синтеза, стали **метод культурологической интерпретации**, позволивший выделить механизмы трансляции ценностно-смыслового содержания текстов культуры, **метод фреймирования** (фрейм как формализованная модель для отображения образа) в рамках **лингвокультурологического моделирования** – метода «практического или теоретического опосредованного оперирования объектом, в ходе которого исследуется непосредственно не сам интересующий нас объект, а некая промежуточная вспомогательная система (естественная или искусственная)» [17]. Из данного определения следует, что в орбиту изучения города правомерно включается **язык** – «система знаков любой физической природы, служащая средством осуществления человеческого общения и мышления» [1], «передачи от поколения к поколению и хранения информации» [1], «система содержательных, знаковых форм, в которые *отливаются* (выделено нами. – С. П.) чувства, мысли, желания, потребности, состояния души человека и посредством которых в процессе коммуникации собирается, обобщается, хранится и воспроизводится опыт отдельного человека и общества в целом» [31]. Из приведенного комплекса определений термина *язык* акцентируем внимание на семантических компонентах ‘знаковая форма’, ‘передача от поколения к поколению’, ‘хранение информации’, ‘опыт отдельного человека и общества в целом’. Иными словами, усматривается связь с происхождением древнерусского слова *зык* – «звук» [30], отсюда – *зыкный, зычный, звонкий* (голос), т.е. **язык** – *я емь зык* (я есть орудие голоса) [18]. Таким образом, город представляет собой многомерный конструкт, который через комплекс знаков (вербальных и невербальных) выражает информацию, отражает ценностный компонент этой информации, является материальной формой, своеобразной «открытой капсулой пространства и времени», аккумулирующей культуру народа, в нем проживающего, а также народов, в нем проживавших ранее. Такое понимание позволяет сформулировать **два исходных**, воспринимаемых в единстве, **постулата** для данной статьи: 1) город – это культурно-

семиотическое пространство, трансляция смыслов которого осуществляется вербальными и невербальными средствами; 2) город – это коммуникативный текст, текст культуры, служащий транслятором национального-культурного и регионального наследия. **Актуальность** исследования определяется концептуально важными направлениями (когнитивным, лингвокультурологическим, коммуникативно-деятельностным) в изучении города и теми нерешенными пока еще в науке проблемами, которые выделяются специалистами. Так, в настоящей работе обратимся к не изученному еще всесторонне и глубоко лингвокультурологическому портрету городского пространства Тirasполя. Здесь автор продолжает развитие тех идей, которые получили отражение в исследованиях [5; 25].

Понимание ключевых терминов: код культуры – это совокупность знаков и их комбинаций историко-культурного периода, получившая вербальное и/или невербальное выражение в текстах культуры, обладающая интерпретативной устойчивостью в пространственно-временном континууме и сохраняющая коммуникативный потенциал на уровне личностного восприятия и социально-культурных практик [27, с. 318]; термин **«текст культуры»** подразумевает семиотическое понимание культуры, «акцентирующее существование множественности текстов в культуре и активную деятельность субъекта в процессе их кодирования / декодирования» [27, с. 14], это «особая форма представления знания о внешней действительности и передачи эмоционального восприятия объекта внешнего мира отправителем адресату» [14, с. 38]; **визуальный текст** – проявление в содержании текстов ценностей и смыслов на уровне визуального восприятия, это подсистема текста культуры, т.е. культурный текст.

Краткое описание наработанного в науке материала. В современных исследованиях текстов культуры главенствующим является вектор, направленный на интерпретацию явлений культуры в определенных историко-культурных контекстах. В орбиту изучения текста, имеющего коммуникативную природу, включаются такие параметры, как «контекст», «автор / адресант / отправитель», «реципиент / воспринимающий / интерпретатор» и др. При этом важно понимать неоднозначность терминов, например, «множественность позиций субъекта-интерпретатора современной культуры (ученый-исследователь, «обычный человек», педагог), что, в свою очередь, ведет к множественности интерпретаций-прочтений текста культуры» [27, с. 4].

Известно, что объекты городского пространства (их местоположение по отношению друг к другу, композиционное решение, физическое состояние (внешний облик) в конкретное историческое время, а также их номинация) служат индикаторами, несущими (невербально и вербально) определенную информацию жителям и гостям города. К таким объектам города относят ландшафтные топосы, архитектурные сооружения, памятники, некоторые учреждения, особо важные для активной деятельности служб города, и др. [26]. Они складываются в единую индексальную систему, сближающую этот город с другими (так называемые универсальные индексы, например, фонтаны, парки, скверы и др.), а также отличающую этот город от других (так называемые региональные индексы). Дешифровка этих индексов – культурных кодов («генератора смыслов», по Ю.М. Лотману) города – позволяет представить культурно-коммуникативный портрет города, в большой мере (если не главной!) создаваемый языковыми единицами – онимиами.

Изучение города Тirasполя в лингвокультурологическом направлении, в рамках когнитивной лингвистики, коммуникативистики активно проводится приднестровскими исследователями в последнее десятилетие: описание культурно-

коммуникативного портрета города Тирасполя как семиотического текста [26], представление урбанонимов города Тирасполя как онимов, функционирующих в полилингвистическом сообществе [25], исследование урбанонимов и ойконимов Приднестровья с семантической доминантой 'естественный водоем' [5], описание лингвокультурной информации о приднестровском регионе в интернет-коммуникации [16], представление моделирования социально-коммуникативной системы полиязычного сообщества [19] и др. Изучение города Тирасполя краеведами (географами) в Приднестровье ведется издавна [8; 10; 11; 15]. Исходя из этого считаем, что следует активизировать изучение лингвистической, а именно лингвокультурологической составляющей номинаций городского пространства Тирасполя не только в аспекте современного состояния его онимной организации, но и в исторической плоскости. В рамках данной статьи попытаемся углубить этот вопрос.

В работе А.В. Кривенко и Р.В. Симаченко представлен опыт изучения особенностей городских застроек города Тирасполя начиная с периода его возникновения как прикрепостного поселения – форштадта – в конце XVIII в. [15]. Изначально на левом берегу Днестра существовала крепость Срединная (Тираспольская) как оборонительное сооружение, противостоявшее Бендерской крепости, где в конце XVIII в. осели турки. По приказу Екатерины II крепость была воздвигнута как звено в целой цепи Днестровских крепостей, призванных очертить владения земли русской на отвоеванных у врага Очаковских землях и служить форпостом мира на южных землях России. Проект крепости Срединной был разработан нидерландским инженером, состоящим на службе у российской императрицы, Францем де Воланом, который вместе с русским полководцем А.В. Суворовым в 1792–1795 годах осуществлял строительство крепости и прилегающей к ней территории – форштадта, будущего города Тирасполь.

Основная часть. Постановка задачи. Будем исходить из понимания того, что городское пространство – это система открытого типа: «все участники этого процесса – территория города, его элементы, здания, люди – непрерывно меняются в пространстве и времени» [2. Цит. по: Кривенко 2010, с. 1]. При этом важно понимать, что содержание этой открытой системы «актуализируется в зависимости от времени прочтения и установок "читателя"» [27, с. 17]. **Базовый тезис исследования:** интерпретационный потенциал города Тирасполя как текста культуры – это динамическая, «пульсирующая» организация ценностно-смысловых доминант, выстраиваемых в обществе исторически с учетом системы координат внеязыкового (социальных, политических, экономических и иных) и языкового (номинационного, онимного) характера с фиксированной «вневременной» ценностно-смысловой доминантой, проявляемой в параметрах «многонациональность», «ментальная принадлежность к Русскому миру». **Гипотеза:** рассматриваемый в ракурсе исследования архитектурных объектов (памятников, скульптурных композиций, мемориальных досок), город Тирасполь на протяжении истории своего становления и развития представляет собой модель текста культуры, отражающий универсальные базовые (характерные, прежде всего, для русского мира) и региональные (характерные для многонационального Приднестровья) доминанты, интерпретируемые современниками как ценностно-смысловые, заложенные в ментальность приднестровского народа с момента основания города.

Метод решения и анализ результатов. Аккумулируя сведения по истории, географии и лингвистике, в междисциплинарном ключе представим ход исследования. Основываясь на предложенной приднестровскими исследователями-географами

А.В. Кривенко и Р.В. Симаченко периодизации застройки Тирасполя в разные временные срезы существования города, выделенные на базе ряда градоформирующих факторов (государственно-административного, географического и социально-экономического характера) [15], опишем специфику культурного и онимного сегмента городского пространства в части коммуникативного поля «архитектурные объекты» как тексты культуры.

1. Начальный период (конец XVIII в.). Период основания крепости Срединной (Тираспольской) и прикрепостного поселения при ней.

2. Дореволюционный (допромышленный). Охватывает XIX и начало XX в. до 1917 года.

3. МАССР. Период с 1917 до 1940 гг.

4. МССР. С 1940 по 1990 гг.

5. ПМР (современный, с 1990 г.) [15, с. 4].

1. Крепость Срединная. Сама крепость известна в трех названиях: *Ботна*, *Срединная*, *Тираспольская*. Исторически первым было название *Ботна* (*Ботнинская*) – это отгидронимный оним (так называется река, правый приток Днестра); *Срединная* – название по местоположению объекта: крепость занимала промежуточное положение на Днестровской укрепленной линии крепостей. Третье название – *Тираспольская* – дано по названию города Тирасполь, который был основан А.В. Суворовым в 1792 году, ср.: «У стен крепости Срединной возник город Тирасполь, построенный по указу Екатерины II», а также «27 января 1795 года поселение при крепости обрело статус города и получило наименование Тирасполь, от древнегреческого названия реки Днестр – *Τύρας* (Тирас)» [21]. Уже в конце XVIII в. Тирасполь стал уездным центром в Вознесенской губернии; к Тираспольскому уезду были приписаны города Одесса, Балта, Дубоссары, Григориополь, Овидиополь. Видно, что Екатериной II отводилась Тирасполю значимая роль форпоста на юге Российской империи. После окончания войны с турками императрице необходимо было продемонстрировать всему миру мощь и славу военного оружия, колоссальные планы освоения завоеванных у врага земель. Именно прославленный военачальник граф А.В. Суворов был тем лицом, который олицетворял эти замыслы Екатерины II: он был назначен главой руководства Тираспольской крепости и, как следствие, стал основателем города Тирасполь. Эта значимость фигуры А.В. Суворова символически отражена имплицитно – в «прочтении информации», профилируемой памятником великому полководцу, который находится в центре Тирасполя: восседая на коне, подняв вверх руку и приподнявшись в стременах, основатель города словно предостерегает врага от вторжения в эти земли. Такой семиотический текст – сам памятник – является невербальным символьным индексом города, который соотносится с кратким вербальным текстом «А.В. Суворову, основателю города, 1979», где год называет дату создания памятника. Подразумевается, что скупая надпись на памятнике любознательному горожанину или гостю столицы ПМР скажет о многом, ведь имя Суворова стало прецедентным.

Согласимся с Н.А. Симбирцевой: «Прочтение современным человеком текста культуры <...> требует навыков информационной и визуальной грамотности» [27, с. 10]. Обратим внимание на взаимосвязь двух коммуникативных личностей – отправителя /адресанта «информации» (т.е. скульптора / архитектора, который задумал создать памятник и написать на постаменте именно эту надпись) и получателя / интерпретатора этой «информации»: их объединяет восприятие объекта культуры (в данном случае памятника великому человеку, т.е. в материальной форме воплощена содержательно значимая для общества личность) как ценности. Показательно, что

первоначально памятник находился на месте образования самой крепости в Тирасполе (в современном облике города – по ул. Федько) и лишь через время был перемещен на центральную площадь, став осью формирования культурно-исторического наследия города: композиционно значимость памятника поддерживается комплексом скульптур знаковых для города исторических фигур: памятником Екатерине II, бюстом Франца де Волана, бюстом Г.А. Потемкина-Таврического (создателя армянской колонии на Днестре – города Григориополь), скульптурной композицией двух безымянных солдат-гренадеров. Все памятники, находящиеся по обе стороны центральной площади, объединяются композиционно ажурными металлическими арками, которые, как своеобразные входы в исторический портал, погружают посетителей в прошлое. Информативность и стилистический рисунок этих текстов городской культуры вполне понятны. Помимо вербальной и невербальной форм выражения они имеют еще и аксиологическую составляющую: отражают ценностную информацию, проецируя положительную оценочность, важность для сегодняшних горожан и их потомков.

2. Персонный код, неперсонный код «человек в истории города» и безымянный код. Описанные памятники выражают так называемый личностный, *персонный, код* города, это иконические знаки (означающее), означаемым которых являются образы конкретных людей, исторических личностей. Однако в Тирасполе есть ряд символических артефактов (объектов, сделанных руками человека), которые *не относятся к персонному коду, но реализуют смысл «человек в истории города»*. Это каменная скульптурная группа «Три молдаванина», прославляющая человека труда, занимающегося виноградарством, о чем говорят корзины с виноградом у двух женщин и кисть винограда в руках мужчины. Символично, что эта скульптурная группа находится при въезде в Тирасполь из села Суклея – той территории, из которой в историческом прошлом и зародился будущий город [26, с. 29].

К не имеющим официального названия относятся отдельные скульптуры, вырезанные (высеченные) из дерева. В Тирасполе сегодня известна серия деревянных скульптур под названием «Гренадеры русской армии». По замыслу скульптора Романа Садовникова, осуществляющего проект по изготовлению скульптур из старых деревьев, в разных концах города будут стоять деревянные солдаты петровского времени – гренадеры, воины, служившие в отборных частях пехоты и кавалерии, у которых было огнестрельное оружие и ручные гранаты (гренады). Первыми стали фигуры двух стоящих солдат, которые высечены из двух тополей, росших напротив друг друга. Местоположение фигур – вдоль центральной трассы города, где ездят машины, ходят пешеходы. Однако место, как нам представляется, выбрано скульптором неслучайно: это, собственно, та часть города, от которой немного южнее исторически располагалась сама крепость. Здесь стояли солдаты расквартированного в Тирасполе Житомирского полка. Сейчас этот район носит название «Бородинка» (раньше – Бородинская площадь), у Дома офицеров Российской армии установлен памятник-бюст М.И. Кутузова, имя которого также стало прецедентным. Третья фигура гренадера, вырезанная из старой ивы, «поселилась» в Екатерининском парке. Следующие планируется вырезать из старых деревьев, растущих возле фонтана в центре города и на выезде в Одессу. Таким образом, воины петровских времен вновь «населят» Тирасполь, являясь ретрансляторами культуры ушедших времен, знаменательных для истории города. Прокомментируем факт, что ряд описанных скульптур – человеческих фигур – это городские артефакты *без названия*, они не снабжены хотя бы короткой текстовой информацией. Думается, тому можно найти следующее объяснение: это символы типических, в массе своей, героев, собственно,

вынесших на своих плечах невзгоды военных лет. Они безымянны. Но сама форма, отлитая в бронзе, высеченная в камне или дереве, является культурным индексом города, она имплицитно, в свернутом виде, выражает значимый и очень важный пласт информации. В частности это проявляется в деталях: обмундировании солдата, виде оружия, даже цветовой палитре воинской формы (как на первых двух деревянных скульптурах солдат-гренадеров). Отсутствие номинативной идентификации, таким образом, не лишает памятник информативности, а вызывает стремление к его дешифровке, к познанию фактов культуры, к знанию истории своего народа. Это своеобразный культурный код города. Вместе с тем, апеллируя к высказыванию Д.С. Лихачева, подчеркнем, что «заметить какое-нибудь явление – это дать ему имя» [23]. Полагаем, что целесообразно было бы дать название этим скульптурным фигурам, например, обозначая род войск или звание воина. Тогда каждая скульптура была бы «замечена», поименована, получила бы соответствующую индексацию в реестре артефактов, выражающих меморативный код культуры города. Попутно заметим, что вот уже много десятилетий после Великой Отечественной войны в оформлении памятников неизвестному солдату повсеместно реализуется текстовая (вербальная) информация. Это слова, высеченные на Могиле Неизвестного Солдата: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен» (автор надписи С. Михалков). Как видим, здесь также акцентируется номинация «имя». И это очень важно! Примером поименованного бронзового памятника в Тирасполе может служить памятник солдату-мироотворцу Российской армии с надписью «Мироотворцам посвящается», установленный возле столичного Дома офицеров в 2017 году.

3. Ворота и бастионы крепости Срединной. Следует отметить, что проект «Гренадеры русской армии», осуществляемый в рамках благоустройства Екатерининского столичного парка, наполняет деревянные скульптуры функциональной задачей: две фигуры гренадеров, которые будут высечены из старых деревьев при въезде в Тирасполь из Бендер, станут служить указателем для жителей столицы и въезжающих в город гостей. Этот индексальный городской маркер имеет глубокий смысл: символизирует стражей города у его необычных ворот, образную функцию которых реализуют портики – колоннады в античном стиле, находящиеся параллельно с двух сторон от центральной дороги. Предполагается, что гренадеры и портики в синтаксическом текстовом пространстве города композиционно, семантически и стилистически будут поддерживать друг друга, создавая индексальную рифму. Отметим, что эти городские артефакты (портики) также не имеют названия. Возможно, потому что ушла в прошлое традиция именовать ворота в город, и сегодня «ворота» – это всего лишь символ гостеприимства, радушия жителей города, душевно принимающих гостей. Отметим, что в истории Тирасполя ворота крепости (города) как раз отмечены следующими номинациями: «западные – Брацлавские, юго-восточные – Херсонские, северо-западные – без названия» [21], по другим данным – Западные, Брацлавские и Херсонские [4]. Название ворот *Херсонские* связано с тем, что Тирасполь с 1806 г. входил в Херсонский уезд, а название *Брацлавские* относит нас к истории середины XIV в., когда северные земли современного Приднестровья вошли в объединенное (Брацлавское с Винницким) Брацлавское воеводство [22]. Как видим, для первых жителей Тирасполя уже тогда было важно сохранение памяти о прошлом, потому, считаем, и дано было название воротам *Брацлавские*.

В первоначальном облике города, в конце XVIII – начале XIX в., по нашим данным, памятников не было (информация о них отсутствует). Центром самой земляной крепости была церковь св. Андрея Первозванного, военный госпиталь,

казармы, комендантский дом, пороховой погреб (отдельные фрагменты которого сохранились по сегодняшний день) и некоторые др. объекты. Однако интересен их номинативный аспект, в частности наименования бастионов (их восемь – «Владимир», «Петр», «Павел», «Слава», «Победоносец», «Георгий», «Николай», «Василий») и полубастионов (их два – «Иоанн» и «Александр»), обозначенных на плане крепости 1789 года [4]. Из названий восьми бастионов только два не являются именами собственными – бастионы «Слава» и «Победоносец», другие все представляют собой имена собственные, называющие лиц мужского пола. Причем показательно, что это имена – очень значимые для русской (российской) земли. Безусловно, вопрос о номинации перечисленных бастионов требует детального и глубокого изучения, однако уже при «первом приближении» можно увидеть прямую связь с именами представителей русской церкви / государственных деятелей (императорского двора), особо почитаемых в России. Отметим ряд параллелей: бастион «Владимир» (Святой Владимир Святославич, князь Владимир, крестивший Русь / ряд князей русских), бастион «Петр» (Апостол Петр / Петр I Великий), бастион «Павел» (Апостол Павел / император Всероссийский), бастион «Георгий» (Святой Георгий Победоносец / великий князь Георгий Всеволодович Владимирский), бастион «Николай» (Святой Николай Чудотворец), бастион «Василий» (Святой богослов Василий Великий / великий князь Василий III Иванович), полубастион «Иоанн» (Святой Иоанн Креститель / Иоанн (Иван) IV Грозный), полубастион «Александр» (Святой князь Александр Невский / император Александр I / Александр Суворов). Указанные антропонимы образуют галерею именослова фортификационных объектов Срединной крепости и служат иконическими знаками, кодирующими и транслирующими семантику победы над врагом и защиты от него покровительством святых. Эту же семантику реализуют и онимы неантропомимного характера – «Слава» и «Победоносец» как названия бастионов. Показательно, что в истории российского флота традиционно закрепляется номинация «Георгий Победоносец», «Святой Георгий», «Святой Георгий Победоносец» за кораблями, подводными лодками, броненосцами, крейсерами и др. плавательными объектами. Думается, здесь можно усмотреть связь с нахождением крепости рядом с рекой Днестр – водной магистралью, по берегам которой в конце XVIII столетия, по замыслу Екатерины II, выстроилась целая цепь оборонительных крепостей на юге российского государства. Таким образом, и номинативная цепь объектов крепости еще в самом начале ее становления выполняла индексальную функцию – являлась способом трансляции национально-религиозно-культурного наследия.

4. Екатерининский парк. Идея «пульсации» в интерпретации текстов культуры. В целом, что касается Екатерининского парка как культурно-семиотической системы, отметим, что описанные архитектурные формы, а также малые архитектурные формы (стилизованные скамейки, фонарные композиции с вензелем Екатерины Великой, верстовые столбы времени и др.) представляют собой символику, пронизанную российским духом екатерининских времен; парк выполнен в стиле барокко с элементами классицизма: над главной аркой при входе в парк декоративный элемент – герб России, вензель Екатерины II с буквой «Е» и римской цифрой «II». Стилистически поддерживает общий архитектурный и символичный контекст центральной площади города мост через реку Днестр – он стилизован под екатерининскую эпоху: обе его стороны обрамляют ажурные перила и фонари с вензелем императрицы. Также дополняет это гипертекстуальное пространство города

макет крепости Срединной, выполненный в миниатюре (в ряде параметров все же отличающийся от реальной земляной крепости).

Доказывая идею «пульсации» в интерпретативном потенциале текста культуры города, подчеркнем, что вектор, направленный на представление исторической составляющей города с ценностно-смысловой доминантой «Русский мир», был определен руководством республики в 2018 году, когда было принято решение о благоустройстве Тирасполя с акцентацией историко-культурного параметра и идеи визуализации принадлежности Приднестровья к русскому миру. Как видим, именно сегодня, в сложившихся непростых социально-политических условиях на постсоветском пространстве и в целом – в мире, создается необходимость подчеркивания, в том числе через тексты культуры, ментального и культурного статуса приднестровского народа.

В иные исторические периоды (например, в 20-70-е годы XX в.) Тирасполь как текст культуры (в семиотическом прочтении архитектурных сооружений) в большей мере получил отражение в плане реализации смыслов «человек труда», «индустриализация», «социалистическое соревнование». И этого тоже требовала жизнь – те социально-экономические задачи, решение которых для тираспольчан было необходимым условием позиционирования себя как жителей современного тому времени города. Иллюстрацией этого являются объекты города, интерпретируемые как иконические знаки, семиотические тексты, выражающие ценностные смыслы, например, «Памятник в честь электростанции 1922 года МССР, названной именем В.И. Ленина», изготовленный в 1984 году. В настоящее время он находится в Центральной части города на пересечении улиц 25 Октября и Правды.

5. Многонациональность. Региональные индексы культуры. Вместе с тем, как мы уже отметили выше, в городе как тексте культуры, через семиотическую трактовку архитектурных объектов реализуется параметр «многонациональность». Один из примеров описан нами выше (скульптурная группа «Три молдаванина»), памятник Т.Г. Шевченко (украинскому поэту, именем которого назван Приднестровский государственный университет), также отметим орнаментальную разделительную полосу проезжей части магистральной улицы в центре города – она оригинально вымощена тротуарной плиткой. Приведем слова В.Н. Красносельского, Президента ПМР: «И национальные узоры, выложенные в плитке в центре Тирасполя, – это по сути своей символ приднестровского народа, который объединяет историю. В этом орнаменте сложены и традиции, и культура, и обычаи всех национальностей, проживающих на территории Приднестровья, которые составляют приднестровский народ» [7].

Архитектурные формы города Тирасполя как тексты культуры отражают также и приднестровский компонент, т.е. являются **региональными индексами культуры**. Среди них памятники и мемориальные доски: памятник Защитнику Приднестровья (на Мемориале славы), памятник-бюст академику Н.Д. Зелинскому (великому химику, уроженцу Тирасполя), памятник-бюст В.Г. Синева (глава города в 80-е годы XX в.), памятник-бюст В.С. Соловьевой (руководителю знаменитой на всем постсоветском пространстве Тираспольской швейной фабрики «40 лет ВЛКСМ» в 70-80-е годы XX в.), памятник студентам и преподавателям, павшим в боях за родину (установлен возле главного корпуса государственного университета), барельеф Героям Советского Союза и Социалистического труда, обучавшимся в средней школе №6 (ныне – гимназия), памятник работникам ПХБО, погибшим в войне 1992 года (по ул. Магистральный проезд), памятник работникам завода им.

С.М. Кирова, погибшим в годы ВОВ (на территории Тираспольской крепости у бастиона «Святой Владимир»), памятник приднестровскому рублю (перед входом в Приднестровский Республиканский банк); мемориальные доски Аронецкой Н.С. (заслуженному деятелю искусств МССР, создателю и главному режиссеру Тираспольского театра в 70-е годы XX в.), Бочковскому В.А. (Герою Советского Союза, генерал-лейтенанту танковых войск, уроженцу Тирасполя), приднестровским женщинам (осуществлявшим блокаду железной дороги в борьбе за независимость Приднестровской Молдавской Республики в 1991 году) и др.

Открытость системы как текста культуры подтверждается историческими «сдвигами» не только в появлении новых архитектурных объектов, но и в их исчезновении. Так, «в 1912 году в Тирасполе были открыты памятник Славы житомирцам и памятник героям-астраханцам, но в советское время монументы были уничтожены», памятник С.М. Кирову (в парке культуры им. Кирова на ул. Ленина), памятник Ленину (на площади Конституции (ныне площадь Суворова) [3].

6. Поликодовость текста культуры. Типология интерпретатора. Рассмотренные в связке (основной объект и сопровождающие его объекты), – это визуализированные (вербально и невербально) гипертексты культуры, наполненные ценностным смыслом, которые представляют собой в закодированном виде информацию, требующую от интерпретатора (нашего современника) декодирования. Эти тексты как целостные высказывания приобретают статус коммуникативного текста только тогда, когда получают восприятие и оценку интерпретатором *в рамках современной жизни*. Отсюда – поликодовый характер таких текстов культуры, «они четко определены в координатах социального пространства – времени» [13]. Иными словами, существует зависимость между коммуникативным статусом текста культуры и степенью его поликодовости, при этом динамику этого соотношения регулирует интерпретатор / общество / конъюнктура, который, образно, представляет срединное звено, т. е. находится между этими параметрами. Развивая идею Н.А. Симбирцевой [27, с. 4], предложим следующую типологию интерпретатора **регионального текста культуры**: (1) интеллигентный, образованный обыватель, (2) профессиональный работник в определенной области знания, (3) педагог (наставник, воспитатель). В зависимости от конкретного типа интерпретатора будут по-разному интерпретированы культурно-ценностные смыслы, скажем, архитектурного объекта в Тирасполе, установленного в 1984 году, – «Памятника в честь электростанции 1922 года МССР, названной именем В.И. Ленина». Первый тип интерпретатора, предположительно, даст следующую дешифровку: «необычный, какой-то нагроможденный рельефами памятник, с восемью остроконечными выступами и надписями на постаменте: «Здесь в 1922 году было сооружена первая электростанция Молдавии, названная именем В.И. Ленина»; «/Ленин/ Коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны». Поддерживает этот вербальный текст визуальный образ соединенных у основания ладоней человека, в которых находится миниатюрная вышка электростанции и, по всей видимости, огонь, символизирующий свет» (трактовка наша. – С. II.). Второй тип интерпретатора прокомментирует текст памятника так: «это памятник в честь первой в Молдавской ССР электростанции, сооруженной в 1922 году и названной именем В.И. Ленина, изготовлен на Московском скульптурном комбинате и установлен в 1984 году в центральной части Тирасполя, по улице 25 Октября перед её пересечением с улицей Правды (бывший Семёновский бульвар) <... >... в 1922 году в Тирасполе завершилось строительство новой электростанции мощностью в 300 кВт. К марту 1923 года в городе насчитывалось 53 небольших промышленных предприятий: к

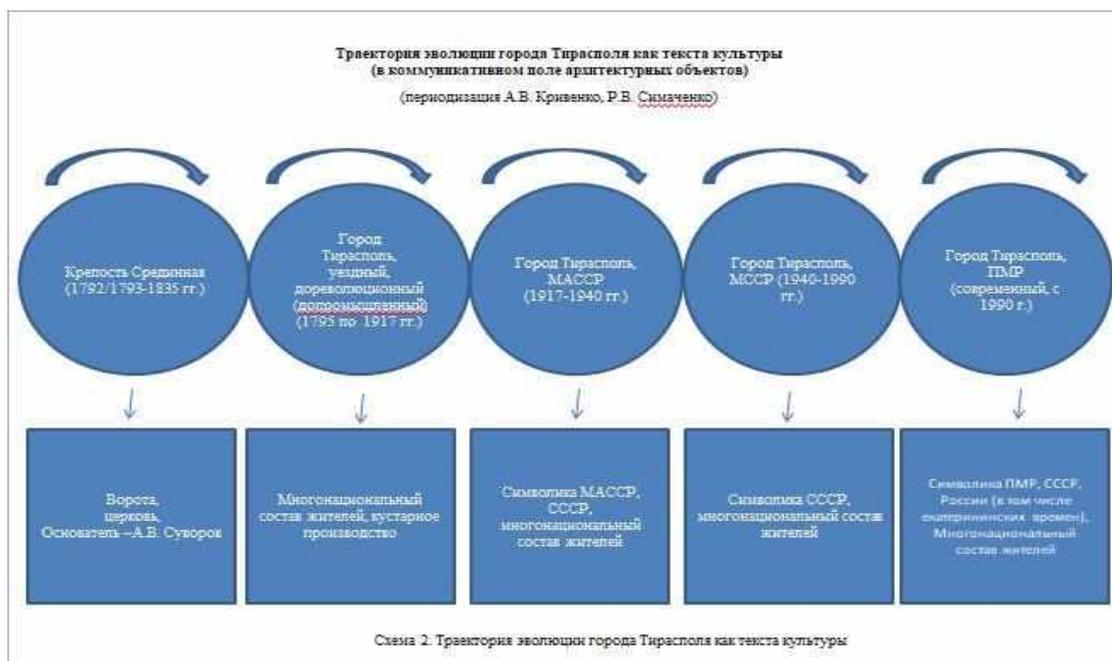
ним относились мелкие и мельчайшие мастерские сапожников, портных и пр. Со временем заработали мелкие артели промкооперации, столярные, бондарные и слесарные мастерские, лесопилки, медно – чугунолитейный завод Карла Питча, преобразованный в артель, в которой бывший владелец стал техноруком. Тираспольчане перерабатывали овощи и фрукты, производили спиртные напитки, занимались торговлей, ремонтировали разорённое жильё и административные здания» [24]. И для всего этого необходим был свет, который давала эта электростанция. «Дизельная электростанция располагалась на территории напротив здания медицинского училища и жилого дома, по Карла Маркса... там сейчас находятся жилые дома: пятиэтажки-хрущевки по улице Правды» [24]. Третий тип интерпретатора в комментариях ограничится следующим: «Данная электростанция производила свет, необходимый людям, живущим в Тирасполе и других районах Молдавии. Для жизни, для работы, для учебы. Потому значение созданной первой электростанции очень важно» (трактовка наша. – С. П.).

В 1984 году, когда промышленность в Тирасполе (завод «Молдавизолит», «Литейных машин им. С.М. Кирова», «Электроаппаратный», «Электромаш» и др.) достигла очень высокого уровня, конечно же, очень важным для общества было визуально обозначить начало этих достижений, это был вызов времени. Потому в конкретных социально-экономических и исторических условиях такого рода закрепление в визуальной форме символической информации как семиотическое выражение текста культуры имело место. Сегодня же, с течением времени, эта информационная составляющая становится менее актуальной для современника как деятельного субъекта и его актуальных практик, но при этом историческая и ценностная составляющие остаются прежними.

7. Модель (фрейм) и траектория эволюции города Тирасполя как текста культуры. С учетом отмеченных особенностей представления города Тирасполя как текста культуры в аспекте архитектурных объектов (памятников, скульптурных сооружений, мемориальных досок) представим разработанные модель в виде фрейма (Схема 1) и траекторию эволюции города Тирасполя как текста культуры (Схемы 2):

Схема 1. Фрейм «Город Тирасполь как текст культуры»

Представленная модель (фрейм) и траектория эволюции города Тирасполя как текста культуры позволяет заключить, что изначально планируемая область земли русской, сегодня называемая Приднестровьем, как средоточие людей разных национальностей, разной веры сегодня сохраняет эту черту. Приведем высказывание Президента ПМР В.Н. Красносельского: «С включением Приднестровья в состав России в екатерининскую эпоху и на протяжении последующих 125 лет на нашей территории складывалась единая многоэтническая социокультурная общность, из которой сформировался народ Приднестровья» [7].

Заключение. Решенные в работе задачи позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, приведенные в статье рассуждения о специфике архитектурных объектов (памятников, скульптурных сооружений, мемориальных досок) подтверждают представление о городском пространстве Тирасполя как семиотическом тексте культуры – гипертексте, содержащем визуальные индексы символического характера, которые являются трансляторами национально-культурного наследия многонационального приднестровского народа.

Во-вторых, разработанная типология интерпретаторов культурно-коммуникативной информации профилирует поликодовый характер текстов культуры, причем этот индикатор (тип интерпретатора) может быть рассмотрен как в синхронном срезе языковой культуры (нашими современниками), так и в исторической проекции (между поколениями). При этом важно, что в триединой модели «статус текста культуры – интерпретатор / общество / конъюнктура – степень поликодовости текста культуры» интерпретатор занимает срединное звено, т. е. находится между этими параметрами, регулируя динамику этого соотношения.

В-третьих, городское пространство – это система открытого типа, она динамична и актуализирует свое содержание в зависимости от исторических условий и предпочтений «читателя». Потому Тирасполь располагает реестром архитектурных объектов, некогда существовавших, но уже исчезнувших по разным причинам (в том числе идеологическим, эстетическим, а иногда и просто по хозяйственному недосмотру). Задача – найти «следы» этих городских объектов и описать для потомков.

В-четвертых, тираспольские памятники как иконические знаки, выражающие образ человека (людей), могут быть определены в типологию по параметру «есть наименование образа / нет наименования образа». Здесь выделим следующие типы: 1) персонные памятники-бюсты, содержащие антропонимы, 2) памятники без антропонимной формулы, но имеющие название, 3) памятники без номинации образа, реализующие смысл «человек в истории города». Считаем, что целесообразно было бы дать название памятникам третьей группы, поскольку они выражают меморативный код культуры города и должны быть отмечены названием.

В-пятых, интерпретационный потенциал города Тирасполя как текста культуры представляется в виде динамической, «пульсирующей» организации ценностно-смысловых доминант, выстраиваемых в обществе исторически с учетом системы координат внеязыкового (социальных, политических, экономических и иных) и языкового (номинационного, онимного) характера с фиксированной «вневременной» ценностно-смысловой доминантой, проявляемой в параметрах «многонациональность», «ментальная принадлежность к Русскому миру». Такое понимание, **в-шестых**, приводит к **разработке траектории эволюции и модели (фрейма)** города Тирасполя как текста культуры в части семиотической интерпретации коммуникативного поля объектов архитектуры (памятников, скульптурных композиций, мемориальных досок и под.), служащих трансляторами национально-культурного и регионального наследия через индексальные показатели универсального и местного (регионального) характера.

В итоге: город Тирасполь представляет собой многомерный конструкт, который через комплекс знаков (вербальных и невербальных) коммуникативного поля архитектурных объектов выражает информацию, отражает ценностный компонент этой информации, является материальной формой, своеобразной «открытой капсулой пространства и времени», аккумулирующей культуру многонационального народа, в нем проживающего, а также многонациональных народов, в нем проживавших ранее, и, таким образом, сохраняющего значение, которое было предназначено в конце XVIII в.

Перспективой изучения обозначенной области может стать углубление лингвистических аспектов исследования, в частности вопросы, связанные с особенностями номинации городских объектов, а также проблемы отражения в них ментальных кодов разных национальных культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой психологический словарь. – Режим доступа: <https://psychological.slovaronline.com/2129-YAZYIK> (дата обращения: 05.11.2023).
2. Веденин Ю.А. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия / Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова // Известия АН. Серия географическая. – 2001. – № 1. – С. 7-14.
3. Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8_%D0%A2%D0%B8%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8F (дата обращения: 05.11.2023).
4. Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B8%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C (дата обращения: 05.11.2023).
5. Владова Н.И. Урбанонимы и ойконимы Приднестровья с семантической доминантой «естественный водоём» / Н.И. Владова, Е.С. Коливашко, С.С. Полежаева // Язык и культура: взгляд молодых. Материалы V Международной научно-практической конференции. Гл. редактор В.И. Карасик. – Москва, 2023. – С. 141–147.
6. Голомидова М.В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства / М.В. Голомидова // Екатерининский парк. – Режим доступа: <https://ekaterinenskiy-park-tiraspol.tilda.ws/>

(дата обращения: 05.11.2023).

7. Еремия А.И. Географические названия рассказывают / А.И. Еремия. – Кишинев: Штиинца, 1990. – 197 с.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
9. Кашлева М. История Тирасполя / М. Кашлева. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newspmr.com/avtorskie-stati/1749/> (дата обращения: 05.11.2023).
10. Кишлярук В.М. Происхождение названий населенных пунктов Приднестровья / В.М. Кишлярук // Ежегодный исторический альманах Приднестровья: Научно-популярный иллюстрированный сборник Республиканского управления культуры. – Тирасполь, 1999. – С. 81–82.
11. Коммуникативные исследования. – 2019. – Т. 6. – № 1. – С. 11–30.
12. Коньков В.И. Утилитарность и поликодовость текста / В.И. Коньков // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингво-культурологические, дидактические, ценностные аспекты: материалы международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 2015. – С. 18–20.
13. Котленок Н.Ф. Текст культуры в повседневности: интерпретация и понимание / Н.Ф. Котленок // Человек. Культура. Общество: тез. докл. VI науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов фак. филос. и соц. наук БГУ. Минск, 15 апр. 2009 г. / редкол.: А.А. Легчилин (отв. ред.), А.С. Солодухо. – Минск.: БГУ, 2010. – С. 38–40.
14. Кривенко А.В. Тирасполь: эволюция городской застройки / А.В. Кривенко, Р.В. Симаченко // Приднестровское наследие: материалы III международной научно-практической конференции «Культурное наследие в системе духовных ценностей приднестровского общества. – Тирасполь, 2010. – С. 44–47.
15. Кривошапова Н.В. Лингвокультурная информация о Приднестровском регионе в интернет-коммуникации / Н.В. Кривошапова // Язык и речь в интернете: личность, общество, коммуникация, культура. сборник статей V Международной научно-практической конференции. – Москва, РУДН, 22–23 апреля 2021 г. : в 2 т. – Т. 2. – С. 20–27.
16. Кудасбекова А. К вопросу о построении лингвокультурологической модели / А. Кудасбекова. – Режим доступа: https://www.rusnauka.com/11_NPE_2013/Philologia/7_134084.doc.htm (дата обращения: 05.11.2023)
17. Кузнецов В.С. Истина и ложь в терминах, понятиях и определениях / В.С. Кузнецов, Н.В. Кузнецова. – Анапа, 2018. – 280 с.
18. Луговская Е.Г. Теоретические основания моделирования социально-коммуникативной системы полиязычного сообщества / Е.Г. Луговская // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2023. – С. 205–222.
19. Моради А. Состояние и нерешенные проблемы изучения названий городских объектов в русле урбанолингвистики / А. Моради // Русская филология: Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. – 2015. – № 2 (55). – С. 23–30.
20. Новости ПМР. – Режим доступа: <https://novostipmr.com/ru/news/20-10-01/vyorsty-vremeni-3-1795-otkrytie-kreposti-sredinnoy> (дата обращения: 05.11.2023).
21. Новости ПМР. – Режим доступа: <https://novostipmr.com/ru/news/22-03-25/25-marta-v-istorii-pridnestrovoya> (дата обращения: 05.11.2023).
22. О русском языке и ненормативной лексике. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/o-russkom-yazyke-i-nenormativnoj-leksike/> (дата обращения: 05.11.2023).
23. Памятник электростанции. – Режим доступа: <https://besarab.su/photo/pamyatnik-elektrostantsii/> (дата обращения: 05.11.2023).
24. Полежаева С.С. Имя собственное в полилингвистическом сообществе (на материале урбанонимов города Тирасполь) / С.С. Полежаева // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года) / Сост., ред. В.Л. Васильев; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: «ТПК «Печатный двор», 2019. – С. 394–398.
25. Романенко В.А. Фрагменты коммуникативно-культурного пространства города Тирасполя / В.А. Романенко, В.Т. Мизернюк. – Мова. – 2019. – № 32. – С. 27–31.
26. Симбирцева Н.А. Тексты культуры: специфика интерпретации / Н.А. Симбирцева. – Дисс. ... докт. культурологии. Екатеринбург, 2016. – 361 с.
27. Соколова Т.П. Проблемы описания городского ономастикона / Т.П. Соколова // Вопросы ономастики. – 2018. – Т. 15. – № 1. – С. 196–206.
28. Трубицын О.К. Что такое город / О.К. Трубицын // Сибирский философский журнал. – 2020. – Т. 18. – № 4. – С. 77–90.

29. Фасмер М. – Режим доступа: <https://vasmer.slovaronline.com/4258-ZYIK> (дата обращения: 05.11.2023).

30. Философия. Практическое руководство. – Режим доступа: <https://terme.ru/termin/jazyk.html> (дата обращения: 05.11.2023).

31. Шмелёва Т.В. Поликодовость городского ономастикона / Т.В. Шмелёва // Коммуникативные исследования. – 2019. – Т. 6. – № 1. – С. 51–66.

Поступила в редакцию 24.11.2023 г.

URBAN CULTURAL AND SEMIOTIC SPACE: VERBAL AND NON-VERBAL ASPECTS

S.S. Polezhaeva

The paper considers the architectural objects of the city of Tiraspol and their nominations as cultural texts, non-verbally and verbally expressing socio-cultural information, reflecting its value component. The relevance of the research is determined by the linguo-cultural approach to studying the material. The focus is made on the evolution of the representation of urban monuments, sculptural compositions, memorial plaques, which are treated as semiotic signs of different eras. The following research methods and techniques have been applied, among which are analysis and synthesis, methods of cultural interpretation and linguistic and cultural modeling (framing). The typology of interpreters of regional cultural and communicative information brings into the open the multimode character of cultural texts as an open system in modern citizens' interpretation. The Tiraspol monuments as iconic signs of the memorative code representing the image of a person are combined into a typology according to the parameter "there is a name of the image / there is no name of the image". The article substantiates the representation of Tiraspol as a cultural text in the form of a dynamic, "pulsating" system of value and sense dominants, historically built in society taking into account extra-linguistic and linguistic factors, but with such fixed "timeless" concepts as "multinational", "mental belonging to the Russian world". The suggested model of the urban space designation is a hypertext with symbolic indexes, translators of the national and cultural heritage of the multinational Pridnestrovian people.

Key words: text, culture code, interpretation, semiotics, linguoculturology, precedent text, monument, communication, semiotics, symbol, index, Tiraspol, Transnistria.

Полежаева Светлана Серафимовна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ «Приднестровский государственный
университет им. Т.Г. Шевченко».

Доцент кафедры русского языка и межкультурной
коммуникации.

E-mail: svetlanapolejaeva1506@mail.ru

Polezhaeva Svetlana Serafimovna.

Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor.

State Educational Institution "T.G. Shevchenko
Pridnestrovian State University".

Associate Professor at Department of Russian
Language and Intercultural Communication.

E-mail: svetlanapolejaeva1506@mail.ru

УДК 81'373.2

САКРАЛЬНАЯ МИКРОТОПОНИМИЯ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2023 И.В. Пантелеев

Независимый исследователь

Актуальность комплексного исследования сакральных микропонимов различных районов Тульской области обусловлена тем, что в настоящее время в отечественной ономастике наблюдается устойчивый интерес к местным названиям, в которых отражены религиозные воззрения людей, населявших и населяющих конкретную территорию Российской Федерации. Однако сакральная микропонимия Тульского края до сих пор является не только мало изученной, но и в уже существующих исследованиях есть лакуны, которые нуждаются в заполнении новым научным материалом. В настоящей статье сакральные микропонимы Тульской области рассматриваются с позиций синхронии и диахронии, с точки зрения их мотивации, истории возникновения, функционирования в речи местных жителей и территориальной распространенности в других регионах России. Анализ экстралингвистических факторов позволяет установить причины их появления, активного употребления, замены новыми собственными наименованиями и перехода из активного словарного запаса в пассивный словарный запас.

Ключевые слова: Тульский регион, сакральная микропонимия, синхрония и диахрония, христианство, язычество.

Введение. На сегодняшний день в отечественной ономастике сакральные микропонимы различных регионов России малоизучены, отдельного труда, посвященного этой теме, насколько нам известно, нет. Большой фактический материал по региональной микропонимии содержится в многотомном дореволюционном труде «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» [13], однако содержащиеся в нем сведения требуют критического анализа и уточнения, о чем нами будет сказано ниже. В ряде работ современных исследователей тема сакральности раскрывается фрагментарно: Е.Л. Березович «Язык и традиционная культура» (2007) [1], Л.А. Климова «Нижегородская микропонимия в языковой картине мира» (2007) [5], Т.В. Майорова «История Тульского края в географических названиях» (2009) [7].

Цель статьи – провести разноаспектный анализ тех сакральных микропонимов Тульского края, которые либо не вошли в научный оборот, либо научная информация о которых требует уточнения; выяснить мотивы их номинации; установить факторы, оказавшие решающее влияние на формирование номенклатуры микропонимов.

Для достижения поставленной цели нами будут использованы методы: исторический; сравнительно-сопоставительный; аналитический; описательный и элементы статистического метода.

Основная часть. Все микропонимы, образующие тематическое поле (далее ТП) «Сакральная микропонимия Тульского края», можно разделить на несколько лексико-семантических групп (далее ЛСГ): 1) ойконимы; 2) хоронимы; 3) оронимы; 4) гидронимы и 5) дримонимы.

Прежде, чем перейти к рассмотрению микропонимов, считаем целесообразным сделать несколько предварительных замечаний которые позволят нам лучше понять закономерности появления и функционирования в языке и речи имен собственных, в том числе и тех, которые присущи ономастике.

«Нетрудно заметить, что чем больше слово отягощено индивидуальными семантическими признаками, тем прочнее его «предметные» связи...

Значения многих слов «конкретной» лексики настолько насыщены индивидуальными признаками, что являются в принципе несопоставимыми (по отдельным признакам) друг с другом. Поскольку можно считать, что денотативная функция оказывается для них на первом плане, они могут быть условно названы *денотативами*. В некоторых случаях они подобны именам собственным», – писал Д.Н. Шмелев [19, с. 22-23]. Особенно отчетливо эти «индивидуальные семантические признаки» проявляются в названиях религиозного характера: агиооиконимах, эклезионимах. И даже если предположить, что название села образовано от фамилии его владельца, например, Архангельский, на первый план выдвигается религиозная семантика, т. к. и фамилия владельца напрямую связана с христианской религией.

«Закономерность локализации топонимов в определенных участках какой-либо макротерритории», по мнению Е.Л. Березович, во многом объясняется «особенностями ландшафта <...> и большей неосвоенностью, необжитостью территории, ср. пословицу “Бог создал небо и землю, а черт – Архангельскую губернию”» [1, с. 211]. Сказано это было уважаемым исследователем применительно к Архангельскому краю, в котором преобладают демонические топонимы. Если это положение отнести к Тульскому краю, то мы увидим обратное: преобладают топонимы христианские, что обусловлено высокой степенью христианизации и освоения территории: Тульская губерния до революции относилась к густо населенным и малоземельным губерниям России.

К первой ЛСГ относятся названия населенных пунктов: сс. *Архангельское*, *Покровское (Лапоткóво)*, *Сéргиево (Сéргиевское)*, *Спасское*, *Никольское*, *Никольское (Никольское Пономарево)*, *Новое Никольское*, *Царёво (Архангельское)*. Известно, что «русские <...> агиооиконимы (названия поселений религиозного характера), возникали, как правило, по находившемуся в населенном пункте храму, а также часовне, монастырю» и что «в ойконимии центра России эта модель начинает действовать с XV века» и своего пика достигает во второй половине века XIX [5, с. 323].

Населенных пунктов с названием *Архангельское* в Тульской области несколько: село *Архангельское* в Щёкинском районе, муниципальное образование «Крапивенское»; село *Архангельское* в Каменском районе, первое письменное упоминание о котором датируется 1689 годом; поселок *Архангельское* в Ленинском районе; село *Архангельское* в Чернском районе и село *Архангельское* в Ясногорском районе. Все населенные пункты названы по церкви во имя святого Михаила Архангела.

Ранее в Тульской губернии существовало ещё одно село *Архангельское*, которое сейчас входит в состав Щёкинского района, муниципальное образование «Лазаревское» под названием *Царёво*. Это село, видимо, как и все вышеназванные, свое изначальное название получило по старейшему деревянному храму, информации о котором нам найти не удалось. Позднее это село получило название Царёво, но старые наименования – *Архангельское*, *Архангельская Царева Пристань* или *Пристань* – в трудах по истории и этнографии приводились в качестве дополнения к официально принятому [13, с. 534]. Принято считать, что «название Царёво произошло от Муравского шляха, иначе называвшегося также Царёвой дорогой» [13, с. 534]. В свою очередь двухсловное наименование села было заменено однословным в результате действия в языке двух законов: закона экономии речевых средств и закона экономии речевых усилий. Замена в названии села конечного форманта -а на -о произошла под влиянием закона аналогии, который проявился на уровне семантики и словообразования: поселок Лазарево (Щёк.) – по фамилии помещика кн. Лаз. Як. Лазарева; село Поленово (Заок.) – усадьба В.Д. Поленова; Царицыно (Моск.). Село Царёво располагалось близ Царевой дороги, т.е. как бы относилось к ней и

непосредственно к царю. Однако легенда о том, что царь останавливался в Царёво для смены лошадей, не более, чем легенда. А.В. Суперанская по этому поводу пишет: «Топоформанты среднего рода -ов-о (-ев-о), -ин-о достигают большой топонимической активности: *Берегово, Зверев, Беседино*. Единичные случаи, когда -ов- входит в состав основы (*Азов-о*), подравниваются под общий тип. <...>

В прошлом встречались названия деревень с формантами на -ов-а, -ин-а: *Жукова, Петрова, Савина*. В настоящее время предпочтительны образования *Жуково, Петрово, Сав(в)ино* или *Жуковка, Петровка, Савинка*, поскольку и те, и другие не омонимичны фамилиям» [18, с. 68]. Это подтверждается и названием села Царёво: Архангельское – Архангельское Царева Пристань – Царева Пристань – Царёво. Также ср.: Змеево – село близ села Царёво (Щёк., Лаз. адм.).

Переход ойконима Архангельское в пассивный словарь языка мог быть вызван двумя причинами: а) утратой древнего деревянного храма, вместо которого в селе в 1883 году воздвигли каменный храм во имя иконы Смоленской Божией Матери и б) стремлением избежать путаницы в документах и почтовых отправлениях: большинство сел с названием Архангельское (18) уже до революции имели второе официальное название [13, с. 654].

Нередко в дореволюционной России одно и то же село имело несколько названий: два и больше. Так, например, современное село *Лапоткóво* в официальных документах XIX столетия упоминается под тремя названиями. В «Сведениях о помещичьих имениях» мы находим название *Лопáтка* [14], а в документе «Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года» за № 2621 значится с. Покровское (Лапотково) Крапивенского уезда [17]. Как видим, во 2-й половине XIX столетия в официальных документах ни одно из трех названий села ещё не закрепилось. В начале XX столетия в качестве официально принятого используется ойконим Лапотково (Покровское): «В 3 верстах на з.-ю.з. от этой станции [Лазарево. – И. П.], на старом Московско-Курском шоссе расположено с. Лапотково (Покровское)...» [13, с. 439].

Исходя из того, что храм Покрова Пресвятой Богородицы существовал в селе с 1694 г., мы можем заключить, что старейшим является название села Покровское. Это подтверждается и содержащейся на потире 1730 года, подаренном князем Шаховским церковному причту села Покровское, надписью: «Чаша святая подарена в село Покровское» [8, с. 272].

Старое название села Покровское до наших дней не сохранилось: ныне село именуют Лапотково. Возможно, это произошло по причине того, что в дореволюционной России в пределах одной губернии было несколько сел с одинаковым названием, что приводило к возникновению путаницы в административных бумагах и почтовых отправлениях. Ср.: Тульская губерния, Крапивенский уезд: *Покровское (Лапоткóво); Покровское (Потёмкино)*. Однако в современном селе Лапотково в речи местных жителей в качестве неофициального названия употребляется наименование *Покрóвка*: слобода, идущая непосредственно от храма Покрова Пресвятой Богородицы. Т.В. Майорова по этому поводу пишет, что для обозначения административного статуса поселений в официальных «документах с пятнадцатого века применяются специальные термины, которые называют номенклатурными: *город, село, деревня, сельцо, хутор, слобода*. <...> Существуют традиционные номенклатурные термины, которые пока еще встречаются в языке, но постепенно либо исчезают, либо меняют свое значение (переосмысливаются): слобода, хутор» [7, с. 64]. Село Лапотково (Покровское) строилось в три слободы: Покровка, Слободка и Свисталовка, однако со временем из официального языка названия слобод ушли, в результате чего возникают затруднения при вызове,

например, врача на дом или электрика: всегда спрашивают название улицы, а официально улиц нет, есть слободы.

Ойконим *Сёргиевское (Сёргиево)* используется для обозначения села, возникшего на реке Плава. Об этом селе читаем: «Сергиево возникло на землях, принадлежавших в царствование Михаила Федоровича дедиловскому воеводе кн. Гагарину, но получило свое название только в XVIII в. от самого известного из его владельцев кн. Серг. Вас. Гагарина [курсив мой. – И.П.]» [13, с. 440]. Как видим, в книге «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» село Сергиевское названо Сергиево, хотя официально оно называлось Сергиевское: «Они [конокрады. – И.П.] переправили кобыл в село *Сергиевское*, а одну, гнедую, в деревню Телятинки», – вспоминал известный тульский коннозаводчик Я.И. Бутович в книге «Лошади моего сердца» [3, с. 318]. Исходя из цитаты, приведенной из книги «Россия...», мы можем заключить, что со времени царя Михаила Федоровича до XVIII столетия у села не было официального названия! Однако известно, что в 1674–1676 гг. жители построили в селе деревянный храм и освятили его во имя Преподобного Сергия Радонежского. Следовательно, село называли, согласно принятой топонимической модели, по храму, а не по князю, как утверждалось в солидном дореволюционном издании [13, с. 440].

Сел, слобод и волостей с подобным названием (восходящим к антропониму Сергей) в Среднерусской черноземной области было более 12, почти все они имели второе официальное название. Например: *Сергиевское* см. *Владыкино*; *Сергиевское* см. *Осиновая гора* и др. [13, с. 682]. После революции 1917 года село Сергиевское (Сергиево) было переименовано в город *Плавск*.

В настоящее время в Тульской области существуют два села с названием *Спасское*: одно Спасское расположено в Щёкинском районе, а второе Спасское находится в Новомосковском районе, оба села названы по храму во имя Всемиловитого Спаса. В первом Спасском храм руинирован, во втором Спасском храм действующий, восстановлен в 1978-1979 гг. на колхозные деньги по просьбе селян председателем местного колхоза В.А. Стародубцевым. По статистическим данным на 1902 год в Центральной черноземной области России насчитывалось 8 населенных пунктов и волостей с названием Спасское [13, с. 683].

Село *Новое Никольское*, расположенное в Чернском районе Тульской области, как и многие другие села, было названо по церкви, построенной не позднее 1764 года во имя особо почитаемого в народе святителя Николая Чудотворца [11]. До наших дней первый деревянный храм не сохранился, время его утраты неизвестно. В 1836 году владельцем села Е.П. Мясоедовым на месте прежней деревянной церкви была построена в стиле классицизма Покровская церковь, однако прежнее название за селом сохранилось.

В Ефремовском районе есть село *Никольское (Никольское Пономарёво)*, Лобановского сельского поселения. В.М. Огнев пишет, что село упоминается с 1614 года. Никольским оно названо по храму во имя святителя Николая, а Пономарёво по фамилии владельца, однодворца Пономарёва. Интересно, что старейшим является ойконим Пономарёво, которым обозначали деревню. После возведения храма деревня стала селом и в документах 1614/1615 гг. упоминается уже как Никольское. Как видим, традиция наименования села «по храму» здесь соблюдена [12].

Есть село *Никольское* и в Щёкинском районе (Крапив. адм.). В селе действует храм во имя святителя Николая Чудотворца, год постройки не позднее 1886. В Центральной черноземной зоне России на 1902 год было 43 населенных пункта с названием Никольское, многие из них имели второе официальное название [13, с. 674].

Объясняется это тем, что имя Николай в среде сельских и городских жителей было одним из самых частотных. Таким оно оставалось и в XX столетии, что свидетельствует, на наш взгляд, о приверженности русского народа православию и о провале большевистской компании 1924 года, носившей название «За новые имена». Результат этой безбожной компании оказался неожиданным для ее организаторов: имя Николай в 30-е годы XX столетия в обществе не утратило популярности, и приверженцы Советской власти были вынуждены признать его как современное и даже, если так можно выразиться, «модное» [10].

Вторая ЛСГ группа представлена хоронимом *Троицкий мост* (с. Крапивна), образованным от экклезионима *Троицкая церковь*, который обозначает пешеходный мостик через р. Плаву под *Троицкой горой*, на ней некогда располагался этот храм. Ранее Троицкий мост связывал слободы с историческим поселением Крапивна, служа переходом через р. Плаву, поэтому можно говорить о том, что хороним *Троицкий мост* достаточно древен.

Третья ЛСГ группа микротопонимов представлена оронимом, имеющим мотивацию по храму: *Троицкий бугор/гора* – «крутой спуск к берегу реки Плева от Троицкой церкви». Здесь же следует сказать и о том, что двухсловные микротопонимы с компонентом *троицкий (ая)*, образованные от экклезионимов, на географической карте России достаточно частотны: *Троицкий колодезь* и др. [5, с. 328], *Троицкий луг* (Тул. Прилеп.): «Кобылы пошли по всему *Троицкому лугу* – так назывался лучший по своей урожайности луг в имении, а носил он это название потому, что в очень давние времена тут, почти на берегу реки, стояла церковь во имя Святой Троицы и был расположен погост. Изредка, во время пахоты, здесь попадались человеческие кости», – пишет Я.И. Бутович [3, с. 328]. В книге «Россия...» [13, с. 686] отмечено 21 собственное название волостей и населенных пунктов с компонентом *троицкая (ое)*, однако подавляющее большинство из них имеют второе название, которое вытеснило первое.

Четвертую ЛСГ образуют названия гидронимов: источник *Двенадцать ключей*, Веневский район Тульской области, *Прощёный колодезь*, Куркинский район Тульской области, речка *Прощёная*, происхождение которых связывают с именем великого князя владимирского и московского Дмитрия Ивановича Донского и Куликовской битвой.

Первое упоминание об этом источнике датируется 1852 годом, а название Двенадцать ключей впервые приводится в буклете «Венев», вышедшем в 1974 году [7]. Само происхождение названия источника имеет легендарную основу, восходящую ко времени Куликовской битвы, поэтому все три версии приведем так, как они бытуют в народе: «1. Войска князя Московского Дмитрия Ивановича проходили через эти места, когда шли на Куликовскую битву. Здесь на горе жил старик Свирид, и было у него двенадцать сыновей, и все двенадцать пошли с князем на битву. А через несколько дней под горой стали бить один за другим двенадцать родников. Когда забил двенадцатый родник, понял Свирид, что все его сыновья пали на поле брани. С тех пор стали называть родник «Двенадцать ключей», а деревню – Свиридово. 2. Дмитрий Донской с войском шел на Куликово поле, чтобы встретиться в битве с татарами. Когда они подошли к этому месту и встали лагерем, то нужно было напоить войско, а воды родника, бьющего из-под камня, не хватало. Легенда этого камня гласила, что если сдвинуть этот камень, то забьет еще одиннадцать родников. Сколько людей ни пытались поднять его — никому этого не удалось. Тогда сам князь Дмитрий Иванович спрыгнул с коня и подошел к камню. Едва он коснулся его, камень отвалился, и забили еще одиннадцать родников, да так, что можно было напоить все многотысячное войско. 3. Когда войско Дмитрия Ивановича возвращалось с Куликовской битвы, то в этом

месте остановилось отдохнуть. И тогда на них неожиданно напали рязанские дружины. В короткой битве погибло двенадцать витязей. Там, где каждый пал, и забил родник. А другие добавляют, что похоронили их на горе в курганах» [9].

В христианстве число двенадцать носит символический смысл и ассоциируется в памяти народной с двенадцатью апостолами, учениками Христа. Отражено число двенадцать и в названии храмов, которые воздвигались на Руси во имя Святых Двенадцати Апостолов.

Название *Прощёный колодец*, как и название речки *Прощёная*, по народному преданию, восходит к событиям Куликовской битвы: «Именно здесь – вблизи могучих вод Дона – Дмитрий омывал тела павших ратников, служа панихиду, и с помощью целебной воды излечивал раны еще живых воинов. <...> По преданиям, она лечит от всех, даже самых тяжких и смертельных хворей, помогает несчастным и успокаивает страждущих.

Впервые упоминания об этом источнике встречаются в документах 18 века...» [15]. Название колодца и речки неразрывно связаны с обрядом православной панихиды, которая проводилась на Куликовом поле во время прощания князя Дмитрия Ивановича Донского и его дружины с павшими воинами.

В пятую ЛСГ входит название *Семь березок* – «березовая роща над оврагом, слева от песчаного карьера в сторону села Умчино» (Тул. Щёк. Крапив.). Известно, что «число *семь* стало сакральной мерой позднее архетипического числа *три*, и оно согласовалось с числом дней лунного цикла, с семизвездностью Большой Медведицы, наиболее почитаемого созвездия северного полушария, с суммой четырех сторон света и трех главных вертикальных сфер Вселенной (Нижней, Средней, Верхней)» [5, с. 316]. Ср.: *Семик*, м. 11. Созвездие Малой Медведицы. Гавр.-Ямск. Яросл., 1961. [16, с. 154].

Однако в Православии число семь, равно как и другие числа, не считается числом сакральным, а носит исключительно символический смысл, т.е., указывает на тот или иной священный объект. Семь – это символ полноты, совершенства: Господь сотворит этот мир за семь дней; полнота Божественной благодати изображается с помощью семи даров Святого Духа.

У язычников береза являлась символом неисчерпаемой жизненной силы, символизировала женское начало, заботу, здоровье и жизнь, поэтому к ней нередко обращались за помощью. По свидетельству Н.Н. Велецкой, которая ссылается на И.П. Сахарова, во время совершения обряда проводов весны, на неделе всех святых устраивали игрище, непременным участником которого был мужик с венком из березовых ветвей на голове [4, с. 99]. Во время Зеленых святок (Семик) в село вносили березку, завивали из березовых веток венки. На Семик также было принято завивать березу, а развивать на Троицу. Подробное описание этого праздника мы находим в книге А.А. Коринфского «Народная Русь» [6, с. 258–263]. Бытовало в народе поверье и о том, что на Петров день русалки, не успевшие вернуться в свои водоемы, где они должны были крепко спать, особенно пакостили людям в березовом лесу, а на полях вытаптывали овес. В южных губерниях России считали, что русалки покидали землю именно на Петров день. Дабы защитить поля от русалок, молодежь собиралась в полях с вечера и караулила солнце. По воспоминаниям старожил (А.И. Трошина, 1901 г/р), в Тульской губернии на Петров день ходили смотреть в поля как «играет солнце» и старые, и молодые. Описание этого поверья мы находим в стихотворении И. А. Бунина «Петров день»: *Девушки-русалочки, / Нынче наш последний день! / Свет за лесом занимается, / Побледнели небеса, / Собираются с дубинами / Мужики из деревень / На опушку, к морю сизому / Холодного овса... <...> Да идут на нас с дрекольем из села. / Что ж! Мы стаей на откосы, / На опушку – из берез, / На бегу растреплем косы, /*

Упадем с разбега в росы / И до слез / Щекотать друг друга будем, / Хохотать и, назло людям, / Мять овес! (И.А. Бунин. Петров день).

Христиане тоже относились к березе почтительно: в народе бытовало предание, согласно которому под березой Богомладенец Иисус и Богородица прятались от непогоды; на Троицу храм украшали молодыми березками, дома ставили освященные в церкви березовые ветви, из веток березы девушки плели венки, в березовых рощах проходили народные гулянья. С принятием христианства два праздника Семик и Троица совпали по времени проведения. Ср.: Семик, м. 5. Седьмая неделя после Пасхи. Тул. Тул.; 6. Праздник Троицы. Зап., Даль. Нижнетавд. Ворон., Калуж. [16, с. 154].

После кончины человека на его могиле у изголовья нередко сажали березу, обычно плакучую, о чем пишет И.А. Бунин в «Жизни Арсеньева»: «...Он, или, вернее, его череп и кости все будут лежать и лежать в земле за этой церковью, в высокой траве под березкой, которую нынче посадят в его возглавии, и которая станет некогда большим и прекрасным белоствольным деревом со своей низко струящейся и сладко трепещущей в долгий летний день серо-зеленой верхушкой...» [2, с. 365]. Таким образом, мы можем предположить, что название *Семь березок* достаточно старое и обозначает место, которое как-то связано с народными религиозными верованиями и обычаями.

Заключение. В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

1. На территории современной Тульской области сохранились микропонимы, по своему происхождению связанные как с языческими, так и христианскими культурами: *Семь березок*. Причем со временем на языческую семантику в названии могла накладываться семантика христианская.

2. Подавляющее большинство сакральных микропонимов по своему происхождению восходят к экклезионимам, что свидетельствует а) о приверженности русского народа к православию и б) о традиции наименования населенного пункта «по храму»: *Никольское, Покровское, Архангельское* и др.

3. По причине частотности одинаковых ойконимов, образованных от экклезионимов, на географической карте России многие сакральные названия населенных пунктов были заменены, во избежание путаницы в документах, на светские наименования: *Архангельское – Царёво; Покровское – Лапотково; Покровское – Потёмкино*.

4. Многие сакральные наименования населенных пунктов после Октябрьской революции в результате проводимой большевиками компании «За новые имена» получили новые названия: село *Сергиевское* – город *Плавск*: по реке Плава, на берегу которой он расположен.

5. Сакральные микропонимы, используемые для обозначения речушек, колодцев источников, по происхождению связаны с Куликовской битвой и православным вероучением: речка *Прощёная*, колодец *Прощёный*, источник *Двенадцать ключей*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.
2. Бунин И.А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. – М.: Правда, 1988. – 542 с.
3. Бутович Я.И. Лошади моего сердца. Из воспоминаний коннозаводчика / Я.И. Бутович. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2013. – 576 с.
4. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов / Н.Н. Велецкая. – М.: София, 2003. – 240 с.
5. Климкова Л.А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира / Л.А. Климкова. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.

6. Коринфский А.А. Народная Русь / А.А. Коринфский. – Смоленск: Русич, 1995. – 656 с.
7. Майорова Т.В. История Тульского края в географических названиях / Т.В. Майорова. – Тула : изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2009. – 176 с.
8. Малицкий П.И. Приходы и церкви Тульской епархии : извлечение из церковно-приходских летописей / П.И. Малицкий. – Тула : Тип. Н.И. Соколова, 1895. – 820 с.
9. Махель Д.А. Двенадцать ключей / Д.А. Махель // Веневский уезд : сайт. – 2014–2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://veneua.ru/12keys.html> (дата обращения: 05.10.2023).
10. Никонов В.Н. Имя и общество / В.Н. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
11. Новое Никольское. Церковь Николая Чудотворца // Соборы.ру : народный каталог православной архитектуры. – 2002–2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sobory.ru/article/?object=46263&ysclid=looh217ksv102720135> (дата обращения 07.11.2023).
12. Огнев В.М. Из истории села Никольское (Никольское Пономарево) / В.М. Огнев // Краеведение. Генеалогия : сайт. – 2011–2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kraeved71-48.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=69&Itemid=97 (дата обращения 07.11.2023).
13. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: в 19 т. Т. 2. Среднерусская черноземная область / под. ред. В.П. Семенова. – СПб. : Издание А.Ф. Девриена, 1902. – 717 с.
14. Сведения о помещичьих имениях 1860 года. Т. 1–6 // КартоЮг : сайт. – 2013–2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?f=19&t=513> (дата обращения: 07.09.2023).
15. Святой Прощеный колодец. Тульская область // GoToNature.ru : сайт. – 2015–2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gotonature.ru/784-svyatoy-proschenyy-kolodec.html> (дата обращения 05.11.2023).
16. Словарь русских народных говоров. Вып. 37 / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 2003. – 415 с.
17. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – Вып. 44 : Тульская губерния : ... по сведениям 1859 года / сост. и изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел ; обраб. В. Левшиным и ред. Е. Огородниковым. 1862 // Государственная Публичная Историческая библиотека России: электронная библиотека. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibr.shpl.ru/nodes/17510> (дата обращения 05.11.2023).
18. Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская и др. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.
19. Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку / Д.Н. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 888 с.

Поступила в редакцию 02.11.2023 г.

SACRED MICROTOPYMY OF TULA REGION

I.V. Panteleev

The comprehensive study of sacred microtoponyms of various areas in Tula region is relevant due to the fact that at present there is a steady interest in local names in domestic onomastics. Sacred toponyms reflect the religious views of people, who inhabited and inhabit a specific territory of the Russian Federation. The sacred microtoponymy of Tula Region is still understudied. The new scientific material contributes to the present-day studies and fills in the existing gaps.

The article deals with the sacred microtoponyms of Tula region. They are viewed synchronically and diachronically, as well as in terms of motivation, origin, and functioning in the local residents' speech. Their territorial prevalence in other regions of Russia is touched upon, too. The analysis of extralinguistic factors makes it possible to establish the reasons for their appearance, active use, replacement with new proper names and transition from the active vocabulary to the passive vocabulary.

Key words: Tula region, sacred microtoponymy, synchrony and diachrony, Christianity, paganism.

Пантелеев Игорь Валентинович.

Кандидат филологических наук, независимый исследователь.

E-mail: igvpant@mail.ru

Panteleev Igor Valentinovich.

Candidate of Philological Sciences, independent researcher.

E-mail: igvpant@mail.ru

УДК 81:25

**ЯЗЫКОВАЯ АТМОСФЕРА ЮНОГО ЛЕНИНГРАДЦА:
ДОМ – ДВОР – РАЙОН**

© 2023 Г.Ю. Смирнова

Гильдия драматургов Санкт-Петербурга

Настоящая работа – попытка через несколько десятилетий восстановить в памяти некоторые особенности речи жителей Василеостровского района Ленинграда 60–70-х годов XX века. Главным объектом становятся топонимы части района, называемой Гаванью, а также некоторые «маркеры», характеризующие жителей этого региона. Детские воспоминания автора, составляющие языковой материал статьи, рассмотрены с точки зрения лингвиста. В качестве аргументов приводятся произведения и воспоминания известного поэта и писателя В.С. Шефнера, прожившего почти всю жизнь на Васильевском острове, а также материалы краеведческих работ и воспоминаний старожилов Гавани, почерпнутые из соцсетей.

Ключевые слова: язык города, региолект, топонимы, антропонимы, эмпоронимы, современный фольклор, детский фольклор

Настоящая работа затрагивает речевые (языковые) особенности жителей Гавани (и шире – Васильевского острова) Ленинграда. В первую очередь за основу берутся детские воспоминания 60–70-х годов автора статьи, подкреплённые иными свидетельствами, взятыми как из книг краеведческого характера, так и из художественной литературы. Кроме этого, одним из источников служат воспоминания старожилов Гавани, почерпнутые из соцсетей. Наименования объектов близкого окружения, усвоенные и употребляемые в детстве, рассматриваются теперь в проекции на современную грамматику и словообразование и отчасти культуру речи. Таким образом, можно будет заметить как особенности речи горожан Гавани определённого времени, так и ее общеупотребительность.

В художественной литературе XX века нередки упоминания о Васильевском острове, нередко здесь происходят основные действия, например, в произведениях К. Вагинова и В. Каверина. Иногда в художественных произведениях можно встретить некий «маркер», отсылающий нас на Васильевский остров. Так, в трилогии Германа Матвеева «Тарантул» упоминаются реалии блокадного Ленинграда: *Сысоев сел неподалеку на бухту каната и стал закручивать сигарку: – Эх, матрац моей бабушки! // Так называли табак – махорку, смешанную с листьями клена, дуба, которую выпускала табачная фабрика во время блокады* [7, с. 138–139]. Безусловно, в этой цитате таким маркером становится Табачная фабрика им. Урицкого, находящаяся на Васильевском острове, на углу 9-й линии и Среднего проспекта.

Ценным источником становятся, бесспорно, произведения В.С. Шефнера – истинного «васинца» (как называет он себя и жителей Васильевского острова).

Особый язык города Петербурга – Ленинграда сформировался на протяжении трех столетий за счёт вливания чужой речи – иностранцев, ремесленников, низкосоциальных и асоциальных элементов и крестьян. Почти все эти инкрустации надолго остались в речи горожан, сформировав особый ленинградский язык. Появились в последнее время лексиконы петербургского-ленинградского языка [1; 10]. Об особом языке нашего города, имеющем различия в лексике и отчасти в грамматике, упоминают публицисты и краеведы, к лингвистическим работам следует отнести основополагающее исследование Б.А. Ларина, а также книгу В.В. Колесова «Язык

города», в которых отмечены разные факторы становления языка этого региона, их отличительные особенности, например, от московской речи. В первую очередь, это уже известные всем ленинградские *вставочка* и *авоська*, а также вызывающие споры в соцсетях лексемы *парадная* и *подъезд*. Однако последнее не представляется строго дифференцированным по региону. Скорее всего, более употребительными в Ленинграде были слова *лестница* и *парадная*. *Он живёт по второй парадной* (с характерным предлогом *по*). Ср. также жаргонное образование *парадняк*.

В детском рассказе В. Драгунского «Англичанин Павля» мальчик, учивший все лето английский язык, выучил только одно слово. *«По-английски Петя будет Пим. – Он радостно засмеялся и добавил: – Вот завтра приду в класс и скажу Петьке Горбушкину: «Пим, а Пим, дай ластик!» Небось рот разинет, ничего не поймёт»* [4].

Для ленинградской девочки в этом отрывке «чужим» оказалось еще и слово *ластик*. Ленинградские школьники употребляли слово *резинка*. Начиная с перестройки, слово *ластик* стало проникать и в нашу городскую речь, однако современные школьники предпочитают употреблять слова *стерка* или *стиралка*. В наименовании актуализировалась функция данного предмета. Взрослые горожане старших поколений (уроженцы города) по-прежнему используют в речи слово *резинка*.

Детское восприятие взрослой речи всегда очень острое и таковым остаётся долгое время, особенно, если не получает толкования того или иного наименования. Так, в нашей квартире у всех трех женщин были широкие, возможно, трикотажные, кофты синего или коричневого цветов. Они не держали форму и растягивались по любой фигуре. С изнанки это изделие напоминало либо пушистую фланель, либо тонкий войлок. Такую кофту в нашей коммунальной квартире называли *пыжом* (*пыж*). Ни толковые словари русского языка, ни Словарь русских народных говоров не фиксируют слова в таком значении. Основное значение слова *пыж* – «элемент для выстрела в огнестрельном гладкоствольном оружии». В конце XIX века пыжи обычно изготавливались из войлока, шерсти или пеньки. В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) можно встретить словосочетания *войлочный пыж*, *шерстяной пыж*, *кудельный пыж*. Неясно, была ли здесь какая-то образная связь, позволяющая назвать так женскую кофту. Возможно, она была добротной тёплой и, словно охотничий пыж, который обеспечивал герметизацию канала ружья, не пропускала холода. Любопытное употребление слова *пыж*, в котором акцент сделан, по-видимому, на функцию «затыкания». *«Один из тех, кто был на моем новоселье, пригласил к себе в гости по поводу, если не ошибаюсь, дня рождения своего или жены. И что же? Сажусь за стол, беру вилку, чтобы «заготовить пыжа», то есть закуску. Евгений Весник. Дарю, что помню (1997) [8].*

Не могу не упомянуть о детском «дворовом» фольклоре. Это часто используемые в то время детские обзывания, пейоративные словосочетания а) с использованием районного «маркера», б) основанные на приёме подхвата-продолжения. Например, одним из маркеров был Пятая (5-ая) линия: *С Пятой линии сбежал! Ты что с Пятой линии сбежал? Ему на Пятую линию пора*. На 5-ой Линии в то время находилась психиатрическая больница.

Другим, похожим вариантом оскорбления был вопрос/утверждение: *Ты из четвертой школы? Он из четвертой школы*. Школа № 4 была специализированной школой для детей с задержкой в развитии. Другая школа № 4, открытая в 1965 году, была школой с углублённым изучением французского языка. Поэтому в качестве реакции на обидное, отвечали (редко): *«Да, я из французской»*.

Физические недостатки редко осмеивались, но существовало оскорбление *С Косой линии* для ребёнка с косоглазием (как правило, для чужака двора, не своего). Косая линия – одна из улиц Васильевского острова, которая не расположена параллельно другим линиям, а направлена в сторону и пересекается с Кожевенной линией.

Дразнилка, основанная на подхвате-продолжении, представляла собой некую словесную перепалку, в которой побеждал тот, за кем оставалось последнее слово:

– Дурак.

- Дура.

- Твоя мама.

- Хороший человек.

- По навозным делам.

Понятно, что *мама* могла заменяться словом *papa*. Далее могло быть продолжение менее употребительное: – *Не разбираешься!* / – *Только во сне.*

Пейоратив *сопля голландская* имеет несколько толкований относительно происхождения, однако в детской речи никакой привязки к значению не было. Слово *сопля* было само по себе пейоративным. Возникло и продолжение: *Сопля голландская, жопа американская.*

Безобидным и шутивным было выражение *Врешь ты всё, и бабка твоя в фантики играет.*

Деление на чужих и своих могло возникать стихийно и беспричинно, тогда начиналась война дворов и мальчишеские драки. Два двора, названные по ведомственным домам – Балтийский (от Балтийского завода) и Калининский (от завода им. М.И. Калинина) разделялись проездом. Жители домов в этих дворах назывались *балтийские* и *калининские*. Детей нашего двора могли просто назвать *балтисками*. В.С. Шефнер в повести «Счастливый неудачник» рассказывает о драках между *Чётными* и *Нечётными*. Васильевский остров в основном поделён на линии и Гавань. В «линейной» части каждая сторона улицы носит своё название (номер). «Если кого-то из *Нечётных* ловили в одиночку на *Шестнадцатой линии*, то его колотили. То же происходило с *Чётными*, попавшими на *Семнадцатую линию*» [12, с. 376]. И далее: «А драться на *Васильевском умели! Недаром он славился своей шпаной*» [12, с. 376].

Так называемая *шпана* тоже была поделена на *Гаванскую шпану* и *линейных*. К Гаванской шпане относились пренебрежительно, т.к. исторически это была рабочая окраина. Благодаря старожилам Гавани сохранилась следующая частушка:

*Как у Гаванской шпаны
На троих одни штаны
Один носит, другой просит,
Третий в очереди ждёт*

(Текст предоставлен краеведом Павлом Гулькиным.)

Прежде всего в языке Гавани представлена ономастика: названия магазинов, развлекательных учреждений и прогулочных мест, прозвища людей, известных многим жителям Гавани и пр. Хотя эмпоронимы – названия магазинов – считаются миром постоянно изменяющихся и исчезающих названий, однако на протяжении нескольких десятков лет магазины на Гаванской улице не меняли своей номинации в речи жителей.

ГУМ – *Гаванский универсальный магазин* по раннему официальному названию. В 70-80-х получил название *Зелёная колбаса* (сведения получены от жительницы Гавани Галины Гадаловой)

МОЛОКОСОЮЗ – молочный магазин по названию огромной вывески над дверями. Наименование в речи обязательно подчёркивалось в отличие от других магазинов молочной продукции.

У Семена – мясной магазин, известный с довоенных лет, в котором долго то ли рубщиком мяса, то ли директором был человек по имени Семен. *Сходить к Семену. Фарш брала у Семена.*

Низочек, низок – овощной магазин на углу Гаванской улицы в полуподвальном помещении. В предложном падеже употребляли чаще в *низочке*. *Картошку брала в низочке.*

В 70-х годах получили названия: *Гаванский универмаг – Гавана; Гаванский Стекланный рынок – Стегляшка, Дом культуры им. Серго Орджоникидзе – Джон.*

Из топонимических названий следует упомянуть и *Мраморный зал*, танцевальный зал в ДК им. С.М. Кирова. В речи – просто *Мраморный*. Упоминание о нем в пьесе А.М. Володина:

Слава. Я что – всякий?

Катя. А ты думал, тебе особая привилегия? Иди в *Мраморный зал* на танцы, там есть такие страшенькие, специально для тебя [3].

С 70-х годов *Мраморный зал* начал пользоваться дурной славой.

Отметим также несколько антропонимов. Эти личности были известны почти всем жителям Гавани.

Люба Гаванская – женщина с психическим расстройством, довольно агрессивная. Известна с довоенных лет, пережила блокаду. Номинация по месту проживания.

Копченый – один из главарей гаванской шпаны во время блокады. Промышлял кражей продуктовых карточек в очередях. Прозвище получил по темной коже лица – то ли обожженной, то ли сильно пигментированной.

(Саша) Соли-надо – рыбный магазин, в котором этот человек работал продавцом. Прозвище закрепилось потому, что каждой хозяйке, покупавшей рыбу, напоминал: «Соли надо? Соли надо?»

Сестры Бэрри – женщины-близнецы с нервно-психическим заболеванием. Получили прозвище от американского джазового дуэта, посетившего в 1959 году СССР. Гаванские женщины были светловолосы, славянской внешности, всегда ходили вместе под руку. Возможно, прозвище закрепилось за ними вследствие как популярности американского дуэта, так и родового наименования «сестры» и неразлучности этих женщин.

В назывании некоторых женщин, жильцов нашего дома, присутствует модель с суффиксом *-их-*, исторически образовывавшего существительное со значением «жена такого-то». В нашем случае образование идет не от рода занятий, а от фамилии. Поскольку мужей этих женщин могли и не знать (погибли на войне или были в разводе), то, на наш взгляд словообразование могло идти как от мужской фамилии, так и от женской, по аналогии: *Стрельчиха* (от *Стрелков* или *Стрелкова*), *Селиваниха* (от *Селиванов* или *Селиванова*), *Сериха* (*Серов, Серова*), *Бараниха* (*Баранов, Баранова*). В доме напротив жила *Юристиха*, женщина-юрист. Разумеется, эти прозвища не являлись обращениями к упомянутым людям. Что касается модели, то для русского языка она может считаться общеупотребительной.

В последние годы возмущение коренных жителей Ленинграда (Петербурга) вызывает распространившиеся номинации объектов города с уменьшительным суффиксом:

Апрашка – Апраксин двор, торговые ряды.

Гостинка – Гостиный Двор.

Васька – Васильевский остров или станция метро «Василеостровская». Ср. у Шефнера *Васин остров*.

Петроградка – Петроградская сторона.

Высказывалось мнение, что это особый способ провинциала унизить большой и величественный город путем образования новых топонимов жаргонизированного характера с помощью суффиксов со значением уничижительности или уменьшительности. Можно согласиться с этим, поскольку такие образования начал активное бытование с конца XX века. Как пишет В.В. Колесов в работе «Язык города», «новое рождается не от языка, а «от людей», с которыми входишь в общение. Важна не просто информация, данная в слове (в данном случае – в топониме – *Г.С.*), по отношению к незнакомому, новому [5]. И еще цитата из работы основоположника исследований, связанных с языком город, Б.А. Ларина: «...каждая языковая «партия» в городе (как в фокусе государства) отстаивает «свой» язык, т.е. тот, какой наиболее привычен ее членам» [6]. Если принять всех приезжих за «партию», то в этом высказывании можно найти рациональное зерно. Однако коренные ленинградцы забыли, что в городском лексиконе прежних лет существовали *Мариинка* (несмотря на то, что Театр оперы и балета носил имя С.М.Кирова), *Публичка* (Государственная Публичная библиотека), *Горьковка* (библиотека ЛГУ им.М.Горького), *Шкиперка* (Шкиперский проток, небольшая, в 5 домов, улица в Гавани, бывшая засыпанная протока), *Лиговка* (Лиговский проспект) и др.

В заключение хотелось бы остановить внимание на вопросах, связанных как с грамматикой, так и с культурой речи. Так, названия улиц, переулков на Васильевском острове, главным образом, включают порядковые числительные (*Восьмая линия, 29-ая Линия*) и относительные прилагательные (*Косая линия, Кожевенная линия, Съездовская (Кадетская) линии, Донская улица, Камская улица, Днепровский переулок* и пр.). В Гаванской части есть несколько улиц, названных по имени тогдашних домовладельцев – *улица Опочинина, улица Остоумова, Карташихина улица*. Официальное написание *Остоумова ул., Карташихина ул., Опочинина ул.* Жильцы нашего дома, как, вероятно, и прочие жители Гавани, склоняли в устной речи названия улиц – *на Карташихиной, на Остоумовой, на Опочининой*. Не будем принимать во внимание культурную (языковую) память в слове. *Остоумова* и *Опочинина* улицы названы по женской фамилии – домовладелицы, жены комиссара П.А. Стоумовой и жены флотского капитана М.В. Опочининой соответственно. Название *Карташихина* образовано как притяжательное прилагательное от фамилии домовладельца, капитан-лейтенанта П. Карташева [9, с. 144, 527, 529] Возникают вопросы как с нормативным произношением, так и с документным оформлением, а шире – с культурной памятью горожан. Ср., например, *Басков переулок. Жить в Басковом переулке*. Можно привести пример, когда культурная память «оживила» в названии улицы *Вёсельная* (вместо характерного употребления в 60–70-е *Весельная*). И обратный пример: Гаванская улица в устах иногородних превращается в Гаванскую.

Таким образом, приведенные примеры могут показать, что язык крупных городов тоже может быть неоднороден, особенно в лексическом плане. Каждому району или его части могут быть присущи свои характерные языковые черты. В первую очередь, это относится к топонимике, а также к формированию особых городских знаков, понятных только жителям той или иной части города. Например, загадка «Летит как бешеный, скобарями увешанный» об автобусе маршрута №151 содержит намек на особый маркер – так называемый *Скопской дворец* на Васильевском острове. Подобные

языковые (речевые) нюансы пополняют городские лексиконы и сохраняют культурную память жителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов И.А. Ленинградский лексикон / И.А. Богданов. – СПб.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 351 с.
2. Бузинов В.М. Десять прогулок по Васильевскому / В.М. Бузинов. – СПб.: Остров, 2006. – 196 с.
3. Володин А.М. Пять вечеров / А.М. Володин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lib-drama.narod.ru/volodin/fiveevening.html> (дата обращения: 25.10.2023).
4. Драгунский В.Ю. Англичанин Павля / В.Ю. Драгунский. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nukadeti.ru/skazki/anglichanin_pavlya (дата обращения: 25.10.2023).
5. Колесов В.В. Язык города / В.В. Колесов. – <https://libking.ru/books/sci-/sci-linguistic/410596-vladimir-kolesov-yazyk-goroda.html> (дата обращения: 25.10.2023).
6. Ларин Б.А. К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание / Б.А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – С. 189–199.
7. Матвеев Г.И. Тарантул / Г.И. Матвеев. – Уфа, : Башкирское книжное издательство, 1958. – 528 с.
8. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 25.10.2023).
9. Никитенко Г.Ю. Дома и люди Васильевского острова / Г.Ю. Никитенко, В.Д. Соболев. – М., : ЗАО Центрполиграф, 2007. – 735 с.
10. Синдловский Н.А. Словарь петербуржца. Лексикон Северной столицы. История и современность / Н.А. Синдловский. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/slovar-peterburzhca-leksikon-severnoj-stoliciy-istoriya-i-sovremennost-read-355506-50.html> (дата обращения: 25.10.2023).
11. Шефнер В.С. Имя для птицы, или Чаепитие на желтой веранде / В.С. Шефнер. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://libking.ru/books/prose-/prose-su-classics/174096-75-vadim-shefner-imya-dlya-ptitsy-ili-chaepitie-na-zheltoy-verande.html#book> (дата обращения: 25.10.2023).
12. Шефнер В.С. Сестра печали. Счастливый неудачник. Человек с пятью «не», или Исповедь простодушного / В.С. Шефнер. – Л.: Лениздат, 1980. – 528 с.

Поступила в редакцию 05.11.2023 г.

LINGUISTIC ATMOSPHERE OF YOUNG INHABITANT OF LENINGRADE: HOUSE – YARD – DISTRICT

G.Yu. Smirnova

This work is an attempt in a few decades to restore in memory some features of the speech of residents of the Vasileostrovsky district of Leningrad in the 60s – 70s of the twentieth century. The focus is made on the toponyms of the part of the area called the Harbor, as well as on some "markers" that characterize the inhabitants of this area. The author's childhood memories, which make up the linguistic material of the article, are considered from the point of view of a linguist. As arguments, the works and memoirs of the famous poet and writer V.S. Shefner, who lived almost all his life on Vasilievsky Island, as well as materials of local history works and memories of old-timers of the Harbor, gleaned from social networks, are given.

Key words: city language, regiolect, toponyms, anthroponyms, emporonyms, modern folklore, children's folklore

Смирнова Галина Юрьевна.
Кандидат филологических наук.
Гильдия драматургов.
E-mail: smiga58@list.ru

Smirnova Galina Yurievna.
Candidate of Philology.
Russian Federation, St. Petersburg.
E-mail: smiga58@list.ru

УДК 811

**ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА
В СТРАНАХ СНГ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОМИЗМА
НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ
(КЕЙС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА)**

© 2023 *И.А. Акулович¹, Е.В. Романин²*

¹*Гуманитарный факультет Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)*

²*Независимый исследователь*

В работе рассматриваются особенности региональных вариантов русского языка Республики Беларусь и Республики Молдова как средство создания комизма на материале интернет-мемов, представляющих интерес как отражение лингвистической и культурной авторефлексии русскоязычных жителей данных постсоветских республик. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения интернет-мемов как важной составляющей современного сетевого фольклора, а также лучшего понимания процессов, происходящих в сознании носителей русского языка постсоветской эпохи в иноязычном окружении. Местные языковые особенности активно применяются жителями обеих республик как средство создания комизма. Мемы делятся на две группы: в первой региональные языковые особенности используются как побочное средство создания местного колорита; во второй они служат основой комизма или же вовсе предметом мема. Использование региональных черт в интернет-мемах является не только способом вызвать смех, но также выступает средством осознания себя как носителя регионального субнормативного варианта языка; на базе единения в смехе укрепляется региональная идентичность, противопоставленная как общностям носителей титульных языков, так и общности носителей общерусской литературной нормы.

Ключевые слова: русский язык, региональный вариант, Беларусь, Молдова, билингвизм, языковая интерференция, лингвистическая авторефлексия, идентичность, интернет-мем, комизм.

Введение. Русский язык в странах СНГ вот уже больше тридцати лет проходит свой самостоятельный путь развития, независимый от пути развития русского языка на территории Российской Федерации. В каждой из бывших республик Советского Союза существуют свои собственные, уникальные условия его бытования, однако неизменным условием является его сосуществование в том или ином статусе с языком титульного этноса, что также коренным образом отличается от условий, в которых русский язык существует на большей части территории России. Согласно формулировке Т.П. Млечко, «ближнее зарубежье – объективно иная не только геополитическая, но и лингвокультурная реальность, в которой исторически присутствует русская составляющая. Здесь изменилось не место пребывания людей, а положение языков и языковые требования к русофонам в прежней среде их векового проживания, что, как реальное отражение результатов произошедших перемен, повлияло на характеристики языковой личности» [1]. Условия двуязычной среды, в которой в силу исторических причин оказались носители РЯ, с неизбежностью порождают языковую интерференцию; языковая интерференция становится поводом для осознанной языковой игры (см. [2], [3], [4]); языковая игра, в свою очередь, оказывается основой для народного творчества (см. [5]). Изучать такой макаронический фольклор имеет смысл не только как вещь в себе, но и как инструмент формирования русской языковой личности ближнего зарубежья – орудие ее лингвистической авторефлексии и осознания себя носителем русского в иноязычном окружении. Помимо традиционных форм фольклора, в информационную эпоху всё более важное значение приобретает сетевой фольклор и, в частности, такая

важная его составляющая, как интернет-мем (по поводу фольклорной природы интернет-мема см. например, [6]). Тема эта ещё недостаточно изучена в рамках традиционной фольклористики, контактологии и теории комического, а потому её новизна и актуальность не нуждается в комментариях. Исходя из данного положения, наша цель – проанализировать на материале интернет-мемов, как именно (и какие именно) особенности региональных вариантов русского языка в странах СНГ используются в качестве средства создания комизма на материале интернет-мемов. Для анализа были выбраны кейсы Республики Молдова и Республики Беларусь – двух постсоветских государств, в каждом из которых имеется устойчивое русскоязычное сообщество, так или иначе сталкивающееся на повседневной основе с иноязычным окружением. Таким образом, объектом настоящего исследования выступают интернет-мемы, созданные русскоязычными жителями указанных государств, в которых тем или иным образом задействуются особенности региональных вариантов русского языка; предметом исследования являются языковые особенности, отражённые в подобных мемах, функции и нюансы их применения, а также сходства и различия в том, как данный механизм реализуется среди членов русскоязычных сообществ Молдовы и Беларуси. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: 1) собрать материал, то есть мемы, так или иначе отражающие особенности региональных вариантов русского языка, бытующих в РМ и РБ; 2) методом контекстного и прагматилистического анализа установить, какие именно языковые особенности получают отражение в интернет-мемах и каким образом они используются для создания комизма; 3) методом сравнительного анализа установить сходства и различия в специфике отражений местных особенностей русского языка в мемах РМ и РБ.

История вопроса. К рассмотрению истории вопроса, по нашему мнению, имеет смысл подходить с двух сторон. С одной стороны, проблема языковых контактов на постсоветском пространстве вообще и в указанных республиках в частности рассматривалась в литературе неоднократно и весьма подробно. Так, языковая ситуация на территории РБ и местная специфика русского языка изучались в работах В.Д. Старичёнка [7], В.А. Масловой [8], А.А. Сомина [9], О.С. Горицкой [10], Н.В. Супрунчука [11] и др. Аналогичная проблема на территории РМ исследовалась в работах Т.П. Млечко ([1], [2]), И.А. Ионовой [3], В. Тудосе [4], Н. Киблик [5] и др. Большинство перечисленных авторов, пишущих об РМ, также в той или иной степени уделяют внимание отражению двуязычия в языковой игре и фольклоре; что касается вопроса взаимодействия русского и белорусского языков, то он раскрыт гораздо слабее. С другой стороны, имеется довольно большое количество публикаций, раскрывающих тему интернет-мемов, их фольклорной природы и реализации в них разнообразных средств комического, в том числе языковой игры и переключения кодов как средства создания комизма, - к таким мы можем отнести труды Н.В. Канашиной [12], Н.А. Прокофьевой и Е.А. Щегловой [13], Л.Р. Дускаевой [14], М.В. Миловановой и Е.В. Терентьевой [15], Т.А. Гридиной и С.С. Талашманова [16], М.С. Тихомировой [17] и др. Однако на стыке данных областей – региональной лингвистики/контактологии постсоветского пространства, фольклористики и исследований интернет-мемов – по-прежнему имеется белое пятно, частично заполнить которое призвано настоящее исследование.

Прежде всего, нужно отметить принципиальную разницу между статусом русского языка в Республике Беларусь и его положением в Республике Молдова. В первом случае это один из двух государственных языков, функционирующий наравне с белорусским в соответствии с референдумом 1995 года и законом «О языках в Республике Беларусь» (1998); при одинаковом законодательном статусе двух языков русский используется активнее, чем белорусский. Он преобладает в таких сферах, как наука, государственное

управление, образование, делопроизводство, средства массовой информации. Свободное владение русским языком становится объективной необходимостью и потребностью граждан, служит приобщению к духовным ценностям отечественной и мировой культуры [8]; причём распределение идиомов скорее не территориально, а социально: в сельской местности преобладают говоры белорусского языка, на всех уровнях интерферирующие с русским – так называемая «трасянка», в городах доминирует региональный вариант русского языка, в целом малоотличимый от московской нормы, при этом в городах же имеются отдельные анклавы национально-ориентированной интеллигенции, пользующейся литературным белорусским языком (или, по крайней мере, декларирующей такое использование) и мыслящей себя в оппозиции к русскоязычному большинству [9]. По свидетельству В.Д. Старичёнка, влияние белорусского языка на местный вариант русского затрагивает все языковые уровни. «Так, по аналогии с белорусской языковой нормой допускаются ошибочные для русского языка акцентологические формы *áрест, рéмень, дóска, ненави́сть, óсока, верба́*. Под влиянием белорусского языка в русской речи можно услышать фрикативное /г/ ([γ]од, [γ]ончар), твердое /ч/ (*чысты, чытаць*), употребление /дз'/ вместо мягкого /д'/ (*дзядзька, дзед*), твердое /р/ вместо мягкого /р'/ (*рытм, рысунок*) и др.» [7]. В белорусском региональном варианте русского языка (далее – БРВРЯ) отмечаются и лексические вкрапления из белорусского языка; чаще всего это безэквивалентная лексика: *дожинки* (бел. *дажынкi* ‘праздник окончания жатвы’), *кужаль* (‘очёсанный лён’) [8]; некоторые прагматонимы, связанные с общественно-политической жизнью РБ: *змагар* ‘борец’ (узуально используется в значении ‘оппозиционер’), *свядомыя* ‘сознательные’ (узуально используется в значении ‘оппозиционеры’), *красаўцы* ‘красавцы’ (узуально используется в значении ‘сторонники правительства; омовцы’), зачастую употребляемые как маркёры политической позиции говорящего; некоторые слова, имеющие общерусский эквивалент, но обозначающие понятия, занимающие особое место в концептуальной картине мира жителя РБ: *бульба* ‘картошка’, *вежа* ‘башня’, *брама* ‘арка; ворота’; просто лексические белорусизмы из разных сфер: *шуфлядка* ‘выдвижной ящик’, *потиху* ‘потихоньку’, *буська* ‘поцелуй’, ‘человек или животное, вызывающие умиление’, *с большаго / сбольшаго* ‘в общих чертах, в основном, в целом, большей частью’, *приснитъ* ‘увидеть во сне’ [11].

В Республике Молдова языковая ситуация обстоит принципиально иначе: за исключением непризнанной Приднестровской Молдавской Республики и АТО Гагаузия, русский язык лишён официального статуса и пользуется лишь не вполне определённым статусом «языка межнационального общения»; на русском языке производится образование, в том числе высшее. В силу этого большинство русскоязычных жителей РМ так или иначе владеет государственным языком; при этом большинство этнических молдаван также в какой-то степени владеет русским; русскоязычны также многие украинцы, гагаузы, болгары и представители других этносов, проживающих в РМ; треть жителей страны (около миллиона человек) предпочитают употреблять в обиходной речи русский язык, а свободно общаться на нём могут более двух миллионов; впрочем, наблюдается систематическая дискриминация русского языка в общественном пространстве [18]. В силу этого в молдавский региональный вариант русского языка (далее – МРВРЯ) во множестве проникают прагматонимы (*муниципий, карабинер, куррикулум*); безэквивалентная национально-окрашенная лексика (*плагинда* ‘слоёный пирог с начинкой’, *зама* ‘суп на мясном бульоне с лапшой’, *кырнэцэй* ‘колбаски’, *кумэтрия* ‘гулянка по случаю крестин’, *пеленица* ‘вид народного танца’) [3]; кроме того, в рамках официально-делового дискурса используются формы топонимов, принятые в молдавском языке (например, *Кэлэрашь, Бричень, Унгень* вместо традиционно принятых русских форм

Калараш, Бричаны, Унгены); в устной речи применяются заимствованные дискурсивные слова (*мэй, фа, эй да*), семантические кальки (*синие* ‘баклажаны’ < молд. *vinete*; *ставить* вместо *класть* – в молдавском обоим глаголам соответствует один *a pune*). В разговорной же речи молдовенизмы часто используются с игровой установкой, легко интегрируются в молодёжный жаргон для повышения экспрессивности: «*фэт-фрумос* (ирон.-издев.) — нескладный товарищ, от молдавского аналога русского обозначения добрый молодец; *баба хырка* — несимпатичная девушка, от молдавского аналога русского обозначения бабы яги»; внедряются в состав устойчивых выражений, замещая общерусские эквиваленты: *скырба заела* ср. *тоска заела*; *упасть в попушой* (в кукурузу) ‘попасть в неприятное смешное положение, опозориться’ [2]; фиксируются целые пласты произведений паремиологического жанра (фразеологизмов, поговорок, пословиц) и макаронической поэзии, строящиеся на переключении кодов [3; 4; 5]. На фонетическом уровне интерференция выражается в воспроизведении отдельных черт молдавского акцента в русском языке, зачастую – тоже в игровой форме: произнесение альвеолярных /д/, /т/, /н/, /л/ вместо зубных; /шʲ/ вместо /ч/; /гʲ/, /кʲ/ вместо /дʲ/, /тʲ/ (*кёкя Какя с гягей Гимой*); произношение палатализованных согласных перед /э/ в тех случаях, когда согласно норме РЯ там произносятся непалатализованные (/инт ’эрт ’энт/).

Таким образом, мы видим, что языковая игра, основанная на переключении кодов, является частотной основой для лингвистического фольклора на постсоветском пространстве, в том числе и в постсоветском интернет-пространстве. Одной из форм бытования нового фольклора в сети Интернет является мем. Под интернет-мемом мы понимаем не «единицу культурной информации», как предписывается изначальным определением этого термина, данным Ричардом Докинзом, а «небольшой по объёму мультимодальный текст, включающий визуальный компонент (как правило, фотографию или серию фотографий, рисунок и пр.) и краткое высказывание-комментарий, конфликтующее с изображением, что и обеспечивает комический эффект» [13, с. 2]. Ведущей прагматической функцией Интернет-мемов является юмористическая; средством создания комизма зачастую выступает языковая игра, а из конкретных механизмов её проявления можно отметить рифму, омонимию, синтез кодов внутри одного слова, стилистический диссонанс, использование иноязычных клише, аббревиацию, сравнение, лингвистический абсурд, межъязыковые пародии [17].

Как пишут Н.А. Прокофьева и Е.В. Щеглова, «при всей своей интернациональности в отдельных случаях в них [т.е. в мемах] проявляется яркая национальная специфичность» [13, с. 52]. Однако, по нашему мнению, специфичность в мемах отражается и на более дробном уровне – в данном случае, на региональном. В данной статье мы предпринимаем попытку проанализировать, как региональные особенности русского языка в странах СНГ отражаются в интернет-мемах на примере сетевого творчества русскоязычных жителей Республики Молдова и Республики Беларусь. Как отмечается в работе М.В. Миловановой и Е.В. Терентьевой, «в структуре ИМ [интернет-мема] в текстовом блоке широко представлены сниженные варианты литературного языка, что косвенно свидетельствует о том, что ИМ являются творчеством представителей массовой аудитории, а не официальных политических деятелей» [15, с. 60] – то есть мем, по сути своей, может являться наглядным инструментом для отражения языковых особенностей носителей региональных вариантов РЯ.

Анализ материала

1. Республика Молдова.

Материал для анализа собирался авторами на сайте vk.com в сообществах «Типичная Молдова», «Типичный Кишинёв», «Moldova Yesterday», «4CHAN.MD».

Мемы выполнены в разных жанрах; наиболее распространённым оказался жанр эдвайса, менее частотны жанры макроса, комикса и фотожабы (классификация даётся по М.В. Миловановой и Е.В. Терентьевой [15, с. 63-64]).

Региональные особенности русского языка в Республике Молдова используются в мемах в нескольких целях:

- 1) Для создания местного колорита (и интимизации общения с аудиторией)
- 2) Как предмет, непосредственно обыгрываемый в меме.

Рис. 1 Мэй, что такой волосатый?

**Я с *văru* смотрим
как беременная
женщина пытается
найти свободное
место в троллике**

Рис. 2 Я с *văru* (двоюродным братом) смотрим[,] как беременная женщина пытается найти свободное место в троллике

**... МЭЙ, ТЫ КАК ПЛАЦИНДА
DE LA AUTOGARA.
ГОРЯЧАЯ, СОЧНАЯ
И ОПАСНАЯ!**

Рис. 3 Мэй, ты как *плацинда de la autogara* (с автовокзала). Горячая, сочная и опасная!

В рисунках 1–3 региональные элементы, представляющие собой как устоявшиеся заимствования (*плацинда* – слоёный пирог, специфичный для кухни Балканского полуострова), так и неосвоенные варваризмы (*văru*, *de la autogara*), данные в соответствии с грамматикой языка-источника (наличие определённого артикля *-и*, отсутствие падежного склонения) и даже приведённые не в транслитерации, а прямо латинским алфавитом, по сути, выполняют роль создания местного колорита. Если бы на рис. 2 вместо *с văru* было бы написано, к примеру, *с братюней*, смысл мема остался бы ровно тем же, однако, вероятно, был бы не так близок целевой аудитории и потенциально вызвал бы не столь сильный комический эффект.

ДОРОГИЕ ДОАМНЕ И ДОМНИШОАРЕ НАШЕГО ПАБЛИКА, ИСКРЕННЕ ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС С 8 МАРТОМ И ДАРИМ ВАМ ЭТИ ЦВЕТЫ В ЗНАК БЛАГОДАРНОСТИ ЗА ТО ЧТО ВЫ ЕСТЬ (И ЗА ХАЛЯВНЫЙ ВЫХОДНОЙ)

Рис. 4 Дорогие доамне и домнишоаре нашего паблика, искренне поздравляем вас с 8 мартом...

Важным элементом, а иногда и предметом для создания мемов является безэквивалентная лексика – ключевые слова молдавской культуры и связанные с ними концепты, так или иначе дорогие сердцу молдаванина: *мамалыга*, *плацинда*, *мэрцишор* и т.д.

Рис. 5 Николас Кейдж. Мэрцишорный барон

Мем, представленный на рис. 5, относится к жанру фотожабы и представляет собой пародию на постер фильма «Оружейный барон», но место оружия занимают *мэрцишоры* – красно-белые бутоньерки, которые в Молдове и Румынии дарят друг другу по случаю одноимённого праздника, знаменующего начало весны. Эту традицию практикуют в РМ и

В меме на рис. 4 языковая интерференция (*доамне* и *домнишоаре* ‘дамы и барышни’ – вежливое обращение к замужним и незамужним женщинам) также дана для создания местного колорита, однако создаёт комический эффект не сама по себе, а в сочетании с грамматически ненормативной формой *с 8 мартом* (правда, остаётся вопрос, допущена ли эта ошибка намеренно) и невербальным компонентом – изображением *Борицыгана* (известного в интернет-кругах кишинёвского маргинала) с букетом цветов, от лица которого как бы исходит поздравление.

русскоязычные граждане, а потому и слово входит в их активный словарный запас, при этом подчиняясь законам русской грамматики: скажем, от него образуется прилагательное *мэрцишорный*. Мем создан по поводу конкретной ситуации: сотрудники молдавской таможни обнаружили на границе с Румынией партию таких бутоньерок, которые пытался нелегально ввезти в РМ мужчина с двойным гражданством, что и указано в посте. Комизм в данном случае достигается не только заменой оружия такой сугубо мирной реалией, как *мэрцишор*, но и помещением Николаса Кейджа – американского актёра – в несвойственный ему этнически маркированный контекст, который вводится как визуально (при помощи изображения таких бутоньерок), так и вербально (через употребление термина).

Рис. 6. *Нанаши моего нанаши – мой нанаши*

Данный мем обыгрывает многочисленные прецедентные фразы, построенные по схеме «Х моего Х – мой Y»: «враг моего врага – мой друг», «вассал моего вассала – не мой вассал» и т.д. Комический эффект достигается как помещением в известный контекст регионализма *нанаши* (что само по себе, с одной стороны, создаёт эффект неожиданности, а с другой – узнавания), так и самоочевидностью полученного результата (*нанаши* происходит от молд. *nănaș* ‘крёстный отец/посажённый отец’, однако в русском языке Молдавии используется в расширительном значении «кум, свояк, участник какой-либо неформальной связи», а любой участник такой связи по определению состоит в неформальных отношениях с другими участниками).

Другую группу мемов составляют те из них, в которых региональные особенности русского языка составляют ядро комического заряда, сами являясь объектом смеха либо составляя ключевой пуант.

Рис. 7. *Эй, хэй, мэй, вэй, бэй, уэй – велик и могуч*

Рисунок 7 высмеивает такую особенность МРВРЯ, как насыщенность

зайствованными из молдавского языка междометиями *эй, хэй, мэй, вэй, бэй, уэй* (*эй* – в данном случае не оклик, а совершенно особое междометие, способное выражать богатый спектр эмоций: недоверие, пренебрежение, разочарование, желание сменить тему и т.д.). Мем отсылает к общеизвестному тургеневскому стихотворению в прозе, а иронически величие и могущество МРВРЯ заключается в обилии подобных междометий, ёмкости их значения и богатстве их эмоционального спектра.

Рис.8. – *Кто из Молдовы?? – Я! – Не верю. – МЭЭЭЭЭЭЭЙ!1*

Три этапа в жизни

1. детство

2. мэй

3. смерть

vk.com/4ch_md

Рисунки 8 и 9 также высмеивает роль, которую выполняет в языке молдаванина (причём необязательно русскоязычного) уже знакомое нам междометие *мэй*. Рисунок 8 обыгрывает роль данного междометия как своеобразного шибболета, по которому выходец из Молдовы всегда опознает своего земляка. Для понимания сути рисунка 9 необходимо обладать имплицитным знанием о том, что данное междометие практически универсально и может быть использовано почти по любому поводу: как оклик, как выражение разочарования, как заполнитель хезитационной паузы. То, что этим словом возможно охарактеризовать почти всю жизнь, естественно, гипербола, однако его универсальность известна носителям МРВРЯ, что и вызывает смех.

Когда владеешь русским и румынским языком

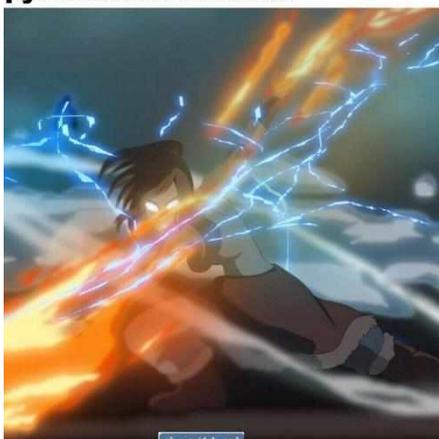

Рис. 10. Когда владеешь русским и румынским языком

На рис. 10 предметом комизма является сам факт русско-молдавского (в меме – румынского) билингвизма, уподобляемый владению магией двух стихий вместо одной.

Рис. 11

Рис. 12

На рисунках 11 и 12 мы можем увидеть визуализацию фразеологизма *кружка медная*, частотного в русской речи Молдовы эвфемизма для молдавского ругательства *круча мэ-тий / crucea mă-tii* ‘[я совокуплялся с] крестом [на могиле] твоей матери’ (визуализация с рис. 12, как утверждается в самом посте, сгенерирована нейросетью). Двухязычная природа подчёркивается латинским алфавитом, которым выполнена подпись. Неносителю МРВРЯ данный мем вряд ли будет понятен без специального объяснения и краткого лингвистического экскурса.

Рис. 13. *Alimentara, Ватсон!*

Слово *alimentara* (‘продовольственный магазин’) довольно прочно закрепилось в МРВРЯ. Данный мем обыгрывает его созвучие со словом *элементарно* и встраивает его во фразу «Элементарно, Ватсон» из советской экранизации «Шерлока Холмса» по принципу звукового сходства.

Рис. 14. *Спой мне на гитаре*

Рис. 15. *Не бери меня за здесь, а бери меня за там*

Рисунки 14 и 15 высмеивают явление грамматической интерференции, оказываемой на МРВРЯ со стороны титульного языка (в речи молдавоязычных). Впрочем, высмеивание – не единственная из потенциальных интенций автора мема. Наряду с насмешкой над отступлением от языковой нормы, подобные изображения имеют целью вызвать ностальгию у тех, кто давно не был в Молдавии и скучает по местным языковым особенностям (что прекрасно видно по комментариям к таким постам).

Таким образом, видно, что региональные особенности РЯ Республики Молдова выполняют в мемах тройную роль:

- служат дополнительным средством комического, создавая местный колорит
- служат основным средством комического
- служат предметом высмеивания и иронической авторефлексии носителя МРВРЯ.

Сами мемы:

- действительно высмеивают местные языковые особенности;
- служат для создания чувства ностальгии;
- служат для опознания «своих» (кто сталкивался с подобным, узнал в картинке себя или своё окружение, ставит лайк и делает репост), для поддержания чувства идентичности. При этом нельзя сказать наверняка, какой именно: лингвистической и

культурной идентичности представителя русскоязычной диаспоры в титульном окружении – или же территориально-культурной идентичности жителей Республики Молдова, независимо от родного языка.

2. Республика Беларусь

Материал для анализа собирался авторами на сайте vk.com в сообществах «Бульбаш», «Беларуские мемы», «КУЛЬТУРА |Белорусские мемы|», «Типичный Минск». Мемы выполнены в разных жанрах, но преимущественно – в жанре макроса.

Региональные особенности русского языка в Республике Беларусь также используются в мемах в нескольких целях:

- 1) Для создания местного колорита и интимизации общения с аудиторией;
- 2) Как предмет, непосредственно обыгрываемый в меме.

Рис. 16. Змагары; ЧВК «Рёдан»; ГУБОПик

Рис. 17. Холодник

Рис. 18. Драники без муки; драники с мукой; холодник на кефире

Рисунки 16–18 демонстрируют примеры использования регионализмов из местного варианта РЯ. На рис. 16 сама региональная окраска наименований местных политико-административных реалий – *змагары* и *ГУБОПик* (Главное управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией) – не участвует в создании комизма: он скорее достигается несоответствием между серьёзностью темы вербального компонента и несерьёзностью паратекста (изображением kota, вцепившегося лапами в два куска ткани и не знающего, какой из них отпустить). На

рисунках 17 и 18 центральной темой является *холодник* – по данным сайта [int.webcorpora.ru](https://int.webcorpora.ru/reg2/index.php/%D0%A5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA): «овощной суп из свёклы или щавеля, подаваемый охлаждённым, – свекольник; щавелевые щи. Регион: Белоруссия, Литва, Латвия» (<https://int.webcorpora.ru/reg2/index.php/%D0%A5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA>). Понятие «холодник» входит в число ключевых, маркирующих понятий белорусской культуры.

**КАГДА ВКЛЮЧЫЛ ЦЕЛИК, А ТАМ
ПАКАЗЫВАЮТ "СЛАВЯНСКИ БАЗАР"**

Рис. 19.

Кагда включыл целик, а там паказываюць «Славянски базар»

Рис. 20. Вы хацели зимы???

Рис. 21. Сматры, такая адна асталась

На рисунках 19–21 комизм достигается отражением фонетических особенностей БРВРЯ: подчёркнутого аканья (*кагда*, *асталась* и т.д.), твёрдой /р/ во всех позициях (*сматры*), утрированной аффрикатизации палатализованных смычных (*целик*, *хацели*), твёрдого произношения аффрикаты /ч/ (*включыл*). Правда, на рис. 21 и 23 эта графическая передача отражает особенности произношения не абстрактного носителя БРВРЯ, а совершенно конкретного его носителя в лице А.Г. Лукашенко, изображением которого сопровождается вербальный компонент, однако нам кажется, что в данном случае повышенное внимание им уделено ещё и потому, что речь лидера РБ является ярким примером речи типичного носителя БРВРЯ, происходящего из глубинки. Наряду с вербальной апелляцией к местным реалиям (фестивалю «Славянский базар», проходящему в Витебске, торговой марке «Лидская мука») такой фонетико-графический облик придаёт мемам яркую локальную окраску.

Мемов, в которых ядром комической составляющей является авторефлексия носителя БРВРЯ, в ходе анализа оказалось выявлено не так много. Примером такого мема можно назвать рисунок 22.

Рис. 22. Люди[,] говорящие на русском; люди[,] разговаривающие на белорусском; люди[,] говорящие на «трясянке»

В данном случае региональные языковые особенности прямым образом не представлены в вербальном компоненте изображения, однако смешение идиомов, имеющее место в РБ, представлено на картинке метафорически – в виде невозможной химеры, получившейся, по всей видимости, путём скрещивания слона с пингвином. Трясянка, таким образом, тоже осмысливается как нечто нелепое и противоестественное с точки зрения носителя литературной нормы как русского, так и белорусского языка.

Выводы. Сравнительный анализ интернет-мемов РМ и РБ, так или иначе задействующих особенности региональных вариантов русского языка показал, что:

– как в РМ, так и РБ велико количество подобных мемов, то есть местные языковые особенности активно применяются как средство создания комизма;

– и там, и там мемы делятся на две группы: в первой региональные языковые особенности используются как побочное средство создания местного колорита; во второй они служат основой комизма или же вовсе предметом мема;

– конкретика различается: в мемах РБ комизм чаще всего достигается имитацией фонетических особенностей БРВРЯ, тогда как в мемах РМ доминируют лексические и грамматические особенности. Вероятно, это вызвано гораздо большей близостью русского и белорусского языков в лексическом и грамматическом отношении, из-за чего грамматическая интерференция в местном варианте русского языка не проявляется сколько-нибудь значимым образом, чтобы это стало поводом для смеха; напротив, фонетические особенности молдавского варианта не всегда возможно адекватно передать на письме в рамках стандартной кириллицы, поэтому интерференция выражается графически – за счёт передачи русского текста латинской графикой;

– и там, и там мемы можно считать инструментом лингвистической авторефлексии носителей РВРЯ.

В виде заключения необходимо признать, что использование региональных черт в интернет-мемах служит не только способом вызвать смех, но также выступает средством осознания себя как носителя регионального субнормативного варианта языка; на базе единения в смехе происходит размежевание по принципу «свой – чужой», укрепляется региональная идентичность. Можно отметить диалектический характер данного процесса: с одной стороны, в мемах выражается противопоставление себя как носителей русского языка носителям титульного языка; с другой стороны – себя как носителей местного регионального варианта носителям общерусского нормативного варианта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Млечко Т.П. Русская языковая личность ближнего зарубежья / Т.П. Млечко. – Кишинёв: Славянский университет Республики Молдова, 2013.
2. Млечко Т.П. Особенности формирования русской языковой личности в иноязычном социуме (к проблеме специфики учебников для зарубежных школ с русским языком преподавания) / Т.П. Млечко // Русистика. – 2011. – № 1. – С. 14–20.
3. Ионова (Ионко) И.А. Функции молдовенизмов: двуязычие как источник речевой игры / И.А. Ионова (Ионко) // Русин. – № 3. – 2007.
4. Тудосе В. Взаимодействие русского языка и культуры с другими языками и культурами в полиэтничной Молдавии / В. Тудосе // Русин. – № 2. – 2006. – С. 97–106.
5. Киблик Н. Русский фольклор кишиневцев / Н. Киблик // Русин. – № 2. – 2007. – С. 107–113.
6. Загидуллина М.В. Теория интернет-фольклора: коммуникация фольклорного типа и самоидентификация участников крупных форумов / М.В. Загидуллина // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – № 4. – Т. 157. – 2015.
7. Старичёнок В.Д. Русский язык в Беларуси: состояние, перспективы / В.Д. Старичёнок // Слово.ру: Балтийский акцент. – № 2. – 2012. – С. 76–80.
8. Маслова В.А. Диалог русского и белорусского языков в Республике Беларусь / В.А. Маслова // Полилингвистичность и транскультурные практики. – № 5. – 2015. – С. 255–259.
9. Сомин А.А. Языковая рефлексия в современной Беларуси сквозь призму комментариев в интернет-СМИ / А.А. Сомин // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – № 1. – 2015. – С. 62–86.
10. Горицкая О.С. Язык и границы: лексическая и грамматическая специфика русского языка в Беларуси / О.С. Горицкая. – Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2021.
11. Супрунчук Н.В. Рецензия на книгу: Горицкая О.С. язык и границы: лексическая и грамматическая специфика русского языка в Беларуси (Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2021. 300 с.) / Н.В. Супрунчук // Коммуникативные исследования. – № 3. – Т. 9. – 2022. – С. 650–657.
12. Канашина С.В. Интернет-мем как медиатекст / С.В. Канашина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – № 1. – Т. 19. – 2019. – С. 107–112.
13. Прокофьева Н.А. Мем как коммуникативный ресурс в сетевой среде / Н.А. Прокофьева, Е.А. Щеглова. – СПб., 2021.
14. Duskaeva L.R. Humour as an information-influencing resource in mass media / L.R. Duskaeva // The European Journal of Humour Research. – 2021. – № 1 (9). – P. 29–43.
15. Милованова М.В. Интернет-мемы как актуальный феномен политической интернет-коммуникации в России / М.В. Милованова, Е.В. Терентьева // Гуманитарные и социальные науки. – Т. 93. – № 4. – 2022. – С. 58–66.
16. Гридина Т.А. Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект / Т.А. Гридина, С.С. Талашманов // Политическая лингвистика. – № 3. – 2019.
17. Тихомирова М.С. Переключения кодов в Интернет-мемах как проявление лингвокреативности / М.С. Тихомирова // Вестник Череповецкого государственного университета. – № 5(80). – 2017. – С. 148–151.
18. Баранчик Ю.В. Политика постсоветских государств в отношении русскоязычного населения / Ю.В. Баранчик, В.Г. Гойденко, А.В. Грозин, А.В. Докучаева, С.Я. Лавренов, В.В. Новиков, А.В. Фадеев // Постсоветский материк. – № 2 (26). – 2020. – С. 4–56.

Поступила в редакцию 24.11.2023 г.

**SPECIFICS OF REGIONAL VARIANTS OF RUSSIAN LANGUAGE IN CIS COUNTRIES
AS MEANS OF CREATING COMICALITY IN INTERNET MEMES
(CASE STUDY OF BELARUS AND MOLDOVA)**

I.A. Akulovich, E.V. Romanin

The contribution deals with specifics of regional variants of the Russian language spoken in the Republic of Belarus and the Republic of Moldova. As a means of creating comicality in Internet memes, these regional variants are of interest as an expression of linguistic and cultural self-reflection of the Russian-speaking residents

of these post-Soviet republics. The research relevance is accounted for by the status of Internet memes as an important component of modern netlore. The research results are important for better understanding of the worldview of the post-Soviet era Russian language native speakers in a foreign language environment. Local language features are actively used by residents of both republics as a means of creating comicality. The memes are divided into two groups. In the memes of the first group, regional language features are used as a secondary means of rendering a local flavour. In the memes of the second group, they serve as a basis of comicality or even the subject of the meme itself. The use of regional specifics in Internet memes does not only cause laughter. It raises a person's awareness of being a speaker of the regional substandard language variant. Laughter strengthens regional identity, opposed both to the communities of titular languages speakers, and to the community of native speakers of Russian literary standard.

Key words: Russian language, regional variant, Belarus, Moldova, bilingualism, language interference, linguistic self-reflection, identity, Internet meme, comicality.

Акулович Ирина Анатольевна.

Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И.
Ульянова (Ленина).

Ассистент кафедры «Связи с общественностью».

E-mail: iaakulovich@etu.ru

Романин Евгений Владимирович.

Независимый исследователь.

E-mail: jekins-romanin@mail.ru

Akulovich Irina Anatolievna.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"
named after V.I. Uljanov (Lenin)

Faculty of Humanities.

Assistant at Public Relations Department

E-mail: iaakulovich@etu.ru

Romanin Evgheniy Vladimirovich.

Independent researcher.

E-mail: jekins-romanin@mail.ru

УДК 81`42

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС ОБСТРЕЛ – НЕНАСТНАЯ ПОГОДА В РЕГИОЛЕКТЕ СОВРЕМЕННОГО ДОНБАССА¹

© 2023 Т.Ю. Власкина

ФГБУН «Южный научный центр Российской академии наук»

В статье рассмотрены метафорические выражения, описывающие обстрел как одну из номинаций проблемной сферы военной повседневности Донбасса с помощью М-моделей ПОГОДЫ. Предметом изучения являются формальные и логические основания, на которых развиваются устойчивые формулы сравнения-уподобления. В качестве важной причины образования формальных связей, автор указывает на закрепление за различными видами боевой техники наименований грозных атмосферных явлений, таких как град, ураган, смерч. Такие названия, зафиксированные в техпаспорте изделия, присваивались, по установившейся традиции и в соответствии с «логикой серии», – мощные огнеметные и реактивные установки маркировались как стихийные явления. Установленные подобным образом связи укоренились в профессиональной среде и сознании военных, а в ходе долговременного вооруженного конфликта оказывали воздействие на речевые практики населения региона. Другое направление возникновения метафор основано на опыте переживания обстрелов и попытках точного описания впечатлений. Таким образом, складываются формулы сравнения-уподобления обстрела и дождя или града, разрывов снарядов и звуков грозы. Совокупно метеометафоры высвечивают постоянство обстрелов и уподобляют их трагические последствия последствиям стихийных бедствий.

Ключевые слова: метафорический перенос, формула сравнения-уподобления, ассоциативная связь, метеоним, град, дождь, смерч, ураган, гроза, региолект Донбасса.

По мнению специалистов в области когнитивной лингвистики, метафора может быть ключом к пониманию образов мира [4, 8]. Как замечает Н.Д. Арутюнова, познавательный потенциал метафоры связан со способностью человека «не только устанавливать сходство между областями, воспринимаемыми разными органами чувств (ср. явление синестезии: твердый металл и твердый звук, теплый воздух и теплый тон), но также улавливать общность между конкретными и абстрактными объектами, материей и духом (ср.: вода течет, жизнь течет, время течет, мысли текут и т. п.)» [2, с. 8]. Являясь реализацией данных возможностей, процесс метафоризации представляет собой «обобщение опыта практической жизни человека в мире», – подчеркивает А.Н. Баранов [3, с. 32]. Применительно к задачам изучения лексических, а в большей степени, семантических неологизмов, которые обслуживают тему современной войны на Донбассе и во многом отражают особенности восприятия реалий военной повседневности местным населением, обращение к вопросам метафоризации представляется естественным и актуальным. Фиксация информации в виде метафор, многие из которых имеют устойчивый характер и отчетливые признаки концептуализации – яркая черта языка Донбасской войны: в собранной на сегодня коллекции доля слов и выражений сравнительно-переносного характера весьма заметна [5]. Одной из укоренившихся метафор, относящихся к 2014–2015 гг. является *Северный ветер* как лексическая формула, под которой подразумевается помощь ополченцам со стороны России: *«Веры нам добавило, когда подул Северный ветер – то есть, это вторая половина августа 2014 года, то есть, если кто не знает, это заход*

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № ГР проекта 122020100347-2.

непосредственно частей армии Российской Федерации на территорию Донбасса и нейтрализация частей украинистской армии на тот момент...»² [31].

В названном корпусе языковых фактов популярен метафорический перенос, образованный путем уподобления обстрела ненастной погоде. К примеру: «Утром завтракаем на кухне, дождик капает по окну. Вроде все благополучно. Пока вместе с дождичком не пошел Град. Под фразу, К НАМ, перешли на другую сторону квартиры» [34].

Задача настоящей статьи установить реалии, благодаря которым сигнификативные дескрипторы М-модели оказываются когнитивно нагруженными и обеспечивают ее потенциал в дискурсе донбасской повседневности. Иными словами, предмет нашего интереса – реальные или логические основания процессов сравнения-уподобления, в связи с которыми возникают подобные метафоры. Рабочая цель – выявить смыслы, высвечиваемые путем описания обстрела как природного явления. В качестве источников материала выступают соцсети, аффилированные с ЛДНР, публикации военкоров и литераторов, работающих на Донбассе.

Сразу следует заметить, что метафорические выражения, связанные с образом смертоносного дождя, известны в мировой культуре с библейских времен [11, с. 27–28], а старинное название метеоритного дождя – «огненный дождь» – закрепилось во многих языках мира. В русских художественных и философских текстах выражения «огненный дождь», «свинцовый дождь», «ливень пуль» устойчиво встречаются с XVIII в., в частности, у М.В. Ломоносова, П.А. Флоренского, К.Д. Бальмонта и др. Из сравнительно недавних можно вспомнить строчку из песни к к/ф «Неуловимые мстители» 1966 г. на стихи Р. Рождественского: «Бьют свинцовые ливни, нам пророчат беду» или название российского сериала 2006 г. «Под ливнем пуль».

В середине XX в. в военной профессиональной среде возникла собственная причина для появления речевых конструкций, в которых под названиями грозных погодных явлений подразумевается обстрел из различных видов оружия. Такой причиной стала традиция советских, а затем российских конструкторов давать реактивным и огнеметным системам залпового огня (РСЗО и ТОС) метеорологические наименования. В 1963 г. была принята на вооружение Советской армии РСЗО «Град». Это положило начало целой серии: в 1975 г. советский арсенал пополнился системой «Ураган», прекрасно проявившей себя во время Афганской войны, в 1987 г. принята на вооружение система «Смерч», в 2001 г. поставлена ТОС – 1А «Солнцепек», в 2012 г. – РСЗО «Торнадо» [7]. Однако до определенного времени подобное использование метеонимов не выходило за рамки корпоративных сфер.

У населения южных регионов СССР ассоциативная связь между стрельбой, грозными тучами и градом (в данном случае, разновидностью атмосферных осадков в виде ледяных шариков), стала формироваться в результате знакомства с противорадовыми комплексами – так называемыми «градобойками», применение которых началось также в 1960-е гг. [1] И особенно эти ассоциации укрепились в 90-е, после того, как в Нагорном Карабахе и в некоторых других районах постсоветских конфликтов градобойные орудия, не имевшие никакого отношения к РСЗО «Град», стали использоваться как боевые средства. Поэтому не удивительно, что примеры языковой игры с метеотерминами встречаются в текстах военной тематики уже более полувека. Однако укоренение метеометафор подобного рода в инфопространстве и

² В текстовых примерах орфография и пунктуация источника оставлены без изменений, смайлы эмодзи (при наличии) представлены описательно.

повседневной речевой практике населения целого региона произошло именно в контексте Донбасской войны [6].

Примеры переносного употребления лексики, относящейся к тематической группе ПОГОДА, для описания быта прифронтовых поселений часто встречаются в сетевом общении и переписке дончан: «Хорошо, что дождь, главное, что не "Град"» [25]. «Ого гром и молния! Сигналки³ сработали – Хорошо хоть не "Град"» [21]. «А когда в детский садик ураган прилетел, и детей поубивало, у тебя ничего не вызывает по этому поводу? С вашей стороны прилетело...» [22]. «В пятницу прилетел «Смерч». Деревья его задержали, и он упал перед домом» [24]. И т.п. Особенно часто в диалогах мирных жителей упоминается град, что лишней раз указывает на то, что долгое время именно РСЗО «Град» служили средством, при помощи которого ВФУ терроризировали население ЛДНР. О популярности свидетельствует и развитие на основе корня -град- глаголов *гáдить* – стрелять из РСЗО «Град»; *загáдить*, *отгáдить* – поразить кого-то / что-то ракетой из установки «Град»; *гáдина* – боеприпас для РСЗО «Град» – неуправляемый реактивный снаряд калибра 122 мм; *пáчка гáдов*, *пакéт гáда* – комплект из 40 снарядов, выпускаемый из установки за один залп или просто большое количество снарядов. Помимо этого зафиксировано еще *урагáнить* – стрелять из РСЗО «Ураган»; *урагáнный* – связанный со стрельбой из реактивной установки. Например, «урагáнное воскресенье» – день, когда «работа» РСЗО «Ураган» была особенно заметной. Но до недавнего времени частота подобных фиксаций была несравнима с количеством упоминаний града.

Характерными примерами пестрят и местные новостные сводки, откуда с началом СВО образцы современного донецкого региолекта стали попадать в российские СМИ: «А в нашем канале самый точный прогноз погоды для оккупантов Донбасса: снова "Град" и "Солнцепёк"» [29]. «"Солнцепек" для врага в любое время года. – Выжигать нацистов с их позиций на земле и под землей» [31]. «Жара на краснолиманском направлении: «Солнцепёки» выжигают позиции врага» [19]. «"Ураганые" будни на Южно-Донецком направлении: артиллеристы уничтожают позиции боевиков» [26]. «Огненный "Град" обрушился на скопление пехоты ВСУ» [27]. Здесь привлекает внимание метеоним *жара*, ассоциативно связанный с условным наименованием тяжелой огнеметной системы (ТОС – 1А) «Солнцепек». Он часто выступает и вне этой связи, когда речь идет об интенсивной стрельбе из разных видов оружия или о применении особенно мощных боевых средств: «(смайл эмодзи 'взрыв') Пошла жара в Горловке... Прилетает...» [36]. «(смайлы эмодзи 'флаг РФ', 'взрыв', 'флаг Украины', 'восклицательный знак') Пошла жара! Первое массовое применение кассетных 500-килограммовых авиабомб» [23]. и т.п.

Заметную роль в процессах метафоризации играет непосредственный опыт местного населения. Природные осадки двигаются и преодолевают пространство так же, как боеприпасы: и те и другие летят, падают, сыпятся сверху вниз. «Смысл ставить блоки на земле, если прилетает (смайл эмодзи 'бомба') сверху» [36]. Довольно часто обстрел описывается при помощи неполных предложений, в которых предикативным центром выступают глаголы лететь, падать в безличной форме: «Люди прятались в подвалах, летело над домами в сторону Засядьковского ствола⁴» [38]. «Вижу с 88⁵ откуда летит и где падает» [30]. «Кто может конкретнее сказать где падает. – Громко, слышно сильно и падают и от нас летит» [40]. «Местные сообщают, что

³ Сигналка – автосигнализация, защитная система автомашины.

⁴ Засядьковский ствол – вентиляционный ствол шахты им. Засядько.

⁵ 88 – микрорайон Квартал 88, Горловка.

примерно в районе поссовета тоже падает» [28]. И не смотря на то, что контекст, а главное – повторяемость ситуации подсказывают, что речь идет о минах и снарядах, сказуемое выступает с независимой позиции, тем самым уподобляя происходящее природному состоянию, процессу, не связанному с проявлениями чьей-то воли или, скорее, обходя неизвестного деятеля молчанием. Безличные конструкции воскрешают в памяти годы действия Минских соглашений, когда Наблюдательная миссия ОБСЕ отказывалась указывать в своих отчетах направления разрушительных ударов, что вызывало возмущенные и саркастические комментарии местных жителей.

Значительная часть метафор базируется на сходстве звуков: *«Гремит где-то далеко – Я на ОЦКБ⁶ тоже слышу. – Я так думаю не гроза? – Нет, небо чистое. Артиллерия»* [20].

То, что уподобление обстрела грозе имеет эмпирическое обоснование подтверждают и непосредственные рассуждения местных жителей: *«Что-то ужасно большое и черное заходит на Луганск, гремит... В принципе, гром у нас очень неоднозначно воспринимается теми, кто был в Луганске в 2014-м... – Поначалу не знаешь что бахнуло⁷ .. у нас в 14 летом после обстрела кто то ковер выбивать вынес⁸ ...у то было шороху и матюков)))) – Да, уж. Как только слышишь, что гремит – уши сами собой подсакаивают по-собачьи "домиком" и начинаешь прислушиваться – что это гром или... – и думаешь, вроде и гроза, а вроде и жахают⁹»* [15]. *«Несколько раз с северо-запада бумкнуло¹⁰. Подумал гром, но это "перемирие"¹¹ скорее всего»* [38].

Надо сказать, что естественное сходство звуков при постоянстве обстрелов вызвали к жизни обыденную практику, когда взрослые обманывают маленьких детей, объясняя непогодой военный шум. Некоторым образом, момент, когда ребенок начинает отличать одно от другого стал расцениваться как признак взросления. *«Вчера моя 7 летняя доча впервые на грохот обстрелов сказала: – Папа это не гром это бомба взорвалась... Совсем большая»* [18].

Если гроза, гром и молнии ассоциируются с мощными взрывами и выстрелами из крупнокалиберных орудий (*«В Донецке гроза – косплей артобстрела»* [12].), то долгий монотонный дождь напоминает отдаленные, но постоянные звуки «беспокоящих» обстрелов окраин. Печальное постоянство таких «мероприятий», с которыми дончане сталкивались на протяжении многих лет, накладывает особый отпечаток на осмысление ситуации: подобная угроза становится устойчивым бытовым фоном. *«У нас действительно спокойнее. Громыхает далеко, как фон, хотя понимаем, что там гибнут люди»* [33]. *«(Смайл эмодзи 'взрыв') Горловка прилеты... Даже не знаю зачем я это пишу... это как если бы я написал: в Горловке поднялся ветер или в Горловке сегодня был дождь и спала жара (смайл эмодзи 'женщина, пожимает плечами')»* [33]. *«Стоит ли говорить, что у нас падает? Заезженная тема за девятый год (смайл эмодзи 'умоляющее лицо')»* [17].

⁶ ОЦКБ – Областная центральная клиническая больница, Донецк.

⁷ Бахнуть – 1) выстрелить, 2) взорваться.

⁸ «Ковры выбивают» – еще одна метафора артиллерийской стрельбы в современном донецком региолекте.

⁹ Жахать – (здесь) взрываться с большой силой и особенно громким звуком.

¹⁰ Бумкать – 1) издавать звуки взрывов или разрывов снарядов (об артиллерии); 2) производить множественные выстрелы из артиллерийских орудий.

¹¹ «Перемирие» – Усиление обстрелов вопреки установленному режиму тишины.

Сила звуковых ассоциаций, по мнению М. Шиона, теоретика культуры звука, заключается в отличительной особенности звукового мира, который «характеризуется конкуренцией и взаимными помехами со стороны разных звуков, сосуществующих в одном пространстве» [10, с. 27]. В результате чего звуки близких частот «маскируются», их различия сглаживаются и интуитивно уловленное, возможно кажущееся сходство может усиливаться. Шум дождя, как и некоторые другие органические или естественные звуки, можно назвать универсальным. Он знаком большинству людей. Подобный источник звука подсознание «подсказывает» при малейшем сходстве впечатлений, одновременно транслируя образы неизбежности и постоянства, независимости от человеческой воли [9]. Как писал Харуки Мураками: «Дождь, что падает с неба, всегда достигает земли. Настоящий дождь не остановить никому. И никому не избежать его». Среди высказываний дончан встречаются примеры, в которых дождь и обстрел объединены почти столь же философски и одновременно реалистически: *«После дождя где-то пронзительно падает с интервалом. – Оно падало и до дождя, и во время дождя, и завтра будет падать не зависимо от дождя»* [40].

Менее очевидная для людей, живущих за пределами Донбасса, причина сближения природных явлений и военных действий в одной фразе связана также с практикой совмещения стрельбы с непогодой, к которой ВФУ прибегали в преступных целях. *«Да, постоянно было такое. Ждешь этого дождичка, а потом тебе в комплекте – Наблюдала пол часа назад. Молния, через время гром и почти синхронно вспышка в Дзержинске. 20 сек и у нас по полям бум (смайл эмодзи 'бомба') – Гроза однако. У нас раньше в грозу часто артиллерия была. По минским стрелять было нельзя, под гром укроп¹² маскировался. Теперь для себя отметил что как-то к грозе отношусь настороженно»* [32]. *«Сук, у нас по очереди – гром, разрыв тяжа¹³... А над укропскими позициями солнце»* [16].

В результате устойчивого употребления метафор определенной тематики возникает сочетание формальных и логических оснований для сопоставления, и становятся возможными более широкие обобщения, где само заглавное слово тематической группы *погода* получает новое содержание и означает что-то вроде «оперативной обстановки». Характер *погоды* осознается носителем региолекта через остающуюся за рамками высказывания оценку тех или иных явлений войны, которые благодаря устойчивому метафорическому переносу уже связаны в его сознании с М-моделью ПОГОДА. Для тех, кто «не в теме», если речь идет о размещении сообщений на интернет-ресурсах, читаемых извне Донбасса, при подобном обобщении могут расставляться смысловые маячки. Так, дончанин рассуждает о поездке в другой район города и о том, что она не желательна, так как *погода слишком лётная*. При этом пишущий «расшифровывает» метафору, указывает на истинную причину, по которой нужно оставаться дома, при помощи смайликов эмодзи: *«Мама просит привезти внуков в гости. – Спасибо, но на улице погода слишком»* (смайл эмодзи 'бомба') *лётная* (смайл эмодзи 'бомба')» [41]. Рассмотрим еще один пример, где в рамках одного высказывания термин *погода* употребляется дважды – сначала метафорически, а затем в прямом значении. В высказывании речь идет об активизации боевых действий и возможном начале наступления на врага. Наступление скрывается в тексте под именем *буря*. Дополнительным ключом к скрытому смыслу является то, что метафора введена

¹² **Укроп** – 1) украинские военнослужащие; 2) украинские националисты. **Укропский** – принадлежащий укропу.

¹³ **Тяж** – тяжелое вооружение. Разрыв тяжа – взрыв крупнокалиберного снаряда.

цитатой из «Песни о буреви́стнике» М. Горького – произведения, как известно, предвещающего революцию и полного социальных иносказаний: «*Глядя на погоду, так и хочется сказать: "Буря, скоро грянет буря". Если что-то делать, то делать это стоит, пока погода позволяет. Потом до морозов война так и так превратится в позиционную, независимо от политики*» [14]. Благодаря контексту, несложно догадаться, что в первом предложении речь идет о соотношении сил на фронте, а во втором о коротком сухом периоде перед долгой осенней распутицей, т.е. о природной погоде. Подсказка же не оставляет в подобном толковании никаких сомнений.

В последнее время стали встречаться примеры, в которых сообщения о метеоявлениях сопровождаются дополнительными подробностями, для того, чтобы их не восприняли как сигналы об обстрелах: «*В Макеевке пошёл град, обычный град! Не тот, к которому мы привыкли!*» [23]. «*А в Донецке сейчас град! Не поверите, природный. Обычный град. Кусочки льда с неба, а не осколки...*» [13]. «*Сейчас вариантов загреметь в ящик у нас хоть отбавляй, поэтому какие то там минуса¹⁴ в виде градусов, нам точно не страшны (смайл эмодзи подмигивающее лицо)*» [35]. Данная тенденция свидетельствует об укоренении в региолекте М-модели ПОГОДЫ в тех случаях, когда речь идет об обстрелах.

В заключение следует заметить, что изучение предложенного корпуса региолектных метафор невозможно без привлечения экстралингвистической информации. В противном случае мы были бы ограничены универсалиями. Выявленные сигнификативные и денотативные дескрипторы не соответствовали бы дискурсу донбасской повседневности, специфичность которой в настоящее время достаточно ярко выражена. Метафора, построенная путем различных реализаций М-модели ПОГОДЫ, профилирует ряд смыслов, связанных с восприятием и переживанием обстрелов. От воюющих граждан и из новостных источников исходят конструкции, в которых используются метеонимы, ранее уже связанные с военной техникой в качестве штатных условных наименований. Закрепление переноса в таких случаях предопределено. Параллельно в гражданской среде происходит развитие ассоциаций, в свете которых обстрел может рассматриваться как природное явление на основании непосредственных наблюдений и коллективного опыта. Следствием этого являются метафоры, которые, с одной стороны, высвечивают постоянство обстрелов, выступающих, подобно природным осадкам, естественным фоном повседневности. С другой же стороны, иносказания представляют особенно интенсивные и трагические по последствиям обстрелы как смертоносные и разрушительные стихийные бедствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абшаев М.Т. и др. Состояние разработки и перспективы оснащения противорадовых работ малогабаритными противорадовыми ракетами и установками нового поколения / М.Т. Абшаев и др. // Труды научно-практической конференции, посвященной 40-летию начала производственных работ по защите сельхозкультур от градобитий. – Нальчик, 2011. – С. 278–286.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–32.
3. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры / А.Н. Баранов. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
4. Будаев Э.В. Становление когнитивной метафоры / Э.В. Будаев // Лингвокультурология. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 1. – С. 16–32.
5. Власкина Т.Ю. «Обстрел» в тезаурусе по повседневности современного Донбасса / Т.Ю. Власкина // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17-18 ноября 2020 г.). –

¹⁴ *Минус* – исходящий выстрел.

Том 4: Филологические науки. Культура и искусство / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 22–25.

6. Власкина Т.Ю. Язык войны: современные речевые практики Донбасса / Т.Ю. Власкина // Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в. историко-антропологические очерки / [отв. ред. д.и.н. Е.Ф. Кринко]. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. – С. 402–419.

7. Гуров С.В. Реактивные системы залпового огня. Обзор / С.В. Гуров. – [Электронный ресурс]. – Тула: Издательский дом «Пересвет», 2021. – 3070 с. – Режим доступа: <https://www.tech-journals.ru/journals/warfare/8349-reaktivnye-sistemy-zalпового-огnya-obzor-2021.html> (дата обращения: 10.11.2023).

8. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

9. Черкасова Г.А. Исследование динамики ассоциативно-вербальной модели языкового сознания русских / Г.А. Черкасова // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 105 – 122.

10. Шион М. Звук: слушать, слышать, наблюдать / М. Шион. – М.: НЛО, 2018. – 183 с.

11. Шитиков П.М. Концептуальная метафора в библейских текстах: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Шитиков Петр Михайлович; [Место защиты: Удмурт. гос. ун-т]. – Ижевск, 2013. – 177 с.: ил. РГБ ОД, 61 13-10/831.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Анна Ревякина. Донбасс. – Режим доступа: <https://t.me/annarevyakina/6386> (дата обращения: 10.08.2023).

13. Анна Ревякина. Донбасс. – Режим доступа: <https://t.me/annarevyakina/6400> (дата обращения: 11.08.2023).

14. Батальон Восток – Режим доступа: https://t.me/batalyon_vostok/248 (дата обращения: 08.11.2023).

15. Вежливая Ватница. – Режим доступа: <https://twitter.com/vezhliyaya> (дата обращения: 24.07.2019).

16. Военкор Медведев. – Режим доступа: <https://twitter.com/0nQIPq0WCONIu0G/status/1410481139786125312> (дата обращения: 16.07.2021).

17. Военный Осведомитель. – Режим доступа: https://vk.com/wall-123538639_3927474 (дата обращения: 19.11.2023).

18. Донецкий гражданин. – Режим доступа: https://twitter.com/DONBASS_RULIT/status/1451996231081803784 (дата обращения: 24.10.2021).

19. Жара на краснолиманском направлении. – Режим доступа: <https://rusvesna.su/news/1699859759> (дата обращения: 13.11.2023).

20. Зураб. – Режим доступа: <https://twitter.com/AZurabAZ/status/1414806699605639171> (дата обращения: 13.07.2021).

21. Зураб. – Режим доступа: <https://twitter.com/AZurabAZ/status/1287966583420321794> (дата обращения: 28.07.2020).

22. Зураб. – Режим доступа: <https://twitter.com/AZurabAZ/status/1426536406994890752> (дата обращения: 15.08.2021).

23. Ира|Ребенок Донбасса. – Режим доступа: https://t.me/irisa_makarenko/1093 (дата обращения: 30.07.2023).

24. Казарин Ю. Семнадцать писем из Донецка Людмилы Квашиной. – Режим доступа: <http://uraljournal.ru/work-2015-5-1415> (дата обращения: 29.03.2023).

25. Народный фронт. – Режим доступа: https://t.me/onf_front/9356 (дата обращения: 25.05.2023).

26. Операция Z: Военкоры Русской Весны. – Режим доступа: <https://t.me/RVvoenkor/56260> (дата обращения: 08.11.2023).

27. Операция Z: Военкоры Русской Весны. – Режим доступа: <https://t.me/RVvoenkor/37683> (дата обращения: 06.02.2023).

28. Переключка. [ГО Группа оповещения. Новороссия. ДНР. ЛНР.](https://vk.com/opoveshenie) – Режим доступа: <https://vk.com/opoveshenie> (дата обращения: 07.03.2020).

29. Самый точный прогноз погоды для оккупантов Донбасса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusvesna.su/news/1653835652> (дата обращения: 30.05.2022).

30. Самооборона Горловки. Переключка. 06.11.2014 – Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20191215113239/https://vk.com/gorlowka> (дата обращения: 06.04.20218).

31. Соловьев. – Режим доступа: <https://t.me/SolovievLive/221536> (дата обращения: 14.11.2023).

32. Фенечкин. – Режим доступа: https://www.twuko.com/phoenix_dnr (дата обращения: 02.06.2022).
33. Фенечкин. – Режим доступа: https://www.pikagi.com/profile/phoenix_dnr (дата обращения: 01.06.2023).
34. Chernaykoshka8 – Режим доступа: <https://www.twuko.com/EastVel> (дата обращения: 15.05.2022).
35. Chernaykoshka8 – Режим доступа: <https://twidoom.com/EastVel/> (дата обращения: 01.02.2023).
36. Chernaykoshka8 – Режим доступа: <https://twstalker.com/EastVel> (дата обращения: 17.01.2023).
37. DonRF – Режим доступа: <https://twitter.com/romchik11111/status/1287670140390313984> (дата обращения: 28.07.2020).
38. Donetsk2021 – Режим доступа: <https://twitter.com/donetsk2021/status/1407953855053185030> (дата обращения: 26.06.2021).
39. Donetsk2021 – Режим доступа: <https://twitter.com/donetsk2021/status/1456688597449510912> (дата обращения: 06.11.2021).
40. Soleil – Режим доступа: https://twitter.com/golos_vetra_18 (дата обращения: 08.07.2019).
41. Vel East – Режим доступа: <https://www.twuko.com/chernaykoshka8> (дата обращения: 14.03.2022).

Поступила в редакцию 25.11.2023 г.

METAPHORICAL TRANSFERENCE “SHELLING IS NASTY WEATHER” IN REGIOLECT OF MODERN DONBASS

T.Y. Vlaskina

The article considers metaphorical expressions describing the shelling as one of the nominations of the problematic sphere of military everyday life in Donbass using M-weather models. The subject of study is the formal and logical foundations on which stable formulas of comparison and assimilation are developed. As an important reason for the formation of formal ties, the author points to the consolidation of names of formidable atmospheric phenomena, such as hail, hurricane, tornado, for various types of military equipment. Such names, recorded in the technical passport of the product, were assigned, according to established tradition and in accordance with the "logic of the series" – powerful flamethrowers and rocket launchers were marked as natural phenomena. The connections established in this way took root in the professional environment and consciousness of the military, and during the long-term armed conflict had an impact on the speech practices of the population of the region. Another direction of the emergence of metaphors is based on the experience of experiencing shelling and attempts to accurately describe impressions. Thus, there are formulas for comparison-likening shelling and rain or hail, shell bursts and thunderstorm sounds. Together, meteorological metaphors highlight the constancy of shelling and liken their tragic consequences to the consequences of natural disasters.

Key words: metaphorical transference, comparison-assimilation formula, associative connection, methionine, hail, rain, tornado, hurricane, thunderstorm, Donbass region.

Власкина Татьяна Юрьевна.

ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук».

Старший научный сотрудник лаборатории филологии.

E-mail: vlaskiny@mail.ru

Vlaskina Tatiana Yurievna.

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences.

Senior researcher at the Philology Laboratory.

E-mail: vlaskiny@mail.ru

УДК 81.23

**«ДЕДУШКО-ДОМОВЕЮШКО, ПОЛЮБИ МОЮ СЕМЕЮШКУ»:
ОБРЯДОВО-ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ ОБРАЩЕНИЯ К ДОМОВЫМ
В РЕГИОНАХ РУССКОГО СЕВЕРА**

© 2023 А.А. Чекина

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

В статье рассматриваются структурно-семантические и функциональные особенности обрядово-этикетных формул-обращений к домовым. На материале полевых записей экспедиции в Архангельскую область из архива «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» (СДК) кафедры русского языка СПбГУ анализируется специфика ритуализованных формул-обращений в народноречевом этикете. Акцентируется внимание на особенностях традиционной мифологизированной коммуникации сельских жителей Русского Севера, когда коммуникантами становятся не только люди, но и, антропоморфизированные образы природы, персонажи народной демонологии. Последние в статье рассматриваются более подробно (*Дедушка-домовеюшко, полюби мою семеюшку...*). Предпринимается попытка разграничить элементы «обрядового» и «этикетного» в подобных формулах. Делается вывод об ослаблении мифологического, обрядового подтекста в пользу символической этикетности. Статья выполнена в аспектах лингвофольклористики и этнолингвистики.

Ключевые слова: народноречевой этикет, обрядово-этикетная формула, обращение, домовый, Русский Север, обрядовость, этикетность, язык фольклора.

Введение. Исследование речевого этикета народной речи обнаруживает как общеязыковые, так и региональные специфические черты организации речевых форм и формул, используемых в различных культурно значимых ситуациях, главным образом, для социальной и культурной идентификации «своего». Исследование народноречевого этикета всё чаще и больше сводится к вопросу определения границ обрядовости и этикетности. Границы весьма размыты, поскольку в народной коммуникации этикет и обряд (в том числе генетически) тесно связаны друг с другом и обладают рядом общих характеристик (устойчивость, стереотипность, регулярность, ситуативность и под.). Эта связь проявляется на вербальном уровне в словесных формулах, которые жители сельского социума произносят при определенных обстоятельствах. В настоящее время наиболее известны работы Л.Ю. Зориной по изучению подобных формул (в частности – благопожеланий) на примере говоров Вологодской области [6–8], в центре же нашего внимания оказывается более обширный и разнообразный материал как в отношении форм и формул, так и территориального распространения. В статье основное внимание сконцентрировано на особой формуле-обращении к мифологическим персонажам Русского Севера – домовым. Интересно, что уже в XX веке обрядовый компонент таких формул постепенно нивелируется, и люди – жители сёл и деревень – произносят те или иные формулы без мифологического подтекста и смысловой нагрузки, а лишь потому, что так принято, так когда-то их «учили / говорили старики / родители и т.д.». Оказалось необходимым исследовать эволюцию традиционного этикета, чтобы выяснить механизм превращения обрядовой речевой формулы в сугубо этикетную в основной её функции – фатической (контактоустанавливающей), без мифологического или иного подтекста. Это представляется важным потому, что многие этикетные формулы – по происхождению – мифологически мотивированы. Известный российский учёный-этнолингвист С.М. Толстая, например, отмечает, что «так называемые “малые” жанры (приговоры,

благопожелания, проклятия, заклинательные формулы, ритуальные диалоги), тесно связанные с обрядом, отличаются большей устойчивостью и архаичностью» [18, с. 107], чем другие повествовательные жанры фольклора.

Возникает непростой вопрос, требующий разрешения, прежде всего, в части поиска онтологически жесткой дефиниции – как называть такие формулы? Над проблемой идентификации подобных формул в языке фольклора задумывались многие видные ученые-исследователи в области лингвистики, этнографии, культурологии и др. [4; 5; 6; 9; 10; 12]. Часть из них относит подобные формульные выражения к малым жанрам фольклора [9; 12; 13; 14; 18]. С учетом справедливого, на наш взгляд, суждения А.К. Байбурина и А.Л. Топоркова о том, что «этикетное поведение в зависимости от ситуации и других факторов как бы перемещается по шкале ритуализованности и тяготеет то к одному, то к другому полюсу» [1, с. 17], рассматриваемая формула (и ее варианты) квалифицируются в настоящей статье обрядово-этикетными, т.е. подчеркивается, с одной стороны, ее обрядовое происхождение, с другой, – вполне ощутимая носителем диалекта нейтрализация исходной обрядной прагматичности («ритуализованности») в «угоду» чистой этикетности.

Итак, на материале записей полевых экспедиций «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» (СДК) кафедры русского языка СПбГУ, собранных студентами, аспирантами и преподавателями (ЛГУ) СПбГУ в 1984–1986 годах, в статье рассматриваются структурно-семантические особенности формул обращений к домовым, употребляемых в разных ситуациях, и предпринимается попытка обосновать их вторично-этикетный характер.

Основная часть. Важно отметить, что обращение как единица речевого этикета актуализируется в традиционной коммуникации особым образом, об этом частично писали в разное время В.Н. Гришанова [4], Л.Ю. Зорина [7], О.А. Черепанова [23] и др. ученые. Однако многие из них рассматривали вопросы формульности народноречевых этикетных выражений, прежде всего, в проекции проблемы их структурной организации в условиях коммуникации между людьми, справедливо полагая, что речевой этикет – яркий показатель культурно маркированного речевого опыта конкретного сообщества людей. При этом важно помнить, что в отличие от городского этикета, где непосредственно коммуникантами выступают люди, в этикете народной речи «в качестве партнера по коммуникативному акту может выступать не только человек, но и практически любой другой объект, который приобретает человеческие атрибуты в акте общения. Происходит своеобразная «тотальная антропоморфизация» природы. Таким образом, правила этикета могут соблюдаться не только по отношению к другому человеку, но и по отношению к зверю, дереву, земле, а также духам предков, персонажам народной демонологии и т. д.» [1, с. 7]. Нас будет интересовать последнее: взаимодействие человека и ключевого персонажа народной демонологии – домового.

Историко-культурный регион Русского Севера представлен в лингвистическом отношении очень ярко и широко. Под Русским Севером вслед за Т.А. Бернштам и К.В. Чистовым [2, с. 3–6] понимается обширный «историко-географический ареал» [3, с. 5], в который «включены Архангельская, Новгородская, Псковская, Вологодская, Ленинградская, Тверская, части Ярославской, Костромской и Пермской областей, Республики Карелия и Коми» [11, с. 18]. Заметим, что в Мезенском и Пинежском районах Архангельской области представлен богатый спектр обращений к домовым в разных ситуациях.

Ситуация 1. Вхождение в новый дом / уход из старого дома в новый / новоселье.

Дедушка-домовейка, пусти, пой, корми, обувай, одевай и обогревай. Люби и береги (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

Поклонись в четыре угла и скажешь: «Дедушка-домовейка, пой, корми, на меня, хозяйка, не надейся» (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

Пошли сын да невестка в новый дом, я взяла хлеба, соли, крупки. Зашла: «Дедушко-домовейко, прими моих детушек, обогревай, обувай, одевай, на добры дела их наставляй». Обошла по углам (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

В новый дом петуха да кошку носили, чтобы ночевать веселей. Дак вот говорили: «Дедушко-домовейко, пусти нас на подворьице» (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

Заселение в новый дом, новоселье – один из ключевых бытовых ритуалов, «призванный обеспечить благополучную жизнь семьи на новом месте» [15, с. 412]. Известно, что ритуал «предполагает общение в особых (даже сакральных) случаях, влекущих за собой переворот, “переходность” из одного состояния в другое, например, изменение социальной роли или статуса участников ритуала, изменение в жизни целого коллектива и др.» [20, с. 24]. Переселение в новый дом является таким событием. Однако в настоящее время это явление можно назвать и повседневным, чего требует этикет, ведь заселение в новый дом может случиться в любой момент и по любой причине. Тем не менее, важным элементом этого обряда у славян считается и остается по сей день «переселение» домового из старого дома в новый. Домовой как мифологический персонаж вбирает в себя функции хозяина и покровителя дома, «домового пената». Не случайно во всех записях встречается обращение «дедушка» – к домовому обращаются как к представителю старейшин рода, семьи, традиционно исключительно уважаемому.

Домовому следует уделять должное внимание и даже проявлять почтение. Поэтому согласно обряду, к домовому нужно обратиться, позвать его с собой, попросить разрешения и покровительства перед тем, как обустроиваться на новом месте. В этот момент начинает действовать этикетная функция такой формулы-обращения, поскольку это условие обязательно, это символический знак приветствия и идентификации существующего мифологического хозяина, без которого жизнь в доме невозможна. Зачастую эта формула произносится носителями диалекта как бы «автоматически», по однажды заведенному порядку, исходная суть которого уже мало кому известна:

Дедушко-домовейко, полюби мою семейку! (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

[Когда входят из старого дома в новый] Поклонись у ворот и скажи: «Дедушка-домохозяюшко, пойдём с нами» (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

Дедушка-домовейка, пусти, пой, корми, обувай, одевай и обогревай. Люби и береги! (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

Как видно, подобные формулы-обращения выстраиваются по одинаковой схеме: обращение, выраженное приложением в звательной (уважительной, почтительной) форме (*дедушка-домовейко(а)/домовейко/домохозяюшко*), + просьба, выраженная глаголом в форме императива (*пусти / пой / корми / (по)люби / береги и под.*). Нередко встречается описание этикетного символического жеста – нужно поклониться (*в четыре угла / у ворот*) перед тем, как зайти в дом и обратиться к домовому.

На уровне бытовой коммуникации сразу чувствуется ласковое, доброе отношение к мифологическому хозяину, на что указывают диминутивные наименования домового с уменьшительно-ласкательными формантами *-юшк(ушк)*, *-ейк*: *домовейко, домовейко, домохозяюшко*. Домового просят любить, оберегать, обогревать новую

семью в новом доме, чтобы жилось спокойно и радостно, главное – в гармонии с хозяином-домовым. Любопытно, что в некоторых случаях в конце формулы появляется компонент отрицания «полномочий» хозяйки, входящей в дом, выраженный императивом с частицей не (*не надейся*), что говорит о всецелом доверии мифологическому хозяину дома:

Поклонись в четыре угла и скажешь: «Дедушка-домовейка, пой, корми, на меня, хозяйка, не надейся» (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

Попросись у домовейки: «Пой, корми, на меня на хозяйку не надейся». Не попросилась-то я крёсница, да корова вся мокра, домовейка музил (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

Когда ребенок родится, заносили в избу, все углы крестили да приговаривали: «Дедушко-домовейко, при млáдина раба божья, обувай, одевай, золотой лапочкой гладь, да на хозяев не надейся». (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

Соблюдение правил этикета обязательно. Из контекста становится очевидным, что «нарушение этикета в отношении человека к домашнему пенату» [22, с. 136] может стать причиной недоброжелательности домового к хозяевам дома или их скотине. Нередко сами информанты объясняют, что может произойти:

У дедушка домового проситься надо в новый дом. Не попросись – оно будет пугать, ходить по дому ночью. Скажут: «Дедушка меня сегодня выдал, это не к добру». Когда давит, спросить надо: к добру ли к лиху. (Кеврола, Пинеж., Арх., СДК-1984).

Дедушко-домовой есь. Когда в новый дом переедешь, надо проситься, покланяйся: «Дедушко-домовой, пусти!». Покланяйся. Не попросись – так говоря, будет пугать. Ночью ходит по дому, чуешь, что ходит, а ведеть-то не ведеши. (Кеврола, Пинеж., Арх., СДК-1984).

Когда идёшь в дом, надо сказать: «Дедушко, пусти на проживание». А я вот не просилась, мне и говорят: ты так и живёшь плохо, что не попросилась. (Немнюга, Пинеж., Арх., СДК-1984).

Очевидно, что несоблюдение этикета ведёт к какому-то глобально плохому событию, о чем свидетельствует и лексическое наполнение формулы, в частности слова с отрицательной семантикой: глаголы в позиции предиката – *домой будет пугать*, *домовой давит / выдал* (в значении ‘душить’), *домовейка музил / мучил* (скотину); существительные в составе фразеологизма в предложно-падежной форме (Д.п.) – *не к добру*, в составе обязательного вопроса к домовому в предложно-падежной форме (Д.п.) – *к добру ли к лиху*; наречие – *ты так и живёшь плохо*. Иногда к домовому обращались напрямую с просьбой «не пугать и не мучить», вербализируя свои мысли, поскольку считалось, что слово уже в себе заключает некую «магическую силу»: *Вот ты пришла домой и говоришь: «Дедушко-домовейко, пусти меня на подворье, хозяйку, не пугай и меня не задевай»* (Тимощелье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

Ситуация 2. Вхождение в новый дом / хлев скотины:

Скотинушку заводят: «Дедушко-домовейко, пусти на подворице», – если во свой хлев везут (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

«Дедушко-домовейко, пусти пожить, да ты не обижай, да скотину не тревожь» (Петрово, Мез., Арх., СДК-30, 1986).

«Дедушка-домовейко, пой, корми, по шерсти гладь» (Петрово, Мез., Арх., СДК-30, 1986).

А скотину заводили, я слыхала: «Дедушко-домовейко, возьми мою скотинушку, прими, пой, корми и люби». Морочили сами себе (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

Дедушка-домовеюшка, полюби у меня пестронушка ('кличка пёстрой коровы' [17, с. 318]), *пой, корми, дроти* (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

Дедушко-доможировошко, пусти скотинку постоять, не мучь, полюби! (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

Дедушко-домохозяюшко, полюби мою скотинушку. Скотинку – на полы, а сам – под полы (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

В традициях сельских жителей Русского Севера, «когда покупают и приводят в дом новую скотину, обязательно нужно “попроситься” у домового-дворового. Если этого не сделать, он может не принять скотину» [22, с. 137], т.е. скотина не приживётся в доме, будет болеть и т.д. В этом тоже проявляется этикетность формулы-обращения, поскольку присутствует символическая обязательность вербального высказывания. Можно сравнить с «ритуалом» приветствия в обычной, повседневной коммуникации: если со знакомым человеком не поздороваться, он может «не принять» этого, т.е. огорчиться, воспринять это как отрицательный словесный жест, из-за чего возникнет коммуникативная неудача (подробнее см. [19]). Метафорически та же коммуникативная неудача постигнет человека и хозяина-домового.

Поклониться во все четыре сторону и сказать: «Дедушко-доможирошко, полюби мою скотинушку, люби своей дорогой ласкоточкой, гладь своей золотой лапочкой (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

Домовеюшко-дедушко, прими нашу скотинку, напои, накорми и полюби. И так – три раза (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

Скотину заводили, скажут: «Дедушко-домовеюшко, пусти на подворье, навсегда, вот те дом, да трава, да родима сторона». Говорят, что всё дедушко-домовеюшко какой-то (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

Заходя в дом, дак просят у домового, у дедушка домового скотину купать, тоже просят: «Дедушка-домовой, пору божью скотинку пусти на подворьице, пой, корми сытёхонько, по двору води гладёхонько». (Кеврола, Пинеж., Арх., СДК-1984).

Следует обратить внимание на большое количество наименований домового в рассматриваемых формулах. Все номинации (*домовеюшко, домохозяюшко, доможирушко*) мотивированы, прежде всего, функцией мифологического хозяина дома. Например, номинация *доможир / доможирушко / доможировошко* зачастую «совпадает с наименованием хозяина дома: *доможір* ‘состоятельный хозяин’ и ‘домовой пенат’» [21, с. 60]. Грамматически формулы построены по той же схеме: обращение + просьба. Основные тематические блоки просьбы при заведении в хлев скотины: 1) Пустить; 2) Не обижать / не тревожить; 3) Гладить по шерсти / полюбить. При этом важно попросить домового остаться самого, чтобы он был невидимым бережливостным духом дома: *Дедушко-домохозяюшко, полюби мою скотинушку. Скотинку – на полы, а сам – под полы* (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

Привлекает внимание и звуковая, интонационная сторона формулы. Фольклорная речь зачастую обладает особой поэтичностью, выразительностью и красотой. Для эстетизации речи и для лёгкости запоминания рассматриваемые формулы нередко имеют ритмообразующую, рифмованную структуру: *«Дедушко-домовеюшко, пусти на подворье, навсегда, вот те дом, да трава, да родима сторона»* (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986). *«Дедушка-домовой, пору божью скотинку пусти на подворьице, пой, корми сытёхонько, по двору води гладёхонько»* (Кеврола, Пинеж., Арх., СДК-1984). Формы слов народнопоэтической речи с помощью суффиксов субъективной оценки придают особое звучание подобным формулам (*подворьице, сытёхонько, гладёхонько*). Использование этих форм выражает и отношения человека-хозяина к хозяину-

домовому, которого подобным образом пытаются уважить, проявить почтение и – попросить такого же отношения у домового.

Заключение. Итак, в результате анализа ряда контекстов, записанных на территории одной области (Архангельской) примерно в одно время (1984–1986 год), становится очевидно, что употребление подобных формул-обращений ещё связано с мифологическим сознанием сельских жителей и обрядовостью, однако эта связь редуцируется, ослабляется в пользу символической этикетности. Так делают, так говорят, потому что «так принято» в сельском обществе – это знание передаётся из поколения в поколение, однако сейчас в повседневном общении глубокое сакральное содержание этого словесного ритуала объяснить уже человек не может. В недавней экспедиции в Вологодскую область Тотемского района (июль, 2023) была зафиксирована формула-обращение к домовому, которое отмечается в Словаре вологодских говоров и определяется как «ласковое обращение к домовому» [16, с. 16–17] (*Дедушко-соседушко, приди..*), но информант уже не смог воспроизвести её полностью и объяснить, зачем и при каких обстоятельствах это нужно произносить – «так учили, и по-другому нельзя» (Никольское, Тотемск., Волог., 2023). Это свидетельствует о том, что до сих пор эти слаборитуализованные формулы остаются в живой коммуникации носителей диалекта, они по-своему важны и обязательны, но уже больше в качестве закреплённого этикетного выражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурин А.К. У истоков этикета / А.К. Байбурин, А.Л. Топорков. – Л.: Наука, 1990. – 168 с.
2. Бернштам Т.А., Чистов К.В. От редакторов / Т.А. Бернштам, К.В. Чистов // Русский Север: ареалы и культурные традиции. – СПб.: Наука, 1992. – 272 с. С. 3–6.
3. Бернштам Т.А. Введение // Русский Север: к проблеме локальных групп / Т.А. Бернштам. – СПб., 1995. – 317 с. С. 5.
4. Гришанова В.Н. Обращение в говоре как отражение менталитета его носителей / В.Н. Гришанова // Славянский альманах. – М.: Институт славяноведения РАН, 1999. – С. 324–336.
5. Егорова О.А. Традиционные формулы как знаковая характеристика фольклорного произведения / О.А. Егорова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – М.: Научно-информационный издательский центр и редакция журнала "Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук", 2016. – № 9-1. – С. 270–274.
6. Зорина Л.Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте народной культуры / Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВПГУ, 2012. – 216 с.
7. Зорина Л.Ю. Обращения в вологодских народных говорах как отражение особенностей традиционной коммуникативной культуры / Л.Ю. Зорина // Вестник Костромского государственного университета. – Кострома, 2017. – Т. 23. – № 5. – С. 76–80.
8. Зорина Л.Ю. Употребление имён собственных в составе формул народного речевого этикета / Л.Ю. Зорина // Материалы XVIII Международной научной конференции. В 2 т. – Кострома, 2020. – Том 2. – С. 335–338.
9. Иванов Е.Е. Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах / Е.Е. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2022. – Т. 13. – № 4. – С. 898–924.
10. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики / Г.И. Мальцев. – Л.: Наука, 1989. – 170 с.
11. Мельникова Е.А. «Здесь русский дух...»: к истории Русского Севера на символической карте воображаемой России / Е.А. Мельникова // Русский Север: утопии и мобильности. Тезисы докладов IV научных чтений памяти К. В. Чистова. – СПб., 2019. – № 1(3). – С. 6–22.
12. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки: заметки по общей теории клише / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1970. – 240 с.
13. Садова Т.С. Народная примета как текст: лингвистический аспект / Т.С. Садова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – 210 с.
14. Садова Т.С. Сногадания и рассказы о снах в русском речевом обиходе: лингвистические заметки / Т.С. Садова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2021. – 144 с.

15. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. – М.: «Международные отношения», 1995–2012. – Т. 3. – С. 412.
16. Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007. – Вып. 2. – С. 16–17.
17. Словарь русских народных говоров в 46 т. – Л., СПб., 1965 –... Т. 26. – С. 318.
18. Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале / С.М. Толстая. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2015. – 528 с.
19. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты / Н.И. Формановская. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 160 с.
20. Чекина А.А. Структурно-семантические особенности одной обрядово-этикетной формулы народной речи в ситуации ткачества / А.А. Чекина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск, 2023. Т. 45. № 6. С. 23–28.
21. Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера / О.А. Черепанова. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1983. – 168 с.
22. Черепанова О.А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / О.А. Черепанова. – СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-та, 1996. – 212 с.
23. Черепанова О.А. Общепринятые и региональные формулы речевого этикета: комплиментарные обращения / О.А. Черепанова // Вопросы региональной лексикологии и ономастики: сб. науч. трудов / отв. ред. Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 1995. – С. 169–176.

Поступила в редакцию 10.11.2023 г.

**"DEDUSHKO-DOMOVEYUSHKO, LOVE MY FAMILY":
RITUAL AND ETIQUETTE FORMULAS FOR ADDRESSING HOUSE GOBLINS
IN REGIONS OF RUSSIAN NORTH**

A.A. Chekina

The article discusses structural, semantic and functional features of ritual and etiquette formulas-appeals to house goblins. The specifics of ritualized formulas-addresses in folk speech etiquette is analysed on the material of records from the archive "Spiritual Culture of the Russian North in Folk Literature" (SDK) received during the expedition of Russian Language Department of St. Petersburg State University in Arkhangelsk region. The focus is made on the features of traditional mythologized communication of rural residents of the Russian North, when not only people become communicants, but also anthropomorphized images of nature, characters of folk demonology. The latter are discussed in more detail in the present article. An attempt is made to distinguish the elements of "ceremonial" and "etiquette" in such formulas. The conclusion is made about the weakening of the mythological, ritual subtext in favor of symbolic etiquette. The article is written in the aspects of linguofolcloristics and ethnolinguistics

Key words: folk-speech etiquette, ritual and etiquette formula, address, house goblin, Russian North, ritualism, etiquette, language of folklore.

Чекина Анастасия Артемовна.
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет».
Аспирант кафедры русского языка.
Преподаватель.
E-mail: fillinfolk@gmail.com

Chekina Anastasiya Artemovna.
Saint-Petersburg State University.
Post-graduate student of Russian Language
Department.
Teacher.
E-mail: fillinfolk@gmail.com

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЁНОМУ

УДК 81'28

МОТИВИРОВОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ В ОБРЯДОВОЙ ЛЕКСИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКИХ ГОВОРОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2023 А.В. Ягловская

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

В работе рассматривается обрядовая лексика в украинских говорах Воронежской области с позиции мотивации. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения лексики традиционной духовной культуры украинских говоров Воронежской области для возможности сохранения и фиксации диалектных лексем, восстановления первоначального облика обряда, формирования четкого представления о наименованиях и функциях предметов, действий и лиц, принимающих участие в ритуале диалектоносителей конкретного региона. В ходе исследования выявлены основные мотивировочные признаки, положенные в основу обрядовых наименований: характер действия; время проведения ритуала; место проведения ритуала; форма ритуального предмета; лексемы, мотивированные антропонимами и др. На основании принципов номинации сделаны выводы о специфике языковой картины мира диалектоносителей Воронежской области. Так, среди особенностей выделяется антропоцентризм (*Пилипівка, Хвилипки, меланки* и др.), архаичность (*коровай – *korva, беседа – *bez-+*sěda, смотрины – *motr* и др.), образность (*весілля, гульба, гулюшки* и др.).

Ключевые слова: мотивировочные признаки, языковая картина мира, традиционная духовная культура, принципы номинации, лексема, семантика.

Исследование лексики, связанной с традиционной духовной культурой жителей определённого региона, представляет интерес для лингвистов как в плане анализа собственно языковых процессов, так и для исследования связи языка и культуры. Важное значение при таком анализе имеет исследование мотивировочных признаков, которые помогают раскрыть особенности языковой картины мира диалектоносителей. Несмотря на большое количество научных работ по диалектологии, обрядовая лексика украинских говоров на территории Воронежской области продолжает оставаться малоизученной.

В данной статье предпринята попытка описания обрядовых наименований в украинских говорах Воронежской области с позиции мотивации. Источником материала послужил «Словарь украинских говоров Воронежской области» М.Т. Авдеевой.

Под мотивированностью вслед за О.И. Блиновой мы понимаем причинную связь между звуком и смыслом, звучанием и значением слова [2, с. 18]. Мотивированные слова обладают «внутренней формой», ибо они связаны с производящим словом своей формой и теми семемами, которые входят в мотивирующую часть значения. Однозначное слово также может быть мотивированным по своему значению. Как отмечает О.И. Блинова, «внутренняя форма слова, предопределяющая мотивированность, выступает средством реализации мотивированности в слове» [2, с. 31]. В зависимости от степени мотивированности выделяются мотивированные слова, полумотивированные и немотивированные слова [3, с. 40].

В ходе исследования было проанализировано 94 обрядовых наименований, относящихся к разным тематическим группам. Было выявлено несколько типичных мотивировочных признаков, положенных в основу наименований.

1. По характеру действия.

Лексемы *гульба*, *гулюшки*, отмеченные значением 'свадебное торжество' в украинских говорах, образованы от глагола *гулять*: *Шальна гульба в разгари* (село Колыбелка Лискинского района). *Гулюшки були висёлыи* (Бутурлиновский район) А.А. Потебня и А.И. Соболевский считают исходным значением слова гулять 'пить', что мотивирует диалектное значение 'пировать, праздновать', но истоки его остаются неясными [11, с. 474]. Семантика 'пьянствовать, проводить время в попойках' зафиксирована и В.И. Далем [5, с. 418].

Лексема *весілля* 'свадьба' восходит к номинации веселья: *Вчора ми були на весілли* (село Петропавловка Россошанского района). Как отмечает Н.И. Толстой, «в народной культуре под весельем понимается ритуализированное выражение положительных эмоций, сопровождаемое смехом, песнями, плясками, играми и т. п. Оно обладает мощным апотропейным действием и в этом качестве сопровождает большинство семейных обрядов, в частности свадебных. Неслучайно в ряде славянских языков корень -весел- содержится в словах, обозначающих свадьбу: украинское *весілля*, белорусское *вяселле*, польское *wesele*, словацкое *veselie*, чешское *veselka*» [10, с. 289].

В некоторых украинских селах Воронежской области наименованием процесса вступления в брак служат глаголы *ожениться*, *обабиться*: *Мій брат аженився* (Россошанский район). *Он вчора обабився* (село Колыбелка Лискинского района). Смысловый вектор лексемы *оженить*, по мнению Е.А. Богдановой, «направлен в сторону молодого человека, приобретающего, обзаводящегося женой, что отражает идею перехода невесты в родовой коллектив жениха. Образовано по аналогии с общерусской лексемой *женитьба*, однако в качестве средств номинации выступают аффиксы, более продуктивные в говорах, чем в литературном языке» [4, с. 52]. Семантика приобретения жены также отражена в наименовании *обабить* (кого-л.) с тождественным значением.

В украинских воронежских говорах для обозначения предсвадебного ритуала (сватовства), во время которого происходит показ будущей невесты родственникам жениха, используется отглагольный номинатив *оглядины* 'смотрины у жениха, осмотр жилья и хозяйства невесты': *Мати з батьком поїхала на оглядини* (село Ломы Воробьевского района). Мотивировано, предположительно, либо непроизводным глаголом *глядеть*, либо производным от него *оглядывать* 'детально обследовать возможные недостатки; осматривать все до мелочей' [7, с. 318]. Данный номинатив формально тождественным существительному *смотрины*, поскольку эти наименования мотивированы одним и тем же признаком – характером совершаемых действий.

Лексема *заручіни* в украинских говорах обладает значением договора родителей невесты и жениха перед свадьбой: *Заручіни – це вже як сватаюця* (Кантемировский район). Для определения мотивировочных признаков обратимся к тождественной лексеме в русских говорах Воронежской области, где отмечено существительное *зарученье* 'обрядовый сговор родителей невесты со сватами и женихом о свадьбе': *На зарученьи радители невесты дают сагласие на свадьбу* [9, с. 10] Для лексем характерна семантика договора, обмена обещаниями. Таким образом, номинация *заручіни* может быть образована от глагола *заручаться* (чем-л.). По Ожегову, «заручиться 1. Запастись чем-н., заблаговременно обеспечить себе что-н. в качестве помощи, поддержки. 2. Запастись чьим-н. согласием, поддержкой».

Для наименования гуляний на второй день свадьбы в украинских селах Воронежской области употребляется фразеологическое сочетание *идти с беседою*: *На другий день з беседою – до молодії. З беседою як пішли по вулиці, а тут цигани настречу* (село

Петропавловка Россосанского района). Слово *беседа* здесь функционирует в значении 'свадебная процессия, гости на свадьбе'. Г.А. Крылов отмечал: «Выяснение этимологии этого слова *беседа* дает возможность узнать, что общего между такими, казалось бы, далекими друг от друга понятиями, как *сидеть* и *говорить*. Первая часть этого слова – *бес* означала снаружи, а *седа* – сидение. Итак, поначалу это слово означало сидение перед домом. Вероятно, нашим предкам быстро надоело такое пустое сидение, и они переходили к разговору, а слово *беседа* постепенно приобретало значение разговора во время сидения перед домом. Потом от этого понятия отпали все сопутствующие обстоятельства и осталось только *разговор* [13, с. 34].

Слово *свайба* широко используется в украинских селах для обозначения свадебного торжества и является фонетический вариантом лексемы *свадьба*. В.И. Даль считал, что «свадьба образована от сводить, сблизать, знакомить, мирить (сводить и сватать общего корня) – обручение, совершение брака, женитьба и замужество, повенчанье, со всеми брачными обрядами и пирушками» [5, с. 148]. Таким образом, свадьба – процесс сведения двух людей вместе ради образования единого целого.

Лексемы *сват* и *сваха* в украинских говорах Воронежской области бытуют в нескольких значениях: служат для обозначения степени родства между родителями молодоженов и являются номинацией для лица, который сводит, знакомит жениха и невесту: *Нівісту сажали в телігу, туды сваха сідала с блюдом. Сваха сідить на красніх подушкіх* (Петропавловский район). Лексемы имеют свое распространение в литературном языке и совпадают в плане выражения и плане содержания: «Сват 'тот, кто по поручению жениха или его родителей сватает ему невесту, занимается сватовством', сваха 'женск. к сват, женщина, постоянно занимающаяся сватовством, устройством браков'» [7, с. 38]. В основе номинации в данном случае лежит функциональный принцип, т.е. лексемы образованы от глагола *сватать*. В качестве мотивировочного признака выступает основная роль свадебного чина – сватовство: так, *сват* или *сваха* оказывают помощь в выборе партнера и выступают в качестве посредников в процессе согласования брака. Г.А. Крылов, обратившись к этимологии лексем, подтверждает: «Общеславянское слово, образованное, возможно, от основы *св*, к которой восходит и местоимение *свой*; *сват*, таким образом, *сват* тот, кто сводит людей, делает их своими между собой, тогда как *свадьба* – это акт сведения людей» [13, с. 232]. Кроме того, в украинских говорах Воронежской области бытует лексема *сватовство*, в основе которого лежит действие по глаголу *сватать*: *Вот такой закон був: пришли вот за минэ, сосваталися, пришла там евошня мать, ну выпили по стакану, ну фсэ, мол, договорилися.* (Острогожский район).

В исследуемых говорах для обозначения процесса колдовства распространен глагол *вищувать*: *Шось вона там віщує, минэ вон сына навіщувала як я молода була* (село Митрофановка, Кантемировский район). Здесь актуализируется значение «заглядывания» в будущее того, кто «вищует». Смысловый вектор направлен на просмотр возможных вариантов события. Так, номинация мотивирована от архаизма *ведать*, т.е. знать. Диалектоносители подчеркивали возможность колдуна иметь доступ к глубинному знанию о происходящем. Производным от *вищувать* можно считать лексему *віщуха* 'женщина, имеющая сверхъестественные способности, колдунья' *Да она всігда така віщуха* (село Екатериновка Лискинский район).

В украинских селах бытует поминальный обряд *посыпания*. Лексема мотивирована действием, совершаемым во время ритуала: утром, в день поминок, совершалось *обсыпание* зерном красного угла в доме усопшего. Выполняли обряд *посыпания* *посипальники*, обычно мальчики или молодые люди: *Посипальник заходе в*

хату і спрашуєця: в какой вугол посипать? (село Переволочное Калачеевского района). *Посипальники ходять утром* (село Старотолучеево Богучарского района).

На стол в украинских во время поминальной трапезы ставится выпечка, специально приготовленная для обряда, *поминушки*: *На родительскую поминушки пикут*. (Борисоглебский район). Таким образом, лексема *поминушки* мотивирована глаголом поминать.

2. По времени проведения ритуала.

Лексема *підвисілки* в украинских говорах Воронежской области бытует в значении вечерних посиделок, встречи молодежи в день перед свадебным торжеством. *Підвисілки*, вероятно, производное от украинского *весілля* 'свадьба'. Предлог *під* (чем-л.) в украинских диалектах представляет собой фонетический вариант русского предлога *под* (чем-л.) и обладает тождественной семантикой. Одно из значений предлога, по Ожегову: «О времени: близко к чему-н., перед чем-н.: *Под вечер. В ночь под Новый год*» [8, с. 241]. Таким образом, лексема *підвисілки* мотивируется по времени проведения предсвадебного ритуала, в ночь перед свадьбой.

В отдельную подгруппу можно выделить номинации, объединенные суффиксальными производными от существительного *вечер*: *вечеря, вечерня, вечерина, вечеринка*. Такие встречи проводятся вечером, накануне свадебного торжества, перед венчанием. Сюда же относим *вечерники* как наименование участников рождественских обрядов, исполняющих колядные песни и ходящих по домам с кутьёй. В данном случае участники обрядов также выполняют обрядовые действия в вечернее время суток.

В селах с украинским населением вечером в новогоднюю ночь с 13 на 14 января совершался ритуал, во время которого молодыми юношами и девушками исполнялись разновидности колядных поздравительных песен – *щедрівки*. Сам процесс номинировался *щедрувать* 'ходить по дворам в канун Нового года и Рождества с поздравительными песнями': *Щідрують одні дівчатка* (село Ломы Воробьевского района). Участник щедровального обряда в украинских говорах Воронежской области – *щедрувальник* 'тот, кто ходит щедрувать': *Під Рождіство ходють щідрувальники. – Щідрувальникив треба? – Треба. А як скажуть «ни треба»: (в ответ) Ваша дівка нивлжеба* (Воробьевский район). Данные лексемы образованы от прилагательного *щедрий* и мотивируются по времени проведения ритуала: в ночь с 13 на 14 января, которую в народе называют *Щедрым*. В Щедрый вечер хозяевам необходимо желать достатка и благополучия в доме, а главное – хорошего (щедрового) урожая в Новом году.

3. Лексемы, мотивированные антропонимом.

Пилипівка именуется празднеством в период Рождественского поста: *Та це на Пилипівку було* (село Старотолучеево Богучарского района). Данное наименование мотивированной антропонимом – посвящено торжеству одному из учеников Иисуса Христа – апостолу Филиппу. В Афанасьевском сборнике «Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области» Т.И. Пухова фиксирует: «Православные христиане на Пилиповку возносят молитвы образу святого Филиппа в надежде на исцеление от разных болезней, уповают на защиту от жизненных невзгод, просят о здравии близких людей. Считается, что образ апостола Филиппа наделён необычайно сильным даром избавления человека от напастей» [6, с. 230]. Фонетическим вариантом данной лексемы в украинских говорах Воронежской области бытует номинант *Хвилипки* 'период Рождественского поста': *Хвилипки обмічають – починаєця піст до самого Різдва*. (село Переволочное Калачеевского района). Отмечается также производное прилагательное – *Пилипівський*: *Пилипівський вечір* (Репьевский район).

Наличие широкого лексического разнообразия для номинации данного Рождественского обряда выделяет высокую степень значимости праздника *Пилипівка* для диалектоносителей.

Меланки в значении поздравительных рождественских песен восходит к имени святой Мелании. Мелания Младшая – христианская святая. В православной церкви её память совершается 31 декабря (13 января). В традициях щедрования на Украине среди маскарадных персонажей есть Меланка (юноша, переодетый девушкой).

4. Лексемы, мотивированные местом проведения обряда

Лексемы *посад*, *посада* или же *посадка*, обозначающие место молодоженов во время свадебного застолья в красном углу, в украинских говорах Воронежской области мотивированы глаголом *посадить*. Архисемой для всех значений указанного глагола является сема ‘занимать место’. Однако Е.А. Богдановой при исследовании свадебных номинаций отмечается, что «в говорах *посадам* называют не сам обряд, а непосредственно почетное место, куда сажают молодых или невесту: в некоторых диалектах так называют красный угол, почетное место за столом» [4, с. 21].

Неотъемлемой частью свадебных ритуальных действий в украинских селах Воронежской области является второй и третий день свадьбы. Если на второй день свадьбы все празднующие родственники собираются в доме невесты для продолжения застолья, то третий день свадебного обряда необходимо провести родителям жениха. Так, накрытый женихом стол имеет название *княжицкий обед*: *Утром свекор приїзжаєт в дом родителей молодой и приглашает их к сэбе на «княжицкий обідь»* (село Истобное Репьевского района). Наименование мотивировано названием первого свадебного чина – князь – и указывает на организатора застолья, т.е. жениха, у которого дома проводится торжество. В некоторых селах такое застолье называли *жирный обед*, но мотивированным признаком в данном случае является характер действия, т.е. характер самого застолья.

Близкие родственницы невесты перед свадебным торжеством помогали ей одеваться, такой процесс в украинских говорах Воронежской области номинируется лексемами *образить невесту* ‘наряжать, одевать (невесту)’. Сам обряд происходил по традиции в красном углу под иконами, которые в диалектной среде номинируются *образами*. Е.А. Богданова отмечает важную деталь ритуала: «Сама обстановка обряда, предполагающая пассивную роль невесты, которую одевают и причесывают другие свадебные чины, непринятие ею пищи, расположение в углу под иконами и т. п., сигнализирует о переходном состоянии невесты, которая находится как бы в междумирье; отсюда наблюдаемое сходство ритуальных действий с элементами похоронной обрядности, получающее свое развитие в движении свадебного поезда» [4, с. 109]. Таким образом, лексема мотивирована местом, в котором совершается обряд – под религиозными образами, иконами.

Кроме слов с прозрачной внутренней формой, выявлены немотивированные наименования, среди которых выделяются заимствования и лексемы со славянскими корнями, но подвергшиеся деэтимологизации.

А) К немотивированным наименованиям со славянскими корнями относим центральное блюдо свадебного пира в украинских селах Воронежской *коровай* ‘свадебный хлеб’: *Напроти́в молодых стоїть коровай* (село Петропавловка Россошанского района). *Каравай* обычно толкуется как суффиксально-производное от **koŕva* ‘корова’ и связывается со свадебным обрядом. Как и корова, для диалектоносителей свадебный пирог символизировал плодovitость и богатство. Н.М. Шанский в «Этимологическом словаре русского языка» отмечает, что

«древнерусское *коровай* переходит в *каравай* в результате закрепления аканья на письме» [12, с. 187]. Названия крупного рогатого скота часто употребляются как названия изделий из теста. Например, в русских говорах, *коровушка* ‘рождественское печенье с украшениями’; в украинских говорах также встречается *гуска*, *бичок* ‘пряник, имеющий форму коровы, украшенный рогами’. *Каравай* относится к немотивированным словам со славянскими корнями, подвергшимся деэтимологизации, т.к. носителями диалектов связь с лексемой корова уже не осознается.

Б) К заимствованным лексемам в украинских говорах Воронежской области относим *кутья* ‘обрядовое блюдо’. Предполагается, что «заимствовано из греческого языка – *κουκκια* ‘бобы’, либо образовано от греческого *κοκκος* ‘зерно’» [11, с. 435].

В воронежских говорах для наименования летних средств передвижения употреблялась лексема *шарабан* ‘свадебная повозка, телега с рессорами’: *Шарабана їхала на улиці* (Острогожский район). В конкретно-бытовом значении лексема употребляется для обозначения всякой телеги. Кроме того, такие зимние сани были популярным транспортным средством, широко используемым не только в семейных, но и в календарных обрядах. В литературном языке *шарабан* 1. «Открытый четырехколесный экипаж с поперечными сиденьями в несколько рядов. 2. Одноконный двухколесный экипаж, кабриолет» [7, с. 701]. По мнению М. Фасмера, «лексема заимствована из французского языка, где *char à bancs* – ‘семейные дрожки, открытый фэзтон с несколькими рядами сидений’» [11, с. 407].

В селах Воронежской области с украинским населением частью поминального обряда является *канун*. Отмечается, что канун могут готовить из рисовой каши с добавлением изюма и подавать в качестве поминального блюда. Г.А. Крылов отмечает заимствование лексемы *канун* от греч. *κανῶν* ‘правило, норма’ [13, с. 173].

Ризки ‘ткань, в которую принимают ребенка’ в украинских говорах Воронежской области является атрибутом родильно-крестильных обрядов. По мнению М. Фасмера лексема заимствована из греческого языка от *χρῖσμα* (*хризма*). «В русский язык пришел, вероятно, через польск. *krzyżmo*, *chrzyżmo* ‘миро; крестины’». [11, с. 632].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что наиболее лексически наполненной является группа номинаций, объединенных мотивировочным признаком характера действия. Так, наибольшее значение для носителей украинских говоров Воронежской области имеет сам процесс проведения обрядов, так как диалектоносителями осознается взаимосвязь качества проведения ритуала и его влияния на материальную сторону жизни.

На основании анализа принципов номинации обрядовой лексики выделяются особенности языковой картины мира диалектоносителей. Так, для украинских говоров Воронежской области характерна эмоциональная окрашенность лексем (*весілля*, *гульба*, *гулюшки*, *жирный обед*). Наблюдаются древние, архаичные корни (*коровай* – в основе праславянский корень **korva*, *весілля* – общеславянский корень *-весел-*, *сватавство* – общеславянский корень *-сват-*, *посад* – индоевропейская основа **sed*, *беседа* – праславянские корни **bez-* + **sěda*, *смотрины* – праславянский корень **motrь*, *образить* – праславянские корни **ob-* + **razь* и др.). Данным говорам свойственна антропоцентричность: в основе некоторых номинаций в украинских говорах лежат имена собственные (*Пилипівка*, *пилипівський*, *Хвилипки*, *меланки*). Наименования также отличаются внутренней прозрачностью и ярко выраженной образностью, форма слова чаще всего соотносится с его содержанием.

Таким образом, изучение принципов номинации позволяет выделить особенности языковой картины мира жителей Воронежского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области / М.Т. Авдеева. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2008. – 228 с.
2. Блинова О.И. Термин и его мотивированность / О.И. Блинова // Терминология и культура речи. – М.: Наука, 1981. – С. 18–37.
3. Блинова О.И. Явление мотивации слов: лексикологический аспект / О.И. Блинова. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1984. – 189 с.
4. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : диссертация кандидата филологических наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. – Воронеж, 2019. – 324 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М., 1989.
6. Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области. Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. – Вып. III. / Сост. Т.Ф. Пухова, Г.П. Христова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. – С. 230–235.
7. Малый академический словарь / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1988. – 797 с.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва : Азбуковник, 2000. – 940 с.
9. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М. : Л. : СПб. : Наука, 1976. – С. 10.
10. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой – М., 1995. – С. 289 – 291.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка// Перевод и дополнения О.Н. Трубачёва. – М., 2004. – 832 с.
12. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 420 с.
13. Этимологический словарь русского языка / Сост. Г.А. Крылов. – Санкт-Петербург : Виктория плюс, 2004. – 432 с.

Поступила в редакцию 01.11.2023 г.

MOTIVATIONAL FEATURES IN RITUALS VOCABULARY OF UKRAINIAN DIALECTS OF VORONEZH REGION

A.V. Yaglovskaya

The article deals with ritual vocabulary in Ukrainian dialects of Voronezh region with the focus on motivation. The relevance of the research is accounted for by the need to study the vocabulary of the traditional spiritual culture of Ukrainian dialects in Voronezh region in order to be able to preserve and record dialect lexemes, restore the original appearance of the ritual, and form a clear idea of the names and functions of objects, actions and persons taking part in the ritual of dialect speakers of a particular region. The study revealed the main motivational features underlying the ritual names, among which are the nature of the action; time of the ritual; place of the ritual; shape of a ritual object; lexemes motivated by anthroponyms, etc. Conclusions are drawn about the principles of nomination and the most important motivational features in the Ukrainian dialects of Voronezh region, which gives an idea of the specifics of the linguistic picture of the world of dialect speakers of the selected region.

Key words: motivational features, linguistic picture of the world, traditional spiritual culture, principles of nomination, lexeme, semantics.

Ягловская Александра Викторовна.
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».
Магистрант 3 курса заочного отделения филологического факультета.
E-mail: yaglovskaya_al@mail.ru

Yaglovskaya Alexandra Viktorovna.
Voronezh State University.
Master's student at Department of Philology.
E-mail: yaglovskaya_al@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ К ФЕНОМЕНУ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

© 2023 Э.А. Ангелина

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В работе проводится сравнительный анализ понимания специалистами феномена жизнестойкости. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения данного феномена для того, чтобы человек мог развивать и эффективно использовать свои персональные ресурсы, применять методы и средства для снижения последствий трудных жизненных ситуаций. В данном случае человеку может помочь жизнестойкость, которая выступает одним из факторов преодоления кризисных ситуаций.

Сформулированы выводы о том, что существует множество точек зрения относительно понимания феномена жизнестойкости. Обозначены сходства и различия в подходах к пониманию жизнестойкости у отечественных и зарубежных ученых. Выведено комплексное определение жизнестойкости.

Ключевые слова: жизнестойкость, личностные ресурсы, саморегуляция.

Введение. В настоящее время в связи с изменением в экономической, социальной и политической сферах общества жизнестойкость человека становится особенно значимой. Ряд причин, таких, как переменчивость в экономике и политике, последствия мер безопасности, принятых в 2020 году в связи с возникновением новой коронавирусной инфекции, ситуация, сложившаяся в связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операции на Украине в 2022 году без сомнений, привели к ухудшению качества жизни населения. Люди оказались не готовы к таким переменам, в следствие чего с трудом могут справляться со стрессовыми ситуациями и проявляют низкую стрессоустойчивость. И самым главным фактором, оказывающим влияние на уровень стрессоустойчивости, несомненно, является проживание на территории военного конфликта, когда люди ежедневно подвергаются угрозам обстрелов. Все это повышает уровень тревожности, страха, неуверенности в завтрашнем дне и снижает адаптационные возможности психики человека.

При отсутствии умений преодолевать кризисные ситуации у человека могут возникнуть психологические проблемы в виде отрицательных переживаний, нарушения межличностных отношений, снижения уровня самооценки, устойчивости личности [4, с. 193]. Следовательно, очень важно, чтобы человек мог развивать и эффективно использовать свои персональные ресурсы, применять методы и средства для преодоления и снижения указанных последствий. В данном случае человеку может помочь жизнестойкость, которая выступает одним из факторов преодоления кризисных ситуаций [2, с. 176].

Все это обуславливает необходимость изучения феномена жизнестойкости, который предложил С. Мадди [9, с. 454], и который понимается им как структура установок и навыков, которые помогают преобразовать окружающую действительность в возможности человека. По мнению ученого, в структуру жизнестойкости входит три компонента:

- вовлеченность (уверенность человека в том, что вовлеченность в актуальное настоящее открывает большие возможности найти что-то важное и интересное для себя);
- контроль (уверенность человека, что борьба поможет ему оказать влияние на результат того, что происходит сейчас);

- принятие риска (уверенность человека в том, что все, что с ним происходит, помогает ему развиваться благодаря полученному опыту).

По мнению С. Мадди, для сохранения психологического здоровья и оптимального уровня работоспособности в ситуациях стресса, нужно учитывать все три компонента, входящих в структуру жизнестойкости [16, с. 177].

В отечественной психологии изучением феномена жизнестойкости занимались Л.А. Александрова, С.В. Книжникова, Д.А. Леонтьев, Е.В. Либина, Ю.И. Сова, А.Н. Фоминова и др.

Основная часть. Феномен жизнестойкости в зарубежной психологии стали изучать С. Мадди и С. Кобейса [16, с. 175]. Учёные понимают жизнестойкость как структуру установок и навыков, которые помогают преобразовать окружающую действительность в возможности человека. Вначале ученые предложили термин «hardiness», который понимается ими как психологическая выносливость.

С. Мадди и Д. Кошаба выделяли в жизнестойкости два аспекта: деятельностный (действия человека для достижения цели; стратегии совладания со стрессом; забота о своем здоровье) и психологический (отношения к себе, к другим, к миру, интерес к жизни, социальный интерес). По мнению ученых, указанные аспекты обеспечивают возможности и умения личности изменять актуальную ситуацию, развивать социальные связи, реализовывать свой потенциал в различных сферах жизни [16, с. 174].

С. Мадди утверждает, что личность постоянно совершает выбор в стрессовых ситуациях и в обычной жизни. Ученый указывает на два пути человека: выбор неизменности (выборе прошлого) и выбор неизвестности (выбор будущего). Если человек выбирает путь неизменности, то он не принимает собственный жизненный опыт как новый и делает выбор в пользу прошлого, не изменяет привычные способы действия. Подобный выбор впоследствии вызывает у человека чувство вины из-за того, что он не смог реализовать свой потенциал. Если же человек делает выбор в пользу неизвестности (выбор будущего), то он понимает, что прошлый опыт нужно учитывать, но необходимо получать и новый опыт для того, чтобы справиться с кризисными ситуациями или ситуациями неизвестности. Делая подобный выбор, рискуя, человек начинает испытывать тревогу из-за неопределенности будущего. Если человек выбирает прошлое, то он пытается избежать осознания. Такой путь, по мнению С. Мадди, не приводит к успеху. При этом, выбор будущего – это большой потенциал для личностного роста человека. Таким образом, выбор неизменного прошлого ограничивает возможности человека, выбор неизвестного будущего – помогает найти новые смыслы [16, с. 174].

С. Мадди выделяет механизмы жизнестойкости, которые способствуют успешной саморегуляции: изменение субъективной оценки ситуации, создание мотивации к трансформационному совладанию, усиление иммунной реакции, поиск социальной поддержки, здоровый образ жизни [9, с. 455].

Положения концепции С. Мадди подтверждаются исследованиями П. Тиллиха [16, с. 175], который определяет жизнестойкость как способность человека преобразовывать актуальную ситуацию в ситуацию с новыми возможностями и включает в понятие жизнестойкости такие компоненты как ценности, доверие и

креативность. Р. Мэй понимает жизнестойкость как волю к жизни, как умение видеть и создавать свой неповторимый смысл в сложных жизненных ситуациях [16, с. 175].

По мнению В. Франкла [15, с. 52], человек в жизни постоянно должен отвечать на вызовы среды и противостоять трудностям, что закономерно приводит к напряжению, которое он может снизить благодаря развитым волевым процессам и приданию смысла во всех трудных ситуациях.

Важно отметить исследования в области жизнестойкости таких ученых как В. Флориан, М. Микулинчер и О. Таубман. Ученые указывали на то, что осознанная включенность личности в проблемную ситуацию помогает ей интеллектуализировать стрессовую ситуацию, снижает использование эмоционально-ориентированных копинг-стратегий и помогает ориентироваться на поиск поддержки и решение проблем [1, с. 88].

Представители гуманистического направления А. Маслоу и К. Роджерс едины в своих взглядах на проблему жизнестойкости. Гуманисты говорили о том, что жизнестойкость проявляется в стремлении человека к совершенству и самоактуализации [16, с. 80].

А.Н. Фомина [14, с. 10] считает, что жизнестойкость зависит от личностных ресурсов (адекватная самооценка, оптимизм) и возможностей среды (социальная поддержка).

Как считает Ю.И. Сова [13, с. 11], жизнестойкость включает такие компоненты как жизнестойкое поведение (преодоление кризисных ситуаций, мобилизация сил, ориентация на сохранение своего здоровья, личностные ресурсы) и жизнестойкое отношение (снижение значимости события, решение проблемы, извлечение опыта из событий при отсутствии гарантий успешного разрешения проблемной ситуации).

С.В. Книжникова [6, с. 68] понимает жизнестойкость как интегральную личностную характеристику, включающую смысловую регуляцию, адекватную самооценку, социальную компетентность, коммуникативные способности и развитую волю. Д.А. Леонтьев [7, с. 3] считает, что жизнестойкость влияет на успешность человека в преодолении жизненных трудностей.

По мнению Л.А. Александровой [1, с. 84], жизнестойкость взаимосвязана с умением человека преодолевать ситуации стресса и с уровнем адаптации. Е.А. Евтушенко полагает, что жизнестойкость связана с готовностью личности справиться с новой, незнакомой для нее ситуацией и преодолеть трудности [5, с. 76]. Е.В. Никитина [12, с. 101] указывает на связь жизнестойкости с уровнем ответственности человека за совладание с негативными событиями в своей жизни. При этом она отмечает, что существуют различные способы совладания с трудностями и определяет их как копинг-стратегии. Используемые личностью копинг-стратегии определяют уровень ее жизнестойкости.

Зачастую понятие жизнестойкости отождествляют с понятием копинг-стратегий. Следует подчеркнуть, что понятие жизнестойкости отличается от понятия копинг-стратегий. Во-первых, копинг-стратегии – это приемы, алгоритмы действия, привычные для человека, а жизнестойкость – это черта личности как установка на выживаемость. Во-вторых, копинг-стратегии могут принимать как продуктивную, так и непродуктивную форму, даже вести к регрессу, а жизнестойкость – черта личности, позволяющая справляться со стрессом эффективно и всегда в направлении личностного роста [11, с. 22].

Д.А. Леонтьев [8, с. 2] понимает жизнестойкость как черту личности, благодаря которой человек может преодолевать трудные ситуации и даже самого себя. По

мнению О.А. Березкиной [3, с. 6], жизнестойкость – это состояние человека, которое он может достичь в процессе активной деятельности в социальной среде, которая оказывает на него влияние, развивает и позволяет ему развивать жизнестойкость путем развития волевых качеств и чувств.

Т. В. Наливайко [10, с. 6] акцентирует свое внимание на взаимосвязи жизнестойкости с личностными свойствами человека и указывает на взаимосвязь жизнестойкости со смысложизненными ориентациями и с самоотношением. Таким образом, человеку, чтобы быть жизнестойким, нужно уметь ставить цели в жизни, воспринимать жизнь как интересную и наполненную смыслом, ощущать, насколько осмысленна жизнь, иметь представление о себе как о сильной личности и убежденность в том, что он может контролировать свою жизнь, принимать решения и действовать в соответствии с принятыми решениями.

Таким образом, зарубежные специалисты понимают жизнестойкость как некий ресурс, придающий уверенность и силу человеку в процессе противостояния трудностям.

Отечественные ученые связывают жизнестойкость с самоактуализацией, копинг-стратегиями, с психосоматическим здоровьем и понимают жизнестойкость как ресурс, как свойство личности, как социально-психологическую адаптацию на основании динамики смысловой саморегуляции.

На основании анализа исследований зарубежных ученых можно выделить следующее понимание жизнестойкости:

- жизнестойкость – это возможность человека адаптироваться к стрессовым ситуациям. В данном случае ученые акцентируют внимание на изучении самооценки, самообладания, чувства юмора, которые помогают личности развиваться при столкновении с трудностями и их преодолении;

- жизнестойкость связана с риском. Жизнестойкость – это умение личности справиться с проблемой, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, и продолжить своё развитие;

- жизнестойкость – это личностная черта, помогающая личности успешно преодолевать трудности и достигать успеха в жизни.

Жизнестойкость понимается зарубежными специалистами как специфическая черта характера личности. В проанализированных нами литературных источниках понимания зарубежными специалистами жизнестойкости мы можем отметить следующую тенденцию – сведение учёными понимания жизнестойкости к области повышения результативности, успешности, адаптации личности, преодоления стресса в кризисных и трудных жизненных ситуациях. При этом, зарубежными исследователями менее всего анализируется взаимосвязь жизнестойкости с ценностными, духовными аспектами личности.

Жизнестойкость зарубежными авторами понимается не только как способность человека противостоять различным травмирующим ситуациям, а и использовать их для личностного развития.

На основании исследования отечественных ученых можно выделить следующее понимание жизнестойкости:

- жизнестойкость включена в структуру личности и определяется как: черта личности, интегральная характеристика, психологическое свойство, система навыков и установок, система принципов и убеждений, способность;

- жизнестойкость как проявление интегральной индивидуальности;

- жизнестойкость как ресурс;

- жизнестойкость – критерий психического развития и фактор защиты.

Отечественные специалисты рассматривают жизнестойкость во взаимосвязи с личностными ценностями, внутренней мотивацией, ответственностью. Поэтому феномен жизнестойкости ими, как правило, заменяется такими понятиями как личностный потенциал, стойкость, жизнеспособность, жизнестворчество и др.

Заключение. Таким образом, можно отметить, что существует множество точек зрения, как отечественных, так и зарубежных ученых, относительно понимания феномена жизнестойкости. На основании проанализированных нами подходов можно вывести комплексное определение жизнестойкости. Жизнестойкость – это система убеждений человека о себе, о других, о мире, помогающая воспринимать события как менее травматические и успешно справляться с ними. Это особое личностное качество, определенные установки, навыки и способности, которые помогают превратить изменения, происходящие с человеком при столкновении с кризисными ситуациями или ситуациями неопределенности, в его возможности.

Подчеркнем, что жизнестойкость включает когнитивный (понимание ситуации и ее оценка), поведенческий (умение действовать и преодолевать трудности), мотивационный (мотив деятельности) и эмоциональный (эмоциональное реагирование в сложной ситуации) аспекты.

Проведенный сравнительный анализ понятия жизнестойкости в зарубежной и отечественной научной литературе позволяет утверждать, что многообразие рассмотренных трактовок рассматриваемого феномена свидетельствует не о различных подходах к проблеме психологической жизнестойкости человека, а об определённой специфике уровней анализа: от адаптации к самоопределению и реализации жизненного предназначения человека.

Представленные теоретические положения позволяют нам сделать вывод о том, что жизнестойкость – это феномен, в первую очередь, связанный с осмысленностью происходящего, с преобразованием действительности, с саморазвитием, что означает тесную взаимосвязь со смысловой саморегуляцией поведения и деятельности личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова Л.А. К концепции жизнестойкости в психологии / Л.А. Александрова // Сибирская психология сегодня: Сб. науч. трудов. Вып. 2 / под ред. М.М. Горбатовой, А.В. Серого, М.С. Ясницкого. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2004. – С. 82–90.
2. Ангелина Э.А. Взаимосвязь жизнестойкости со стратегиями совладания в период зрелости у женщин и мужчин / Э.А. Ангелина / Донецкие чтения 2022 : образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – Том 9: Философские и психологические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. – С. 176–179.
3. Березкина О.А. Актуализация и развитие жизнестойких качеств личности будущих специалистов : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Березкина Ольга Анатольевна // Комсомольск-на Амуре гос. пед. ун-т. – Комсомольск-на-Амуре, 2006. – 24 с.
4. Деркач А.А. Оптимизация устойчивости психического здоровья государственных служащих к экстремальным ситуациям / А.А. Деркач, Ю.Н. Казаков, В.В. Черняева // Ростов н/Д.-Пятигорск : Изд-во РИА-КМВ, 2008. – 228 с.
5. Евтушенко Е.А. Жизнестойкость личности как психологический феномен / Е.А. Евтушенко // Личность, семья и общество : вопросы педагогики и психологии. – 2016. – № 1 (58). – С. 72–78. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhiznestoykost-lichnosti-kak-psiologicheskii-fenomen> (дата обращения: 10.11.2023).
6. Книжникова С.В. Структурно-функциональное описание жизнестойкости в аспекте суицидальной превенции (Статья) / С.В. Книжникова // Материалы IV Всероссийской НПК «Феноменология и профилактика девиантного поведения». – Краснодар, 28-29 октября, 2010. – С. 67–70.

7. Леонтьев Д.А. Тест жизнестойкости. Методическое руководство по новой методике психологической диагностики личности с широкой областью применения. Предназначается для профессиональных психологов-исследователей и практиков / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. – Москва: Смысл, 2006. – 63 с.
8. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности / Д.А. Леонтьев // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 40. – С. 2. – Режим доступа: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.11.2023).
9. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ / Сальваторе Р. Мадди; [Пер. с англ. И.Ю. Авидон и др.]. – СПб : Речь, 2002. – 538 с. ISBN 5-9268-0083-8
10. Наливайко Т.В. Исследование жизнестойкости и ее связей со свойствами личности: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.05 / Наливайко Татьяна Викторовна // Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2006. – 27 с.
11. Нартова-Бочавер С.К. Копинг-поведение в системе понятий психологии личности / С.К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал, 18 (5), январь 1997. – С. 20–30.
12. Никитина Е.В. Феномен жизнестойкости: концепция, современные взгляды и исследования / Е.В. Никитина // Academy. – 2017. – № 4 (19). – С. 100–103. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-zhiznestoykosti-kontseptsiya-sovremennye-vzglyady-i-issledovaniya> (дата обращения: 10.11.2023).
13. Сова Ю.И. Смысловая саморегуляция жизнестойкого отношения студента к кризисным ситуациям : автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.13 / Сова Юлия Игоревна; [Место защиты: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. – Тамбов, 2009. – 21 с.
14. Фомина А.Н. Жизнестойкость личности. Монография / А.Н. Фомина. – Москва : Прометей, 2012. – 152 с.
15. Франкл В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере / В. Франкл. – Москва : Смысл, 2004. – 176 с.
16. Maddi S.R. Hardiness and Mental Health / S.R. Maddi, D.M. Khoshaba // Journal of Personality Assessment. – 1994. – Oct. – Vol. 63 (2): 265-74. – P. 173–185.

Поступила в редакцию 16.11.2023 г.

COMPARATIVE ANALYSIS OF APPROACHES BY DOMESTIC AND FOREIGN SCIENTISTS TO PHENOMENON OF RESILIENCE

E.A. Angelina

The contribution deals with a comparative analysis of treatment by specialists of the phenomenon of resilience. The relevance of the study is accounted for by the need to study this phenomenon so that a person could develop and effectively use his personal resources, and apply methods and means of overcoming and reducing the consequences of difficult life situations. In this case, a person can be helped by resilience, which is one of the factors in overcoming crisis situations.

The conclusion is made that there are many different approaches and views in the treatment of the phenomenon of resilience. The similarities and differences in approaches to understanding resilience by domestic and foreign scientists are outlined. A comprehensive definition of resilience has been developed.

Key words: resilience, personal resources, self-regulation.

Ангелина Эльвира Александровна.
Кандидат философских наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет».
Доцент кафедры психологии.
E-mail: adjon@yandex.ru

Angelina Elvira Alexandrovna.
Candidate of Philosophical Sciences, Associate
Professor.
Donetsk State University.
Associate Professor at Department of Psychology.
E-mail: adjon@yandex.ru

УДК 159.9

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МАНИПУЛЯТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

© 2023 С.А. Вильдгрубе, М.Ю. Рогозина

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье представлены результаты эмпирического исследования гендерных различий манипулятивного поведения студентов психолого-педагогических специальностей. Полученные результаты свидетельствуют о том, что юноши и девушки положительно относятся к возможности манипуляции в поведении, обладают одинаково высоким уровнем макиавеллизма. Различия в оценке студентами мотивов и сферы использования манипулятивного поведения имеют гендерно-специфическую окраску: манипулятивное поведение юношей реализуется в профессиональной и экономической сфере, девушек – в семье и отношениях с друзьями.

Ключевые слова: способность к манипулятивному поведению, склонность к манипуляции, макиавеллизм, гендерные различия.

Введение. Особенности развития современного общества, его динамизм, разнообразие политических, экономических и идеологических трансформаций приводят к формированию личности, которая в своем стремлении к самосовершенствованию и саморазвитию часто начинает проявлять склонность к манипулятивному поведению. Манипуляция проникает во все сферы человеческой жизни, одни люди считают ее актуальной, современной, способствующей достижению успеха, другие – воспринимают как неприемлемую форму общения и взаимодействия, нарушающую свободу и права личности.

Активное распространение манипуляции в современной жизни вызывает активный интерес как у отечественных, так и у зарубежных специалистов различных отраслей знаний. Следует отметить неизменный рост количества исследований, посвященных изучению манипулятивного поведения. Так, анализируя количество публикаций, посвященных проблеме макиавеллизма и манипуляций, представленных в научной электронной библиотеке eLIBRARY, можно увидеть, что в период с 2007 г. по 2011 г. было представлено 58 работ по данной тематике, с 2012 г. по 2017 г. – 209 работ, в последние пять лет – 365 исследований. Следует отметить, что современные исследования манипулятивного поведения, только частично учитывающие его возрастные, половые и гендерные особенности, являются достаточно противоречивыми, что открывает широкий спектр возможных работ по изучению данного феномена.

Основная часть. В психологической литературе встречаются весьма разнообразные трактовки терминов «манипуляция» и «манипулятивное поведение». Так, Е.Л. Доценко под манипуляцией понимает «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [3, с. 58].

Орлова Л.В. предлагает все психологические исследования, посвященные проблемам манипулирования, разделить на два направления [9]. Первое рассматривает данный феномен как процесс скрытого воздействия, подстрекательства, управления, взаимодействия, давления, подчинения, духовного господства, рефлексивного управления, жизненной стратегии; как вид, форму, уровень, стиль, направленность общения. В исследованиях данного направления выделяются различные виды

манипулирования (добродетельное, корыстное, благородное, осознанное, неосознанное, гедонистическое и др.); описываются приемы, тактики, техники манипулирования и способы защиты от них. Второе направление изучает склонность к манипулированию. Склонность к манипулированию рассматривается психологами как стремление к получению личной выгоды с помощью таких нефизических способов, таких как лесть, обман или устрашение; личностные установки, убежденность в том, что другими людьми можно и нужно манипулировать, воспринимать их не как ценность, индивидуальность, а как объект, средство или препятствие для достижения поставленной цели.

Манипулятивное поведение не следует рассматривать как исключительно негативное явление, которое может являться фактором, нарушающим понимание и психологическую безопасность в межличностном взаимодействии, вызывающим социальную дисфункцию личности. Как отмечается в ряде исследований, манипуляция может способствовать достижению не только прагматичных, но и защитных целей, выполнять роль психологического защитного механизма, предохраняющего личность от утраты самоуважения, снижения самооценки и т.п. [7, 8]. Такой вид поведения в определенной мере может способствовать успешной психосоциальной адаптации личности, кроме того, решение целого ряда профессиональных задач (в частности, педагогических) предполагает именно манипулятивное общение [2, 3, 12]. Также, в определенных ситуациях человек может быть вынужден манипулировать другими людьми для достижения полезного для всех результата. При этом он понимает, что поступает так только потому, что не видит другого выхода и совершает подобные действия, испытывая угрызения совести. Знаков В.В. разделяет манипуляцию на осознанную и неосознаваемую. Именно осознаваемая манипуляция может быть социально желательной и осуществляться человеком из лучших побуждений, желая помочь ближнему и достижения результата, полезного для всех [5, 6].

В психологической литературе часто наблюдается синонимичное использование понятий «манипулятивное поведение» и «макиавеллизм». Макиавеллизм как научная категория получил свое распространение в зарубежных психологических исследованиях с начала 70-х годов прошлого столетия. В отечественной психологии этот термин начал использоваться гораздо позже, что связывают с появлением в 2000 году русскоязычного варианта методики, позволяющей выразить его в количественных характеристиках. Макиавеллизм рассматривается как устойчивая черта личности, использующей психологическую манипуляцию в качестве основного средства при достижении своей цели; как склонность человека манипулировать другими людьми в межличностных отношениях; как стратегия социального поведения, включающая манипуляцию другими в личных целях (С.В. Быков, С.В. Данилова В.В. Знаков, Д.В. Катунин). Основными психологическими составляющими макиавеллизма являются: 1) убеждения субъекта в том, что при общении с другими людьми ими можно и даже нужно манипулировать; 2) навыки и конкретные умения манипуляции, включающие способность убеждать других, понимать причины их поступков (В.В. Знаков) [5, 6]. В диссертационном исследовании Катунина Д.В. подчеркивается, что манипуляция и макиавеллизм – это перекрывающие друг друга понятия, но не тождественные, макиавеллевская манипуляция занимает промежуточную позицию между императивным и манипулятивным воздействием, имея общие характеристики как с одним, так и с другим [8]. Макиавеллизм – это всегда осознанная манипуляция. Макиавеллист никогда не преследует цели влиять на кого-то, чтобы что-то или как-то его изменить, он делает это исключительно исходя из своей выгоды, он не испытывает

чувства вины за те способы, которые он использует. Его основная цель – получить то, что нужно, а другой человек выступает либо средством достижения цели, либо препятствием. Чем больше выражен у человека макиавеллизм, тем меньше его интересуют люди сами по себе, тем меньше его беспокоит то, какое впечатление он производит на окружающих.

С целью объективизации понятия «макиавеллизм», выражения его в цифровых величинах, чтобы сделать измеряемым количественно, Р. Кристи была предложена Мак-шкала. По Р. Кристи, манипуляция – это процесс, в результате которого манипулятор получает больше определенного вида вознаграждений, чем он получил бы без манипуляции, а в тоже время кто-то получает меньше в рамках сложившейся ситуации. Простая интерпретация результатов Мак-шкалы показывает, насколько респонденты принимают для себя возможности проявления манипулятивного поведения и считают других людей «манипулируемыми» [7].

Представления о макиавеллизме не являются однозначными и различаются в разных психологических подходах (А.А. Сергеев): в одних концепциях подчеркивается нежелательность, аморальность макиавеллизма, его возможный дезадаптивный и патологический характер, в других, более нейтральных, отмечается поведенческая гибкость макиавеллистов, их способность к честной добросовестной кооперации, когда им это выгодно [11].

Катунин Д.В., характеризуя особенности интерпретации результатов данной шкалы, отмечает, что границей, разделяющей высокий и низкий уровень макиавеллизма, является выбор личностью рациональной или эмоциональной стратегии поведения. Для осуществления манипулятивного поведения необходима определенная эмоциональная отчужденность в сочетании с прагматичностью и уверенностью в этичности возможности осуществления манипуляции [7].

Люди с высоким уровнем макиавеллизма экстернальны, имеют частые, но не близкие контакты со своим окружением, часто могут быть подозрительны и враждебны, в межличностном общении склонны ориентироваться на проблему, а не на партнера по взаимодействию, но при этом достаточно коммуникабельны и убедительны, чаще используют лесть и успешно влияют на других. Людям с низким уровнем макиавеллизма присущи честность, надежность и высокий уровень эмоциональной вовлеченности, что делает их объектом манипулятивного воздействия. Катунин Д.В., Куликов Л.В. отмечают, что человек с высоким уровнем макиавеллизма реализуется в манипулировании другими, в первую очередь благодаря тому, что люди с низким уровнем макиавеллизма готовы принять такое воздействие. С другой стороны, «антимакиавеллизм» (низкий уровень макиавеллизма) имеет также и общие с манипуляцией характеристики, предполагающие манипулирование с позиции слабости. Такого рода манипулирование осуществляется как результат высокой степени вовлеченности во взаимоотношения и возможно, прежде всего, по отношению к близким людям и относится в большей мере к сфере взаимоотношений и чувств. При этом люди с высокой макиавеллистичностью стремятся к получению видимого выигрышного результата и осуществляют манипуляционные воздействия, в первую очередь, в личностно не значимых (социально более далеких) взаимодействиях [7].

Макиавеллизм, как утверждает В.В. Знаков, следует рассматривать как количественную характеристику, он подчеркивает, что все люди в разной степени способны к манипулятивному поведению, но некоторые люди к нему более склонны и способны, чем другие. На данный момент, именно Мак-шкала является основным

инструментом, используемым для изучения количественных параметров манипулятивного поведения разных категорий испытуемых [6].

В тематической направленности публикаций последнего десятилетия, посвященных манипулятивному поведению, можно выделить следующие направления исследований: индивидуально-психологические особенности лиц с разным уровнем макиавеллизма, половые и гендерные особенности манипулятивного поведения, его возрастная динамика, склонность к макиавеллизму представителей различных профессий и др.

Исследователи возрастной динамики развития макиавеллизма отмечают наличие следующих тенденций: В.В. Знаков указывает, что у молодых людей (17-25 лет) уровень макиавеллизма выше, чем у взрослых людей (26-56 лет), что сопоставимо с данными зарубежных исследований, которые доказывают, что с подросткового возраста до поздней юности уровень макиавеллизма растет, а затем начинает снижаться [5]. Сходные результаты получены и А.О. Руслиной, которая отмечает, что у взрослых мужчин и женщин (средний возраст 40 лет) уровень макиавеллизма ниже, чем у юношей и девушек (средний возраст 20 лет) [10]. Катунин Д.В. говорит о существовании двух периодов, характеризующихся повышением уровня макиавеллизма – 20 и 40 лет, и относительном его снижении в промежуточный период [8]. Результаты исследований А.А. Сергеева показывают, что наибольший уровень макиавеллизма отмечается в возрастной группе 36-45 лет, а наименьший – в группе 46-60 лет [11].

Не менее разнообразные результаты получены и при изучении половых и гендерных особенностей макиавеллизма. Знаков В.В. отмечает и подтверждает данными зарубежных исследований статистически значимое преобладание выраженности макиавеллизма в мужской выборке, сходные результаты получены и А.А. Сергеевым [5, 11]. Катунин Д.В. доказывает, что различия в выраженности макиавеллизма у мужчин и женщин изменяются в зависимости от возраста: до 50 лет у мужчин он выше, чем у женщин, после этого возраста уровень макиавеллизма мужчин и женщин не различаются. При этом у женщин отмечается максимальная степень выраженности макиавеллизма в двух возрастных периодах – в 20 и 50 лет, а у мужчин – в возрасте около 40 лет [7, 8]. Орлова Л.В. связывает уровень макиавеллизма с психологическим полом, отмечая, что в проведенном исследовании андрогинные и маскулинные респонденты имели более высокие показатели макиавеллизма, чем фемининные [9]. Способность к манипуляции рассматривается отдельными авторами как элемент защитного поведения и социально психологической адаптации личности. Поскольку, с позиций гендерной психологии, более адаптированной к требованиям современного общества является личность с андрогинной гендерной идентичностью, которая оптимально сочетает как маскулинные, так и фемининные психологические черты для достижения собственных целей, гибко применяет их в соответствующих социальных ситуациях, можно предположить, что наиболее способным к манипуляции будет именно андрогинный человек.

Исходя из данных о возрастных особенностях появления склонности к макиавеллизму, проблема становления и коррекции манипулятивных способов взаимоотношений особенное значение приобретает в юношеском возрасте, когда происходит социальное и профессиональное самоопределение личности, стремительное развитие самосознания, формирование духовных качеств и общественно значимого поведения. С одной стороны, самолюбие, склонность к резким изменениям настроения, доверчивость к другим, а также незавершенность становления системы ценностных ориентаций делают юношей и девушек уязвимыми объектами в

манипулятивных межличностных отношениях. С другой – овладение многими приемами манипулирования благодаря интериоризации современных социальных форм поведения, сочетаясь с недостаточной коммуникативной компетентностью и нехваткой знаний об альтернативных типах эффективных межличностных отношений, приводит молодых людей к манипулятивным взаимоотношениям в качестве субъектов.

Студенчество – один из самых значительных периодов в жизни человека, те умения и навыки социального взаимодействия, которые приобретает человек в студенчестве, обеспечивают работу адаптационных механизмов на протяжении всей жизни. Поскольку склонность к манипулированию – характеристика динамичная, в процессе получения профессионального образования она может преобразовываться и приобретать в определенной степени социально приемлемые формы, определенные, прежде всего, спецификой будущей профессиональной деятельности. Отмечая возможность применения манипулятивного поведения для достижения целей в определенных профессиональных сферах (образование, психотерапия, управление и менеджмент) Е.Л. Доценко подчеркивает, что умение манипулировать у профессионала должно быть жестко сопряжено с умением не манипулировать. Профессионал не должен отказаться от манипуляции, а ограничить ее в пределах адекватного применения, поскольку манипулятивное поведение является уместным и допустимым только в случае, если оно используется как адекватное ситуации и задачам вспомогательное средство, позволяет экономно достигать поставленных целей путем смягчения средств психологического давления или принуждения [2, 3].

Целью данной статьи является изучение гендерных различий в манипулятивном поведении студентов психолого-педагогических специальностей. Указанная цель была конкретизирована в следующих задачах: 1) исследовать сформированность у студентов представления о манипуляции и выяснить их отношение к этому явлению; 2) определить гендерные особенности в восприятии манипуляций и склонности студентов к макиавеллизму и манипулятивному поведению.

Исследуемую выборку составили студенты города Донецка в возрасте от 18 до 22 лет. Всего 258 человек, из них 113 юношей и 145 девушек. При формировании выборки учитывалась будущая профессиональная направленность студентов – все испытуемые обучались на педагогических и психологических специальностях. Выбор контингента определился теоретическими положениями о том, что большое число профессиональных задач педагога и психолога подразумевает в определенной степени манипулятивное общение, которое должно иметь жесткие ограничения, так как активное неоправданное использование манипуляций педагогами может приводить к виктимизации обучаемых.

Для достижения поставленных целей были использованы: анкета для выявления представления студентов о манипуляции и отношения к этому явлению, методика измерения уровня макиавеллизма личности (Мак-шкала), разработанная Р. Кристи и Ф. Гейсом, 1970 г., полоролевой опросник С. Бэм, авторская анкета для выявления представлений студентов о манипуляции. Разработанная анкета включала два блока вопросов: первый (когнитивный) включал вопросы, позволяющие выяснить представления об известных им видах и способах манипуляции, их гендерном распределении; во второй блок (оценочный) вошли вопросы для выявления отношения студентов к манипуляции; степени приемлемости такого поведения для себя и по отношению к себе; субъективной оценки собственных умений манипулировать. Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась с помощью

методов описательной статистики, метода контент-анализа и использования критерия Манна-Уитни.

Используя Мак-шкалу Р. Кристи и Ф. Гейса в ходе проведенного исследования, нами было определено, что в общей выборке студентов подавляющее большинство демонстрируют средний уровень макиавеллизма личности (87,8%). Сравнение результатов по группам дает подобные результаты. В группе юношей средний уровень манипулирования демонстрируют 88,5% опрошиваемых, низкий – 11,5%. В группе девушек процент студентов с средним уровнем макиавеллизма несколько ниже – 87,4%, низкий уровень показывают 12,6% студенток. При сравнении полученных результатов с помощью критерия Манна-Уитни достоверных различий получено не было.

Результаты использования полоролевого опросника С. Бэм позволили разделить всю выборку по критерию психологического пола (маскулинные, фемининные и андрогинные испытуемые). При сравнении средних результатов по показателям макиавеллизма в трех гендерных группах статистически значимых достоверных расхождений также не выявлено. Полученные результаты частично соответствуют данным, представленными в психологических исследованиях, об отсутствии различий в уровне макиавеллизма между юношами и девушками.

Однако, были выявлены определенные гендерные различия в представлениях студентов о манипуляции. Результаты контент-анализа ответов проведенной анкеты свидетельствуют о том, что испытуемые, составившие исследуемую выборку, в целом положительно относятся к манипуляциям и манипулятивному поведению (положительную оценку дали 65% опрошиваемых), негативную оценку этому явлению дали 20% студентов, остальные – указывают, что правильно оценить манипуляцию можно только исходя из оценки полученной выгоды (но положительное отношение к манипуляции в таких ответах сохраняется). При этом оценки девушек и юношей по этому вопросу практически не различаются.

Нет расхождений и в представлениях студентов о гендерных особенностях объекта манипулирования. Согласно ответам на вопросы анкеты, студенты считают, что манипулятивным воздействиям могут быть подвержены как мужчины, так и женщины. Половина опрошиваемых (51% юношей и 58% девушек) указали, что в большей степени женщины подвергаются влиянию манипуляции, остальные – наоборот. Можно выделить гендерные различия в оценке студентами собственной способности манипулировать людьми и склонности к манипулятивному влиянию. Так, среди опрошиваемых юношей 57% указали, что они способны манипулировать людьми, а среди девушек эта доля составила 60%. Были выявлены определенные разногласия и в мотивации собственного манипулятивного поведения. Так, мужчины среди объяснений цели манипулирования указывают такие характеристики взаимодействия как доминирование, лидерство, власть, борьба (среди ответов чаще всего встречаются такие объяснения: «побеждает сильнейший», «кто сильнее, тот и манипулирует», «манипуляция обеспечивает субординацию»). Девушки объясняют необходимость собственных манипулятивных действий с позиций полученного результата и особенностей общения (например, «манипуляцию использую для собственной пользы, для достижения нужного результата», «потому что так поступают другие», «в нашем обществе манипуляция является неотъемлемой частью общения»).

Девушки и юноши также по-разному оценивают и сферы, где может производиться манипуляция. Большинство юношей (68%) указывают, что манипулятивное поведение присутствует в таких сферах как бизнес, профессиональное взаимодействие, девушки отмечают, что чаще всего манипуляции осуществляются в

семейных отношениях (41%), при общении с друзьями (23%), манипуляции в профессиональном общении занимают в этой группе только третье место (36%). То есть, можно констатировать, что направленность манипулятивных действий у представителей разных гендерных групп разная: у юношей – достижение доминирования и преимущества в профессиональной области, у девушек – организация общения, достижение целей в сфере отношений.

По результатам проведенного опроса были зафиксированы и отличия в оценке представителями разных гендерных групп собственной склонности к влиянию манипуляции. Юноши оценивают себя восприимчивыми к манипулятивным воздействиям в 66% случаев и только 34% опрошенных указали, что они не являются объектами манипулирования. У девушек это распределение другое: только 41% студенток указали, что они считают себя мишенью для манипулирования, а 59% отрицают возможность манипулирования ими другим человеком.

Полученные результаты позволяют сделать следующие обобщения: во-первых, во время учебы в высшем учебном заведении студенты демонстрируют средний уровень склонности к манипулятивному поведению; во-вторых, не выявлено достоверных разногласий между уровнем макиавеллизма личности в зависимости от пола и гендера опрошиваемых.

Проведенное теоретическое и эмпирическое изучение проблемы гендерных различий в манипулятивном поведении студентов педагогических специальностей позволяет сделать следующие выводы:

Манипулирование, в его традиционном выражении, и макиавеллизм не являются тождественными понятиями, однако имеют много точек пересечения. Существует ряд признаков, различающих эти два феномена психологии. Манипуляция в ее устоявшемся понимании стремится остаться скрытым актом, по крайней мере, относительно намерений, побуждающих другого действовать в интересах манипулятора, и может проводиться с позиции слабости и быть иногда даже неосознаваемой тем, кто инициирует и совершает акт манипуляции. В то же время, макиавелловское манипулирование – это всегда акт сознательный, не скрываемый, совершаемый с позиции силы. Другой в нем присутствует только опосредованно, с целью получения вознаграждения, поскольку для макиавеллиста не человек является целью манипуляции, а сам приз.

Макиавелловская манипуляция никогда не имеет цели на кого-то влиять, ее цель – получить то, что нужно. В этом случае другой человек выступает не объектом воздействия, а средством или препятствием. Макиавеллистичность личности реализуется в манипулировании другими, часто даже не благодаря специальным намерениям человека с высоким уровнем макиавеллизма использовать других, а также и благодаря готовности человека с низким уровнем макиавеллизма быть используемым, что в определенной степени является провокацией манипуляции.

Результаты эмпирического исследования манипулятивного поведения студентов психологических и педагогических специальностей свидетельствуют о следующем: большинство студентов положительно оценивают манипуляции, часто используют такой метод воздействия на окружающих, обладают средним уровнем макиавеллизма личности. Применение манипуляции студентами может быть связано как с возрастными особенностями, активным развитием коммуникативных умений, кризисом самоидентичности, так и с социально-психологической адаптацией во время профессионального становления.

Различия в оценке студентами мотивов и сферы использования манипулятивного поведения имеют гендерно-специфическую окраску. Юноши считают манипуляции необходимыми в профессиональной деятельности, экономической сфере, объясняют такое поведение с позиций доминирования, стремления к победе, превосходству, силе, активности – что является характеристиками маскулинного типа поведения. Девушки считают, что манипуляции в большей степени распространены в семье и отношениях между друзьями, объясняют необходимость осуществления манипуляций с позиций межличностного взаимодействия, достижения определенных целей или получения необходимой информации, манипулятивные влияния оказывают большее количество оценочных суждений. Организация поведения, направленная на межличностные контакты, оценивается через призму эмоциональности, присущая фемининному типу личности.

Учитывая высокую готовность к осуществлению манипулятивного поведения, большинство студентов отрицают собственную склонность к манипулятивным воздействиям со стороны других лиц, что может объясняться недостаточными пониманиями сущности манипулятивного поведения, низкой критичностью и несовершенной саморегуляцией.

Манипулятивное отношение к миру в соответствии с литературными данными может служить как защитной, так и адаптационной стратегией. Рост уровня макиавеллизма отмечается в те периоды жизненного пути человека, которые соответственно могут быть охарактеризованы как кризисные. Полученные результаты выраженности макиавеллистичности у студентов можно объяснить особым возрастным периодом, сопровождающимся активным становлением мировоззрения и моральной системы ценностей, выбором репертуара взаимоотношений, самоопределением, активным развитием коммуникативных умений, установлением независимости, прохождением кризиса самоидентичности. Выбор новейших форм взаимодействия с обществом обуславливает выбор студентом манипулятивных форм поведения для достижения намеченной цели.

Изучение представлений студентов о манипулятивном поведении может быть полезным при организации профессиональной подготовки студентов: для выработки определенной системы мотивации, поскольку люди с разным уровнем способности к манипуляции могут по-разному воспринимать мотивационные стимулы; для организации процесса воспитания и коррекции профессионально-значимых качеств будущего специалиста, связанных с возможностью и адекватностью применения манипуляционных воздействий при выполнении профессиональных обязанностей.

Вопросы, связанные с изучением таких сложных, комплексных, многоуровневых социально-психологических феноменов как макиавеллизм и манипуляция, а также их гендерных особенностей могут найти свое применение во всех сферах человеческой жизни, где изучается поведение индивидов, групп и организаций, а также в процессах социального управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилова С.В. Психологические особенности макиавеллизма студентов – социальных работников / С.В. Данилова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2021. – № 4. – С. 122–128. EDN UCATCT.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции / Е.Л. Доценко. – М., МГУ, 1996. – 344 с.
3. Доценко Е.Л. Психологическое определение манипуляции / Е.Л. Доценко // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14, № 4. – С. 132.
4. Знаков В.В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении / В.В. Знаков // Вопросы психологии. – № 6. – 2002. – С. 45–54.

5. Знаков В.В. Половые, гендерные и личностные различия / В.В. Знаков // Психологический журнал. – 2004. – Том 25, № 1, – С. 41–51.
6. Знаков В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования / В.В. Знаков // Психологический журнал. – 2000. – Том 21. – № 5. – С. 16–22.
7. Катунин Д.Б. Макиавеллизм как психологическая проблема: история вопроса / Д.Б. Катунин, Л.В. Куликов // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2006. – Том 2. – № 2. – С. 68–71.
8. Катунин Д.Б. Половозрастные и гендерные особенности тенденции к манипулятивному поведению / Д.Б. Катунин. Автореф. дис. ...канд. психол. наук. – СПб., 2006. – 24 с.
9. Орлова Л.В. Склонность к манипулятивному поведению у студентов: гендерный аспект / Л.В. Орлова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия 'Психологические науки. – № 4, 2012. – С. 78–83.
10. Руслина А.О. Возрастные, половые и профессиональные различия в понимании манипуляции / А.О. Руслина. Автореф. дис. ...канд. психол. наук. – М., 2008. – 24 с.
11. Сергеев А.А. Влияние половозрастных, гендерных и профессиональных различий на склонность к манипулятивному поведению / А.А. Сергеев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2012. – № 4 (109). – С. 134–139. EDN PVPTHR.
12. Хазова С.А. Исследование склонности к манипулятивному поведению будущих педагогов-студентов системы среднего профессионального образования / С.А. Хазова, К.А. Вербицкая // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2021. – № 1 (273). – С. 75–81. EDN LXTYWV.
13. Вильдгрубе С.О. Гендерні відмінності маніпулятивної поведінки студентів / С.О. Вильдгрубе, М.Ю. Рогозіна // Проблеми сучасної психології: Зб. наук. праць Кам'янець-Подільського нац. ун-ту ім.І. Огієнка, інституту психології ім. Г.С. Костюка НАПН України. – Вип. 21. – Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2013. – С.36–46.

Поступила в редакцію 20.11.2023 г.

GENDER DIFFERENCES IN MANIPULATIVE BEHAVIOUR OF STUDENTS OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SPECIALITIES

S.A. Wildgrube, M.Yu. Rogozina

The article presents the results of an empirical study of gender differences in manipulative behaviour of students of psychological and pedagogical specialties. The results obtained indicate that boys and girls have a positive attitude towards manipulation in behaviour and are characterized by an equally high level of Machiavellianism. Differences in students' assessment of the motives and scope of use of manipulative behaviour are gender-specific: boys' manipulative behaviour is implemented in the professional and economic spheres, girls' manipulative behaviour is realised in the family sphere and in relationships with friends.

Key words: ability for manipulative behaviour, propensity to manipulate, Machiavellianism, gender differences.

Вильдгрубе Светлана Александровна.

Кандидат психологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: S.Vildgrube@mail.ru

Рогозина Марина Юрьевна.

Кандидат педагогических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: muysan@mail.ru

Wildgrube Svetlana Alexandrovna.

Candidate of Psychological Sciences, Associate
Professor.

Donetsk State University.

Associate Professor, Department of Psychology.

E-mail: S.Vildgrube@mail.ru

Rogozina Marina Yurievna.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor.

Donetsk State University.

Associate Professor, Department of Psychology.

E-mail: muysan@mail.ru

УДК 159.92

ПРОЯВЛЕНИЕ МАКИАВЕЛЛИЗМА У ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

© 2023 С.В. Руденко

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Данная статья посвящена изучению особенностей проявления макиавеллизма у лиц с разным уровнем эмоционального интеллекта. Раскрыта сущность феномена макиавеллизма в современной психологии как тенденции поведения и как свойства личности. Как тенденция поведения, макиавеллизм рассматривается преимущественно в контексте манипулирования другими людьми в межличностных отношениях. Как свойство личности, макиавеллизм обычно включает убеждение человека в том, что в ходе взаимодействия с другими людьми ими можно и нужно манипулировать. Проанализированы основные подходы к изучению макиавеллизма. Представлено теоретическое рассмотрение феномена эмоционального интеллекта, раскрыта его сущность, особенности, подходы к изучению. Эмоциональный интеллект рассматривается как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. Сопоставлены понятия макиавеллизма и эмоционального интеллекта. Показано, что проявления макиавеллизма и эмоционального интеллекта оказывают серьезное влияние на особенности и качество межличностного взаимодействия. Проведено эмпирическое изучение и представлен анализ проявлений макиавеллизма у лиц с разным уровнем эмоционального интеллекта с использованием современных психодиагностических методов. Выделены ключевые особенности проявления макиавеллизма лиц, обладающих разным уровнем эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: макиавеллизм, манипулирование, Тёмная триада свойств личности, Светлая триада свойств личности, эмоциональный интеллект, понимание эмоций, управление эмоциями, эмпатия.

Введение. Проблема исследования феномена макиавеллизма не является новым направлением исследований в психологической науке. Заявленная тематика является довольно распространенной в трудах зарубежных исследователей, в отечественной же психологии пока представлена в значительно меньшей мере. Актуальность изучения склонности к макиавеллизму, ее взаимосвязи с личностными свойствами обусловлена, в первую очередь, социальным запросом. Под ним подразумевается социальное одобрение манипулятивного поведения, нарастание агрессивных тенденций в обществе, жесткая конкуренция в профессиональной среде, рост лидерских тенденций, реализация радикального профессионального поведения, гиперадаптация и т. п. Все перечисленное способствует обострению межличностных отношений и росту внимания к проблемам манипуляции, использованию манипулятивных приемов и различных способов противодействия другим субъектам. Серьезную роль в успешном взаимодействии с людьми играют неакадемические формы интеллекта, в частности – эмоциональный интеллект. От понимания своего эмоционального состояния и умения управлять им зависит и собственная мотивация, и эффективность профессиональной деятельности, и успешность организации в целом. Особую значимость проявления макиавеллизма и эмоционального интеллекта обретают в профессиях социомического типа, предполагающих постоянное взаимодействие с другими людьми. Таким образом, целью данной работы является исследование особенностей проявления макиавеллизма у лиц с разным уровнем эмоционального интеллекта.

Основная часть. Понятие макиавеллизма берет своё начало в учении Н. Макиавелли, нашедшего свое отражение в его труде «Государь». В нем герой автора в своем стремлении удержать власть не пренебрегает никакими методами, действует без оглядки на мораль, этику или жалость. В психологии термин «макиавеллизм» и

появление первых работ, посвященных данной проблематике, традиционно связывают с именами Р. Кристи и Ф. Гейса. Авторы положили начало ряду исследований, посвященных указанному феномену в контексте склонности ко лжи, эгоистичности, в целом изучали его в рамках проявления социально неодобряемого поведения и соответствующих личностных черт. В данном русле работали и отечественные психологи – В.В. Знаков, А.К. Акименко, И.Г. Кокурина и др.[4].

Макиавеллизм обычно рассматривается как склонность субъекта манипулировать другими людьми в межличностных отношениях. Речь идет о таких случаях, когда человек скрывает свои истинные намерения; при этом, с помощью ложных отвлекающих маневров, он добивается того, чтобы партнер, не отдавая себе в этом отчета, изменил свои первоначальные цели. Макиавеллизм можно понимать как стратегию социального поведения, включающую манипуляцию другими людьми в личных целях, зачастую противоречащую их собственным интересам [7]. Макиавеллизм как свойство личности обычно включает убеждение субъекта в том, что при общении с другими людьми ими можно и нужно манипулировать, а также умения и навыки манипуляции, предполагающие наличие склонности убеждать других, понимать их намерения и причины поступков.

В настоящее время выделяется несколько подходов к исследованию феномена макиавеллизма. Рассмотрим основные из них.

В социально-психологическом подходе макиавеллизм анализируется как качество, которое необходимо лидеру. Уже упомянутые нами Р. Кристи и Ф. Гейс являются представителями именно данного подхода. Изучение качеств личности, способной эффективно управлять другими, стало отправной точкой исследований авторов. Д. Симонтон также работал в данном направлении. Полученные им результаты показали, что в перечне качеств, присущих успешному лидеру, обязательно присутствовало обладание способностью к манипулированию [5]. Популярность лидеров-макиавеллистов может объясняться их способностью быстро ориентироваться в ситуации и гибко менять свое поведение в соответствии с ней. Исследования А. Дрори и Ю. Глускиноса выявили интересную особенность: оказалось, что лидеры, чей уровень макиавеллизма, определялся как высокий, вели себя в нестабильной ситуации очень аккуратно, хитро, и в тоже время мудро. При этом даже если в обычных ситуациях такие лидеры могли быть описаны как директивные и требовательные руководители, в сложившейся сложной ситуации они, скорее, обращались к своим подчиненным с просьбой о помощи, нежели отдавали строгие приказы [5].

Эволюционный подход в изучении заявленного феномена отмечает появление термина «макиавеллистский интеллект», введенного в восьмидесятые годы прошлого столетия Ф. де Ваалом. Данное понятие определяло способность индивидов ориентироваться в общественной сфере, а также способность оказывать влияние на других. Исследования в данном направлении были продолжены Р. Бирном и А. Уиттенном. Авторы выдвинули предположение о взаимосвязанности увеличения мозга гоминид с их переходом к жизни в социуме. На их взгляд, эти два явления имеют четкую причинно-следственную связь. Другими словами, именно жизнь в социуме детерминировала увеличение мозга человекоподобных обезьян. Данное обстоятельство объясняется тем, что в сообществе особей, живущих с себе подобными, существует огромная конкуренция как за еду, так и за размножение. В данной ситуации именно обладание способностью к макиавеллизму, по мнению исследователей, влияло на выживаемость отдельной особи. Авторы фактически отождествили макиавеллистский

интеллект с социальным. Макиавеллистский интеллект подразумевает высокие когнитивные способности в социальной сфере – умение понимать партнеров по общению, влиять на них, а также строить и успешно осуществлять стратегические планы в межличностных отношениях [3, 5].

Клинико-психологический подход к исследованию макиавеллизма предполагает взаимосвязь последнего с нарциссизмом и психопатией. Существовала даже точка зрения, что макиавеллизм и психопатия – лишь разные термины, описывающие одно и то же явление. Несмотря на то, что подобные идеи не нашли своего подтверждения, в ряде работ зарубежных исследователей макиавеллизм, нарциссизм и психопатия рассматриваются как взаимосвязанные между собой и приводящие к асоциальному поведению [3, 5]. Именно эти характеристики впоследствии составили так называемую Тёмную триаду свойств личности. По мнению Д. Полхуса и К. Уильямса, неклинический нарциссизм, неклиническая психопатия и макиавеллизм образуют своеобразный синдром свойств, перспективный для исследования негативной («темной») стороны личности. Каждое из свойств, образующих этот синдром, представляет собой самостоятельный конструкт, не сводимый к двум другим, что проявляется, например, в несовпадении структур связей нарциссизма, психопатии и макиавеллизма с другими чертами личности. При этом три «тёмные» характеристики взаимосвязаны, каждая из них в какой-то мере вносит свой вклад в проявление таких особенностей, как чувство собственного превосходства, пренебрежительное отношение к общепринятым нормам поведения, социальная доминантность, эгоцентризм, эгоизм, нечувствительность к проблемам других, недоброжелательность, отсутствие эмпатии, эмоциональная холодность, а также склонность к обману, манипуляции и использованию других [3].

В противовес Тёмной триаде было разработано представление о Светлой триаде личности, включающей набор личностных черт, по сути противоположных «тёмным» характеристикам и подчеркивающих человечность личности. В качестве составляющих Светлой триады С. Кауфман выделил веру в человечество, гуманизм и кантианство [3, 5].

Идеи макиавеллизма получили свое развитие в работах В.В. Знакова. Как подчеркивает автор, макиавеллистом можно считать человека, который манипулирует другими на основании своих определённых жизненных принципов, служащих ему оправданием манипулятивного поведения. По мнению В.В. Знакова, макиавеллисты относятся к другим людям как к объектам, при этом манипулирование оправдывается тем, что это наиболее удачный способ добиться желаемого. Существенен вклад исследователя и в разработку психодиагностического инструментария, а именно – апробацию и адаптацию русскоязычной версии «Шкалы макиавеллизма личности» (Мак-шкалы), разработанной Ф. Кристи и Ф. Гейсом [4].

Теоретический анализ проблемы макиавеллизма в современной психологии позволяет нам обозначить макиавеллизм как тенденцию субъекта манипулировать другими людьми в межличностных отношениях. Как свойство личности, макиавеллизм обычно включает убеждение человека в том, что в ходе взаимодействия с другими ими можно и нужно манипулировать, а также умения и навыки манипуляции, предполагающие наличие склонности убеждать других, понимать их намерения и причины поступков. При этом многие исследователи отмечают эмоциональную холодность и отстраненность лиц с выраженными макиавеллистскими чертами. Сказанное подводит нас к проблеме рассмотрения эмоционального интеллекта и выявлению его взаимосвязи с макиавеллизмом.

Интерес к понятию эмоционального интеллекта обозначился в 90-е гг. XX ст. Заявленный феномен стал предметом изучения для ряда зарубежных и отечественных исследователей. Среди них – П. Селавей Дж. Мейер, Д. Голмен, Д. Карузо, Р. Бар-Он, Р. Стернберг, Г.Г. Гарскова, Д.В. Люсин, Э.Л. Носенко, И.Н. Андреева, М.А. Манойлова, Т.П. Березовская, А.С. Петровская, А.П. Лобанов и др.

Авторами первой и наиболее известной в психологической науке модели эмоционального интеллекта стали П. Сэловей и Дж. Мейер, предложившие в 90-е годы прошлого столетия термин «эмоциональный интеллект». Они рассматривали эмоциональный интеллект как разновидность интеллекта социального, проявляющуюся в способности отслеживать свои и чужие чувства и эмоции. Эмоциональный интеллект представляет собой способность перерабатывать информацию, которая содержится в эмоциях: определять значение эмоций, их связи друг с другом, использовать эмоциональную информацию в качестве основы для мышления и принятия решений. Эмоциональный интеллект как бы обуславливает наличие различных способностей, которые задействованы в адаптивной обработке эмоциональной информации [8, 9]. Анализ способностей, связанных с переработкой эмоциональной информации, позволил исследователям выделить 4 структурных компонента эмоционального интеллекта: идентификация эмоций, использование эмоций для повышения эффективности мышления и деятельности, понимание эмоций и управление эмоциями. Заявленные компоненты образуют иерархию, уровни которой, по предположению авторов, осваиваются в онтогенезе последовательно. При этом каждая из указанных составляющих касается как собственных эмоций человека, так и эмоций других людей. В отечественной психологии взгляды П. Сэловея и Дж. Мейера нашли свое продолжение в работах И.Н. Андреевой [1].

В работах Х. Гарднера эмоциональный интеллект анализируется как подструктура социального интеллекта, включающая способность наблюдать как собственные эмоции, так и эмоции других людей, различать их, а также применять эту информацию для управления мышлением и действиями [8, 9, 10].

В модели эмоционального интеллекта Д. Голмена изучаемый феномен рассматривается довольно разнопланово и включает самомотивацию, устойчивость к разочарованиям, контроль над эмоциональными вспышками и умение отказываться от удовольствий, регулирование настроения и умение не давать переживаниям заглушать способность думать, сопереживать и надеяться.

Максимально обобщенное, широкое определение эмоционального интеллекта дал Р. Бар-Он, обозначив его как все некогнитивные способности, знания и компетентность, дающие возможность успешно справляться с различными жизненными ситуациями. Автор обозначил 5 сфер компетентности, которые можно отождествить с соответствующими компонентами эмоционального интеллекта: познание себя, навыки межличностного общения, способность к адаптации, управление стрессовыми ситуациями, преобладающее настроение.

В работах Р. Стернберга находит свое отражение идея, согласно которой социальный и эмоциональный интеллект до известной степени пересекаются с академическим, абстрактным интеллектом; при этом фактически являются неразделимыми друг с другом [8, 10].

Отечественные исследователи также внесли весомый вклад в изучение проблематики эмоционального интеллекта. Первым среди них стоит назвать Д.В. Люсина, разработавшего модель эмоционального интеллекта. Он определяет

эмоциональный интеллект как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. Обозначенные способности могут быть направлены как на собственные эмоции, так и на эмоции других людей. Соответственно, можно вести речь о внутриличностном и межличностном эмоциональном интеллекте. При этом автор далёк от рассмотрения эмоционального интеллекта как сугубо когнитивной способности. По мнению Д.В. Люсина, способность к пониманию эмоций и управлению ими тесно связана с общей направленностью личности на эмоциональную сферу: с интересом к внутреннему миру (своему и других людей), склонностью к психологическому анализу поведения, с ценностями, приписываемыми эмоциональным переживаниям. Поэтому эмоциональный интеллект можно охарактеризовать как конструкт, связанный, с одной стороны, с когнитивными способностями, с другой – с личностными характеристиками. Эмоциональный интеллект – это психологическое образование, формирующееся в ходе жизни человека под влиянием ряда факторов, которые обуславливают его уровень и специфические индивидуальные особенности [6, 8, 9].

Взгляды Д.В. Люсина на эмоциональный интеллект во многом разделяет М.А. Манойлова. Данное понятие она рассматривает как интегративное, включающее в себя интеллект, эмоции и волю. Эмоциональный интеллект в трудах исследовательницы выступает как способность субъекта к осознанию, принятию и регуляции эмоциональных состояний и чувств других людей и себя самого. В структуре эмоционального интеллекта она также выделяет внутриличностный и межличностный, или социальный (способность управлять собой и способность управлять отношениями с людьми), аспекты.

Как считает Г.Г. Гарскова, эмоциональный интеллект лежит в основе эмоциональной саморегуляции. Его конечным продуктом является принятие решений на основе отражения и осмысления эмоций, которые, по сути, являются дифференцированной оценкой событий, имеющих личностный смысл [2].

Э.Л. Носенко в качестве компонентов эмоционального интеллекта выделяет составляющие «Большой Пятёрки»: добросовестность, открытость новому опыту, эмоциональную устойчивость, дружелюбность, экстраверсию. Указанные качества, на ее взгляд, как и эмоциональный интеллект, необходимы для успешной жизнедеятельности и отражают определённые характеристики эмоциональности как устойчивой черты индивидуальности. При этом три первых показателя отражают внутриличностный эмоциональный интеллект, два последних – межличностный. Внутриличностный эмоциональный интеллект включает способность самоорганизовываться на деятельность, достигая определённого «экологического мастерства», умения упорядочивать, изменять окружающую среду для достижения собственной пользы. Межличностный эмоциональный интеллект рассматривается как способность человека взаимодействовать с окружающими, устанавливать благоприятные взаимоотношения с ними [1, 8].

Как мы можем видеть, проявления макиавеллизма и эмоционального интеллекта, оказывают существенное влияние на особенности и качество межличностного взаимодействия. Это обусловило выделение цели данной работы, которой стало изучение особенностей проявления макиавеллизма у лиц с разным уровнем эмоционального интеллекта.

Выборку исследования составили 70 студентов 3-4 курсов, осваивающих профессию психолога по программам бакалавриата и специалитета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк. Исследование проводилось

весной 2023 г. Изучение особенностей проявления макиавеллизма проводилось с использованием «Шкалы макиавеллизма личности» (Мак-шкала) Р. Кристи и Ф. Гейса (в адаптации В.В. Знакова), «Короткого опросника Тёмной триады» Д. Полхуса и «Шкалы Светлой триады» С. Кауфмана. Выявление особенностей эмоционального интеллекта проводилось с применением теста эмоционального интеллекта (ЭМИн) Д.В. Люсина и теста эмоционального интеллекта Н. Холла. «Шкала макиавеллизма личности» позволяет выявить склонность человека манипулировать другими людьми. «Короткий опросник Тёмной триады» измеряет показатели макиавеллизма, нарциссизма, психопатии и садизма. «Шкалы Светлой триады» диагностирует кантианство, гуманизм, веру в человечество, а также дает общий показатель. Тест эмоционального интеллекта ЭМИн диагностирует показатели межличностного интеллекта, внутриличностного интеллекта, понимания эмоций и управления эмоциями. Наконец, тест эмоционального интеллекта Н. Холла дает возможность изучить показатели эмоциональной осведомленности, эмпатии и управления эмоциями.

На первом этапе эмпирического исследования проводилась диагностика с использованием методик изучения эмоционального интеллекта. На основании полученных данных испытуемые были отнесены к группе лиц либо с высоким, либо с низким уровнем эмоционального интеллекта. Второй этап изучения предполагал выявление показателей макиавеллизма у лиц с высоким и низким эмоциональным интеллектом. Полученные данные затем обрабатывались с помощью методов как первичной статистики, так и непараметрического критерия U-Манна-Уитни. Это позволило выделить особенности проявления макиавеллизма у лиц с разным уровнем эмоционального интеллекта

Остановимся на наиболее значимых результатах исследования.

Средние показатели по «Шкале макиавеллизма личности» представлены в Табл. 1 и на Рис.1.

Таблица 1.
Результаты обследования с применением «Шкалы макиавеллизма личности» Р. Кристи и Ф. Гейса (в адаптации В.В. Знакова)

Показатели эмоционального интеллекта	Уровень макиавеллизма	
	Высокий	Низкий
Межличностный ЭИ	77,9	81,8
Внутриличностный ЭИ	76,8	83
Понимание эмоций	76,8	82,8
Управление эмоциями	74,9	84,6
Эмоциональная осведомленность	79,6	80,7
Эмпатия	77,8	82,8
Управление эмоциями других	80	80,3

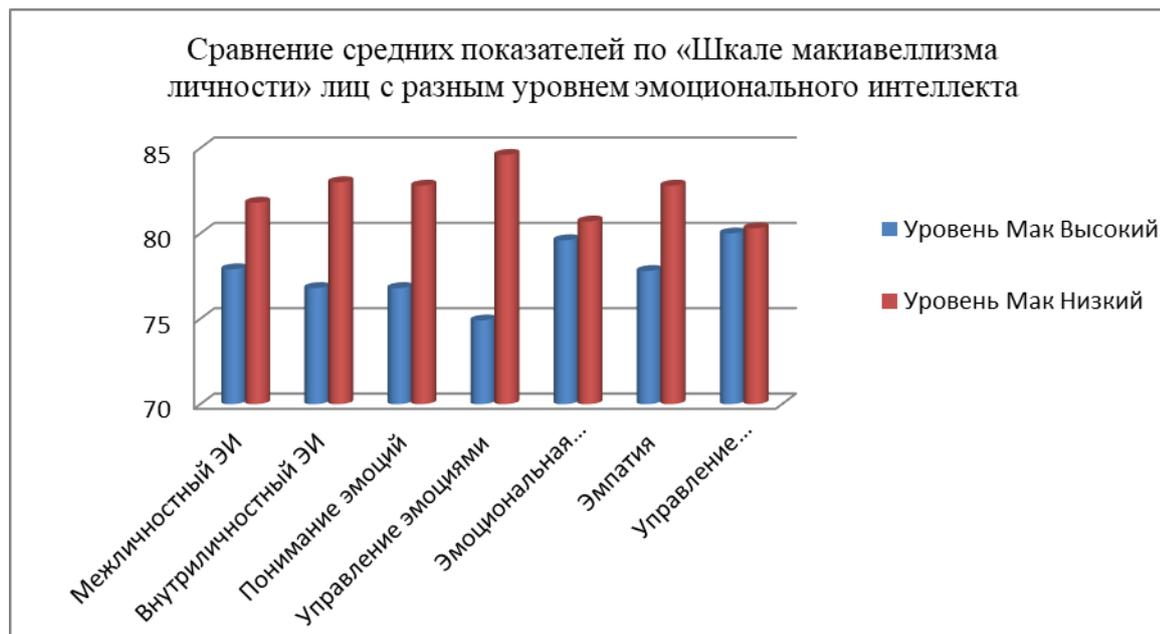

Рис.1. Особенности проявления макиавеллизма, «Шкала макиавеллизма личности» Р. Кристи и Ф. Гейса (в адаптации В.В. Знакова).

Как мы видим, у испытуемых с низким уровнем эмоционального интеллекта практически все показатели макиавеллизма выше, нежели у лиц с высоким уровнем эмоционального интеллекта. Применение критерия U Манна-Уитни позволило выявить наличие значимых различий между указанными группами обследуемых. Так, обнаружены значимые различия по показателю внутрличностного эмоционального интеллекта ($p \leq 0,05$), пониманию эмоций ($p \leq 0,05$) и управлению эмоциями ($p \leq 0,01$). Лица с развитой способностью понимания своих эмоций, а именно – умеющих распознавать, идентифицировать эмоции, возникающие у них, понимающие причины, вызвавшие те или иные эмоции и последствия, к которым они приведут, преимущественно обладают низким уровнем проявления макиавеллизма, не склонны к манипулятивному поведению. Это же касается и лиц, обладающих развитой способностью к управлению своими эмоциями, умением контролировать их интенсивность, внешние проявления, умеющих при необходимости произвольно вызывать у себя ту или иную эмоцию. Таким образом, мы можем говорить о том, что лица с высоким уровнем эмоционального интеллекта в большей мере склонны к проявлению макиавеллистских черт, чем лица с низким уровнем эмоционального интеллекта.

Обратимся к результатам обследования с применением «Короткого опросника Темной триады» Д. Полхуса. Ниже представлены данные по указанной методике для лиц с разным уровнем эмоционального интеллекта по методике Д.В. Люсина (Табл. 2 и Рис. 2).

Таблица 2.

Сравнение средних показателей шкал методики «Короткий опросник Тёмной Триады» лиц с разным уровнем эмоционального интеллекта по методике Д.В. Люсина

Шкалы	МЭИ		ВЭИ		ПЭ		УЭ	
	Высокий уровень	Низкий уровень						
Макиавеллизм	3,4	3,6	3,5	3,6	3,4	3,7	3,5	3,8

Нарциссизм	2,9	2,7	2,6	2,9	2,6	2,9	2,7	2,9
Психопатия	2,5	2,4	2,3	2,6	2,3	2,6	2,3	2,6
Садизм	2,4	2,4	2,3	2,5	2,3	2,4	2,2	2,5

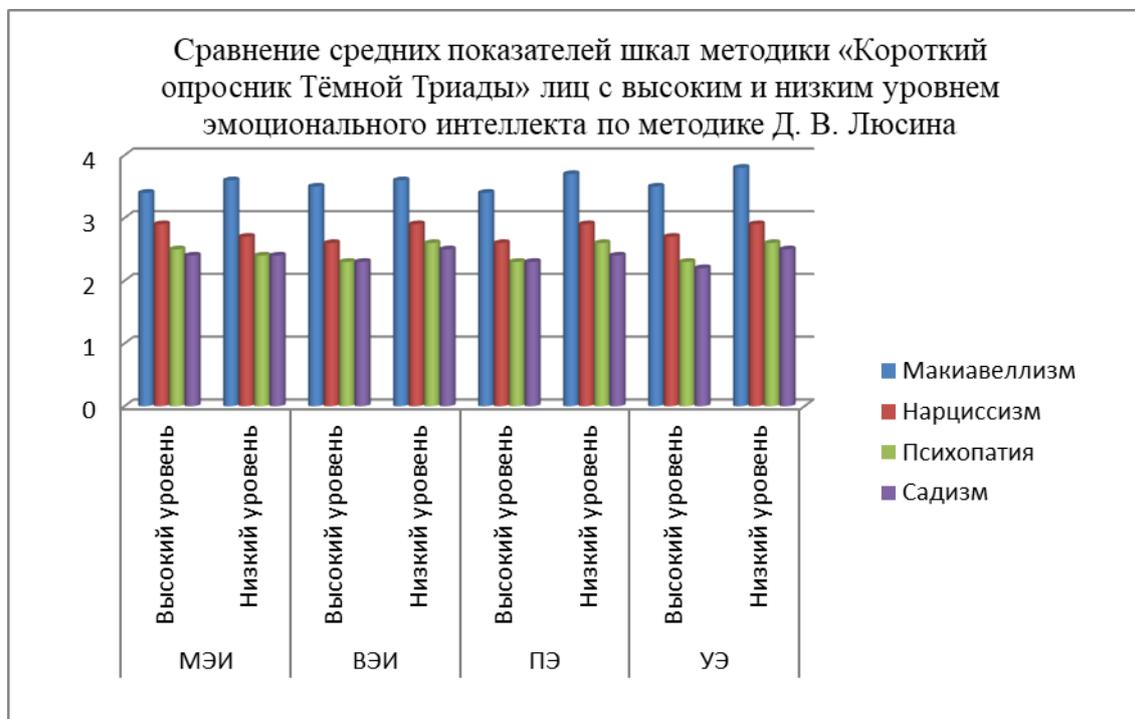

Рис.2. Особенности проявления макиавеллизма, «Короткий опросника Тёмной триады» Д. Полхуса и тест эмоционального интеллекта Д.В. Люсина.

Мы видим, что у обследуемых с низким уровнем интеллекта показатели по шкалам макиавеллизма, нарциссизма, психопатии и садима в целом выше, чем у лиц с высоким уровнем эмоционального интеллекта. Анализ данных с помощью критерия U Манна-Уитни показал следующее. Обнаружены значимые различия в проявлениях нарциссизма и макиавеллизма ($p \leq 0,05$) между лицами с высоким и низким уровнем понимания эмоций и управления эмоциями. Это свидетельствует о том, что обследуемые, уверенные в собственной исключительности, имеющие преувеличенное мнение о себе и своем вкладе в общее дело, склонные достигать цели любыми средствами, манипулировать другими и использовать их в своих целях, преимущественно имеют довольно низкий уровень понимания и управления эмоциями, а именно: слабо распознают, идентифицируют эмоции, возникающие у них, не всегда понимают причины тех или иных эмоций и их последствия.

Перейдем к результатам обследования с применением «Короткого опросника Темной триады» Д. Полхуса для лиц с разным уровнем эмоционального интеллекта по методике Н. Холла (Табл. 3 и Рис. 3).

Таблица 3.

Сравнение средних показателей шкал методики «Короткий опросник Тёмной Триады» лиц с высоким и низким уровнем эмоционального интеллекта по методике Н. Холла

Шкалы	ЭО		Э		УЭ	
	Высокий уровень	Низкий уровень	Высокий уровень	Низкий уровень	Высокий уровень	Низкий уровень
Макиавеллизм	3,5	3,5	3,6	3,5	3,6	3,5

Нарциссизм	2,8	2,7	2,9	2,7	3	2,6
Психопатия	2,4	2,5	2,6	2,3	2,6	2,4
Садизм	2,3	2,4	2,5	2,3	2,4	2,3

Рис.3. Особенности проявления макиавеллизма, «Короткий опросника Тёмной триады» Д. Полхуса и тест эмоционального интеллекта Н. Холла.

Полученные данные несколько отличаются от описанных выше. Так, лица с высоким уровнем эмоциональной осведомленности имеют несколько более высокие показатели по проявлению нарциссических черт, тогда как обследуемых с низким уровнем эмоциональной осведомленности отличает несколько большая выраженность психопатических и садистических черт. Неожиданным выступил тот факт, что лица с развитой эмпатией отличаются более высокой выраженностью макиавеллизма, нарциссизма, склонности к психопатии и садизму, нежели лица с низким уровнем эмпатии. Напротив, ожидаемыми стали высокие показатели по шкалам опросника Тёмной триады у лиц с высоким уровнем управления эмоциями. Статистический анализ данных с помощью U Манна-Уитни позволил выявить значимые отличия ($p \leq 0,05$) между лицами с разным уровнем управления эмоциями по показателю нарциссизма. Обследуемые, хорошо управляющие как своими эмоциями, так и эмоциями других людей, обладают более выраженными чертами нарциссизма по сравнению с теми, чья способность к управлению эмоциями выражена более слабо. Остальные отличия находятся вне зоны значимости и позволяют говорить лишь о тенденции к различиям.

Обратимся к результатам обследования с применением «Шкалы Светлой триады» С. Кауфмана. Ниже представлены данные по указанной методике для лиц с разным уровнем эмоционального интеллекта по методике Д.В. Люсина (Табл. 4 и Рис. 4).

Таблица 4.

Сравнение средних показателей «Шкалы Светлой триады» лиц с высоким и низким уровнем эмоционального интеллекта по методике Д.В. Люсина

Шкалы	МЭИ		ВЭИ		ПЭ		УЭ	
	Высокий уровень	Низкий уровень						
Общий показатель	3,6	3,5	3,7	3,4	3,8	3,3	3,7	3,3
Кантианство	3,7	3,6	3,9	3,5	4	3,4	3,9	3,5
Гуманизм	3,9	3,7	4	3,6	4	3,6	4	3,5
Вера в человечество	3,2	3,2	3,3	3,1	3,4	3	3,3	3

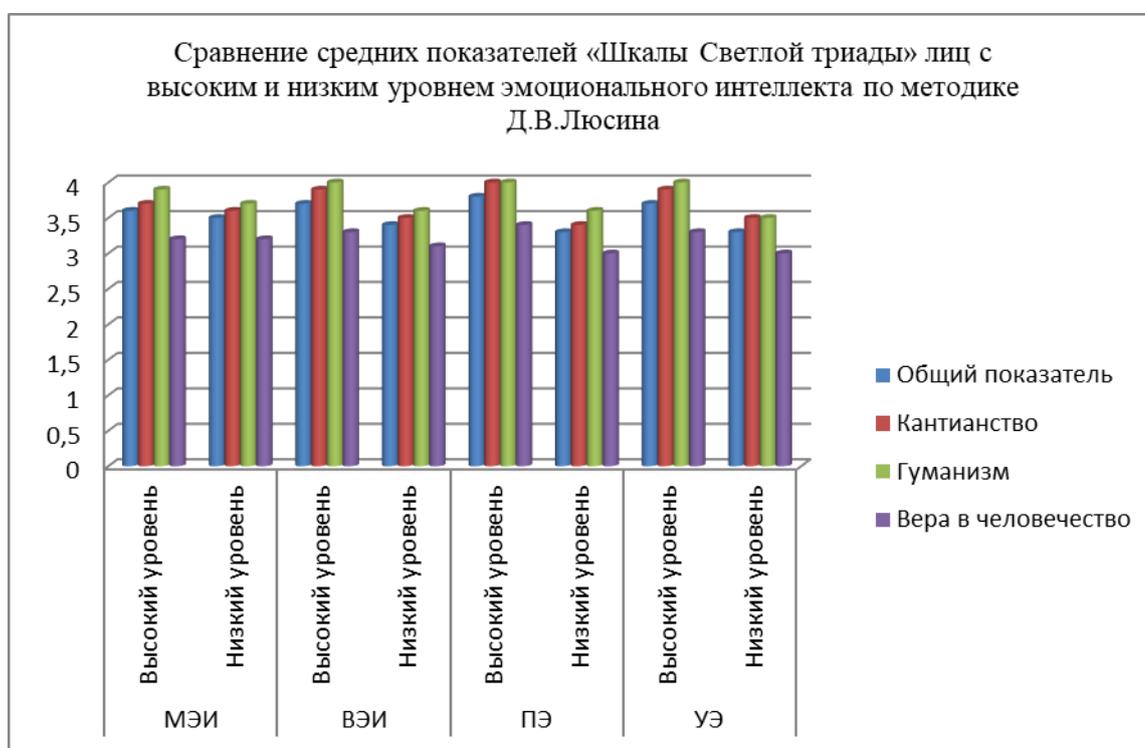

Рис.4. Особенности проявления показателей Светлой триады, «Шкала Светлой триады» С. Кауфмана и тест эмоционального интеллекта Д.В. Люсина.

Результаты оказались ожидаемы. Так, лица с высоким уровнем межличностного эмоционального интеллекта имеют более высокие показатели по шкалам «Общий показатель Светлой триады», «Кантианство» и «Гуманизм», чем испытуемые с низким уровнем межличностного эмоционального интеллекта. Обследуемые с высоким уровнем внутриличностного эмоционального интеллекта имеют более высокие показатели по всем шкалам опросника Светлой триады, чем лица с низким уровнем внутриличностного интеллекта. Наконец, испытуемые с высоким уровнем понимания эмоций и высоким уровнем управления эмоциями также имеют более высокие показатели по всем шкалам.

Выявленные тенденции нашли свое отражение и при диагностике с использованием методики эмоционального интеллекта Н. Холла (Табл. 5 и Рис. 5).

Таблица 5.

Сравнение средних показателей «Шкалы Светлой триады» лиц с высоким и низким уровнем эмоционального интеллекта по методике Н. Холла

Шкалы	ЭО		Э		УЭ	
	Высокий уровень	Низкий уровень	Высокий уровень	Низкий уровень	Высокий уровень	Низкий уровень
Общий показатель	3,6	3,4	3,6	3,4	3,5	3,5
Кантианство	3,7	3,6	3,8	3,5	3,5	3,7
Гуманизм	3,9	3,6	3,9	3,6	3,9	3,7
Вера в человечество	3,2	3,1	3,1	3,2	3,2	3,1

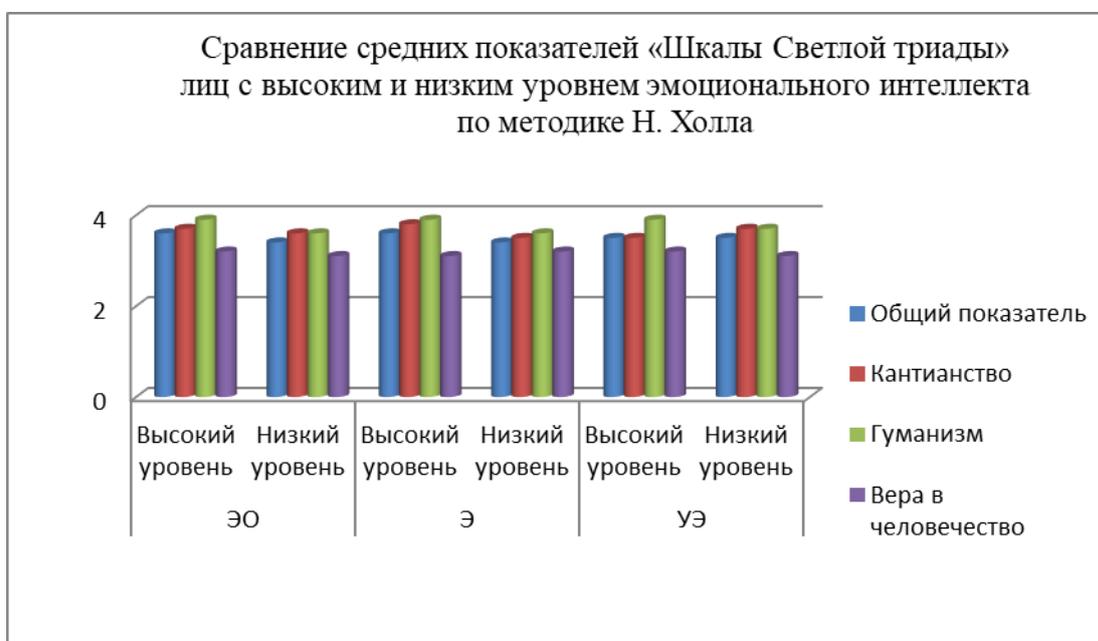

Рис.5. Особенности проявления показателей Светлой триады, «Шкала Светлой триады» С. Кауфмана и тест эмоционального интеллекта Н. Холла.

Как мы можем видеть, лица с высоким уровнем эмоциональной осведомленности, имеют более высокие показатели по всем шкалам опросника Светлой Триады, чем испытуемые с низким уровнем эмоциональной осведомленности. Обследуемые с высоким уровнем эмпатии имеют более выраженные показатели по шкалам общего показателя Светлой триады, кантианства и гуманизма, чем лица с низким уровнем эмпатии. Респонденты, обладающие высоким уровнем управления эмоциями других, имеют более высокие показатели по шкалам «Гуманизм» и «Вера в человечество», в то время как лица с низким уровнем этой же способности имеют более высокие показатели по шкале «Кантианство».

Статистический анализ данных с применением критерия U Манна-Уитни позволил выявить ряд значимых различий между испытуемыми с разным уровнем эмоционального интеллекта. В том числе: по общему показателю шкалы Светлой триады ($p \leq 0,05$), показателю кантианства ($p \leq 0,01$), тенденции проявления гуманизма

($p \leq 0,01$) и веры в человечество ($p \leq 0,05$). Другими словами, лица, хорошо понимающие эмоции (и свои собственные, и эмоции окружающих), склонны относиться к другим людям как к самоценности, как к цели, а не средству достижения своих целей. У испытуемых, не только понимающих эмоции, но и управляющих ими, в значительной мере проявляются черты гуманизма, они склонны признавать неотъемлемое достоинство и ценности каждого человека. Также обследуемым с развитым контролем и осознанием эмоций в большей мере присуща вера в безусловную доброту всех людей, в целом – вера в человечество.

Заключение. Результаты теоретического рассмотрения проблемы позволяют нам отметить следующее. Макиавеллизм преимущественно анализируется как тенденция человека манипулировать другими людьми в межличностных отношениях. Как свойство личности, макиавеллизм обычно включает убеждение человека в том, что в ходе взаимодействия с другими ими можно и нужно манипулировать, а также умения и навыки манипуляции. Эмоциональный интеллект представляет собой способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. Проявления макиавеллизма и эмоционального интеллекта оказывают серьезное влияние на особенности и качество межличностного взаимодействия. Анализ эмпирических данных показал следующее. Лицам с низким уровнем эмоционального интеллекта в большей мере присуща уверенность в собственной исключительности, зачастую их характеризует завышенная самооценка и преувеличенное мнение о себе и своем вкладе в общее дело, тенденция достигать цели любыми средствами, склонность манипулировать другими и использовать их в своих целях. Другими словами, низкий уровень понимания и управления эмоциями соответствует выраженным проявлениям нарциссизма и макиавеллизма. Напротив, лиц с высоким уровнем эмоционального интеллекта в большей мере характеризуют проявления гуманизма, кантианства и веры в человечество. Полученные результаты носят предварительный характер и могут выступать основой для дальнейшего изучения заявленной проблемы. Перспективой дальнейшей работы является усовершенствование теоретико-методологической базы, существенное увеличение выборки обследуемых, охват большего количества диагностических категорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии / И.Н. Андреева. – Новополюк: ПГУ, 2011. – 388 с.
2. Гарскова Г.Г. Введение понятия «эмоциональный интеллект» в психологическую теорию / Г.Г. Гарскова // Ананьевские чтения: тез. науч.- практ. конф.; редкол.: А.А. Крылов и др. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1999. – С. 25–26.
3. Егорова М.С. Темная триада / М.С. Егорова, М.А. Ситникова // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 38. – С. 12.
4. Знаков В.В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении / В.В. Знаков // Вопросы психологии. – № 6. – 2002. – С. 45–54.
5. Ларина А.Д. Подходы, установки и перспективы в исследовании макиавеллизма / А.Д. Ларина // Вопросы психологии. – 2010. – Т. 3, № 3. – С. 75–82.
6. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн / Д.В. Люсин // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3–22.
7. Поддьяков А.Н. Представления о макиавеллизме: разнообразие подходов и оценок / А.Н. Поддьяков, И.Н. Калущая // Культурно-историческая психология. – 2007. – № 4. – С. 78–89.
8. Руденко С.В. К вопросу сопоставления понятий социального и эмоционального интеллекта / С.В. Руденко // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: монография / под общ. ред. А.В. Гордеевой, А.А. Кацера, М.И. Яновского. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2017. – 177 с. – С. 64–77.

9. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Любина, Д.В. Ушакова. – Москва: Институт психологии РАН, 2004. – 176 с.
10. Стернберг Р. Практический интеллект / Р.Дж. Стернберг, Дж.Б. Форсайт, Дж. Хедланд и др. – Санкт-Петербург: Питер, 2002. – 272 с.

Поступила в редакцию 14.11.2023 г.

MANIFESTATIONS OF MACHIAVELLIANISM IN PERSONS WITH DIFFERENT LEVEL OF EMOTIONAL INTELLIGENCE

S.V. Rudenko

This article addresses the manifestation of Machiavellianism in individuals with different level of emotional intelligence. The phenomenon of Machiavellianism in modern psychology is revealed as a behavioural tendency and as a personality trait. As a behavioural tendency, Machiavellianism is primarily viewed as manipulating others in interpersonal relationships. As a personality trait, Machiavellianism usually involves people's belief that they can and should be manipulated in their interactions with others. The main approaches to the study of Machiavellianism are analyzed. A theoretical consideration of the phenomenon of emotional intelligence is presented, including its essence, features, and approaches to study. Emotional intelligence is viewed as the ability to understand and manage one's own and others' emotions. The concepts of Machiavellianism and emotional intelligence are compared. It has been shown that manifestations of Machiavellianism and emotional intelligence have a serious impact on the characteristics and quality of interpersonal interaction. As a result of the empirical study, which was carried out, the analysis of the Machiavellianism manifestations in individuals with different level of emotional intelligence was presented with the application of modern psychodiagnostic methods. The key features of the Machiavellianism manifestation in persons with different level of emotional intelligence are highlighted.

Key words: Machiavellianism, manipulation, Dark triad of personality traits, Light triad of personality traits, emotional intelligence, understanding of emotions, management of emotions, empathy.

Руденко Светлана Викторовна.

Кандидат психологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Доцент кафедры психологии.
E-mail: Rudenko_SV@mail.ru

Rudenko Svetlana Viktorovna.

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.
Donetsk State University.
Associate Professor at Department of Psychology.
E-mail: Rudenko_SV@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в следующих отраслях наук:

5.9. Филология:

5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3 Теория литературы;

5.9.5 Русский язык. Языки народов России;

5.9.6 Языки народов зарубежных стран;

5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;

5.9.9 Медиакommunikации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии.

Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен выходить за пределы диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков), включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (vi.terkulov@mail.ru, v.korobova-latyntseva@mail.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора) статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо, **можно**, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то строки разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пуниа и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования**. **Ключевые слова:** (это словосочетание – полужирным курсивом) (8–15 слов).

Образец оформления начала статьи:

УДК 81:112

**ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ
МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО**

© 2021 *Т.А. Дьякова*

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалья, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке

оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристрастные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, – 10.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е.С.]. – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).

- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

<p>Дьякова Татьяна Алексеевна. Кандидат филологических наук, доцент. ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского». Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин. E-mail: diako122@rambler.ru</p>	<p>Diakova Tatiana Alekseevna. Candidate of Philology, Associate Professor. State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky. Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines. E-mail: diako122@rambler.ru</p>
--	---

4. Отдельными файлами после рецензирования и получения информации о приёме статьи к публикации автором подаются подписанные им Лицензионный договор и Согласие на обработку данных.

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition ‘under’ in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии Донецкого государственного университета (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: v.korobova-latyntseva@mail.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2023. – № 3

На русском, украинском и английском языках

Технический редактор: В.С. Коробова-Латынцева

Подписано в печать 23.12.23
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 18,26.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: +7 (856) 302-92-27.